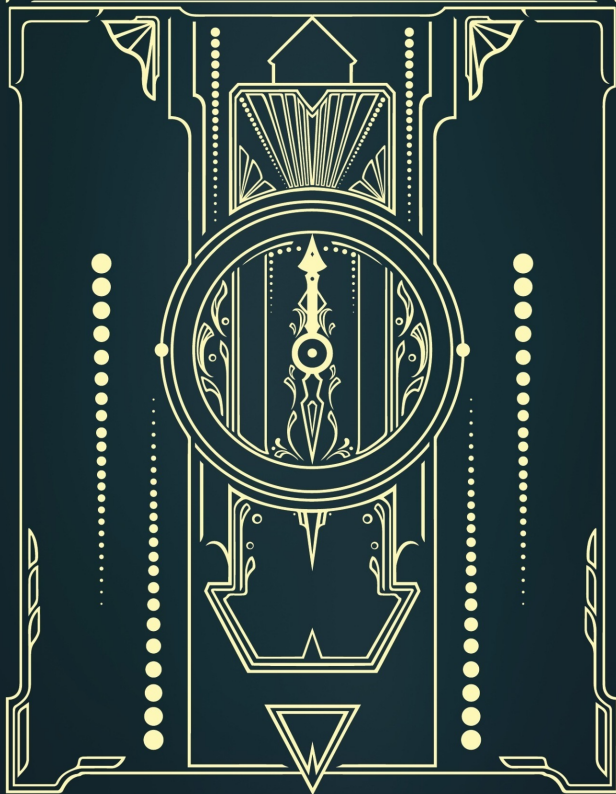

Т.К. ЛОУРЕЛЛ

ТРАМОНТАНА

КОРОЛЬ РУСАЛОЧЬЕГО МОРЯ

..... МАГИЯ ТВОРИТ ИСТОРИЮ .....

Лоурелл Т.К.
Трамонтана. Король
русалочьего моря
Серия «Тайная академия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70056391

Трамонтана. Король русалочьего моря:

ISBN 978-5-17-156510-7

Аннотация

Европа стоит на грани катастрофы, но у тех, кто принадлежит к тайному народу магов, свои проблемы. На плечах потомков благородных семей лежит бремя древних тайн, а Дар, способный творить чудеса, не может спасти их от смертоносных проклятий.

В тайную Академию Трамонтана в числе избранных поступают наследница знатного рода Исабель, герцогиня Альба, которую пожирает проклятье волшебного огня, и ее скованный древней клятвой вассал Ксандер ван Страатен, прозванный принцем русалок.

Когда над Трамонтаной сгущаются тучи, готовые поглотить мир, героям придется противостоять надвигающейся буре и разобраться в том, кто же они есть на самом деле.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	37
Глава 3	86
Глава 4	125
Глава 5	161
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Т. К. Лоурелл

Трамонтана. Король

русалочьего моря

Copyright © Лоурелл Т.К., 2023

© Перепелкина Н., иллюстрации © ООО «Издательство АСТ», 2023

*Друзьям, которые вдохновляли, поддерживали и
оставались рядом.*

Пролог 1938

Парад был безупречным, впору залюбоваться даже избалованному глазу. Гордо развевались на мартовском ветру черно-алые знамена, высоко неся хищно вцепившихся в древки могучих бронзовых орлов, чеканный шаг ни на мгновение не нарушался, и как один были молоды и веселы солдаты. И неудивительно, что хоть они и старались сделать лица подобающе суровыми и бесстрастными, глаза их блесте-

ли пуще начищенных шлемов, а поджатые губы еле скрывали улыбки. Это был час торжества, и более того – победа не стоила им ни капли крови.

Другое дело, что за то, чтобы эти веселые молодые парни сейчас шагали по улицам одного из прекраснейших городов Европы под разудалые марши своей родины, неизменные со времен ландскнехтов, заплатили другие, и немало. Собственно, Эрнст сам был одним из тех, кто здорово потрудился ради этой победы. Но сейчас, смотря на парад с балкона, слушая грохот звонкого солдатского шага и любуясь плывущими знаменами, он об этом нисколько не сожалел.

Его собеседник, маркграф, был явно иного мнения. То и дело вытирая вышитым платком потеющий лоб, он смотрел на бесконечную ленту марширующих солдат с бессильным унынием, будто перед ним описывали его имущество или уводили в рабство дочь за долги. Впрочем, это-то было недалеко от истины.

Разухабистая песня о прекрасной девушке Лоре, гремевшая в ту минуту на все окрестные улицы, совершенно заглушила звук шагов у них за спиной. Эрнст, правда, успел, так как привычка не позволила ему отмахнуться от прошедшего по спине холодка, а вот маркграф, не отрывавший печальных, как у бездомной собаки, глаз от марширующего строя, не шевельнулся, даже когда Эрнст уже низко склонился перед истинным хозяином торжества.

– Прекрасный день, господа. Эрнст, друг мой, право...

Поразительно, как голос его господина, низкий и мягкий, все же был четко слышен – будто оркестр специально при- молк, а солдаты стали ступать тише кошек. Но нет, конечно, стоило подпрыгнувшему от неожиданности маркграфу начать бормотать извинения, сразу же стало ясно, что этой магией владел только Магистр.

Извинения он прервал, едва шевельнув рукой.

– Начнем с дела, – только и сказал он, бесстрастно и вроде бы чуть суховато.

– Конечно-конечно...

Засуетившийся маркграф рванулся назад в полумрак комнаты, обернулся, будто ожидая, что они пойдут следом, но Магистр уже не смотрел на него, одаривая безраздельным вниманием гордый строй внизу.

– Вот и начинается, Эрнст, – проговорил он, опершись о кованую решетку балкона, и опять Эрнсту не пришлось напрягать слух, чтобы расслышать его даже сквозь яростный бой барабанов и гром звенящих шагов. – Благодарю вас. Вы прекрасно поработали.

Эрнст решил, что неплохо было бы еще чуть поклониться в ответ на похвалу.

– Мой повелитель, что теперь?

Его господин обратил на него ласковый взгляд угольных глаз.

– Жаждете новых задач, старина?

Эрнст счел за лучшее промолчать. Благо, вниманием гос-

пожина он владел недолго. Внизу на площади солдаты выстроились в каре и уже громовыми криками приветствовали невысокого человека, занявшего трибуну. Взгляд Магистра, на мгновение остановившийся на ораторе, стал ироничным.

– Хоть сейчас помолчат, – пробурчали хрипло из-за спины.

Эрнст покосился в сторону голоса. Да, так и есть, у входа на балкон, прислонившись худым плечом к косяку и будто сторонясь солнечного света, стоял неизменный спутник всех дорог Магистра – спокойный и безразличный, как всегда. В эту же минуту вернулся маркграф и при виде этого добавления к их компании вздрогнул, отшатнулся и застыл, растерянно переводя взгляд с одного на другого и бессильно опустив руку, сжимавшую в слабых пальцах шар из потемневшего от времени серебра, инкрустированного грубо обработанными камнями.

Снизу с площади, яростно жестикулируя, самозабвенно орал давешний невысокий человек. Почему-то Эрнсту подумалось, что эту деталь этого утра он запомнит особо.

– Ну что же вы, – негромко подсказал Магистр.

Дурной знак – чем более не в духе был он, тем тише становился его голос. Смертные приговоры он и вовсе озвучивал свистящим шепотом, змея позавидует.

Маркграф вздрогнул всем телом и – нет, не опустился: рухнул на колени, протягивая шар на вытянутых руках.

– Мой повелитель, прими этот дар как знак покорности и

верной службы...

С неба дохнуло, будто могучим порывом ветра, тягостным предвестником бури и молний. Но воздух остался недвижим, только по голубой тихой реке прошла рябь, будто дрожь, и глухим гулом, будто ворчанием невиданного зверя, отозвалась земля. Внизу – Эрнст глянул – солдаты остались неподвижны, оратор и подавно не сбавил темпа своей пламенной речи. Они не чувствовали ничего, а он еле сдержал желание вжать голову в плечи.

Маркграф съежился, зажмурился даже, но не запнулся, не умолк:

– ...моей, потомков моих и моего народа, пока жива наша земля и пока на то твоя воля...

Тишина вокруг стала нестерпимой, давящей. Казалось, еще немного, и будет не вздохнуть.

– И прими в знак клятвы артефакт, хранящий землю Восточной марки, – державу Рудольфа!

С отчаянием обреченного маркграф поднял шар над головой, и тонкие, затянутые в черную кожу пальцы Магистра схватили его и сжали. Эрнсту, хорошо знакомому с их нервной силой, подумалось: не раздавил бы.

– Я принимаю твою клятву, службу твоего народа и твою землю в свое вечное владение, – гулко, как колокол, отозвался низкий голос Магистра.

И тут же будто от этого шара, сжатого властной рукой, разошелся невидимый глазу прилив – волна незримой, но

неодолимой мощи окатила их всех, и воздух вновь покорно стал свежим, легким и весенним, успокоилась окованная камнем река, прояснилось небо. Стоявшие внизу люди и во все не дрогнули. Хотя и действительно, что им, глухим и слепым без Дара, до истинной силы и власти?

Маркграф осел на пол, не в силах или не желая подняться, только уронил голову на грудь, будто мигом обессилев.

– Вы свободны, – произнес Магистр.

Тут же (откуда только взялись и силы, и желание!) грузный человек на полу вскочил, нижайше поклонился и умчался прочь. Их господин проводил его взглядом и беззвучно рассмеялся, подбросив тяжелый серебряный шар вверх и лихо прокрутив его на пальце, как дворовый мальчишка. А потом не глядя бросил его в сторону, и так же не глядя, не отклеиваясь от косяка, сутулый седой человек поймал его.

– Неплохая штука, – оценил он, постукав по ней пальцем. Эрнсту подумалось, что и на зуб попробует, так, на всякий случай. – Теперь что?

Магистр широко улыбнулся, и у Эрнста вовсе от сердца отлегло: похоже, все-таки доволен. Значит, можно подать голос.

– Моравия? Или вы хотите уже на запад?

Магистр стремительно повернулся к нему, будто только вспомнил о его присутствии и пока еще не определился, несет ли он угрозу. Мерзкая привычка; Эрнсту понадооби-

лось семьдесят лет, чтобы научиться не отшатываться, когда он так делал. Магистра же это, похоже, забавляло – когда не раздражало. Впрочем, сегодня его реакции можно было не бояться.

«Черт тебя подери, – подумал Эрнст. – Я кавалеристов Мюрата встречал, не дрогнув, я и перед смертью не хныкал – а тебя...»

– Можно и на запад, – покладисто ответил Магистр. – Почему бы нет. Академия Трамонтана, пророчество... Не пора ли нам собирать камни, Менги?

Седой хмыкнул, блеснув синими глазами.

– Ваша воля, мессир.

– Какое пророчество? – рискнул поинтересоваться Эрнст.

– Хотя, – не слушая, хотя наверняка слыша, продолжил их господин, – лучше бы сначала разобраться с артефактом Иберии.

Эрнст не выдержал – выпучил глаза.

– Но Иберия покорна вам, повелитель! Я сегодня утром получил весть – они снова умоляют вас прибыть лично...

Глаза Магистра, черные, бездонные, резко сузились. Мягко-мягко, как крадущийся тигр, он шагнул к Эрнсту, вглядываясь в него, сквозь него, в самую душу – или в даль за Пиренеями, кому знать...

– Ну что ж, – сказал он, – пожалуй, этой чести они ждутся. А пока почему бы не насладиться днем нашей победы, друзья мои?

Будто дожидаясь этого момента, вилланские солдаты внизу вскинули руки в едином порыве, и, заглушая память о громе барабанов и яростном гневе небес, снизу полетело весело и грозно:

– Хайль! Хайль! Хайль!

Глава 1

Исабель 1939

Еще до того, как на двери бесследно истлели сияющие мигуриевые росчерки символа Академии Трамонтана, шагнувшая в проем Исабель решила, что это самое неожиданное место из всех, что ей когда-либо доводилось видеть. Конечно, сказать, что она не знала, чего ждать, было бы неправдой. Но те в ее семье, кто был готов рассказывать об Академии, не вдавались в подробные описания архитектурных тонко-

стей, поэтому она так часто сама представляла себе это место, стараясь вообразить все в мельчайших деталях, что порой ей казалось, что она там уже бывала.

И потом, в ее воображении все было логично. Раз Академия скрывалась в горном ущелье в Пиренеях, это должен быть замок. Да, огромный замок, грозный и могучий часовой с толстыми стенами и узкими бойницами. Такими были самые древние из замков ее рода, построенные в годы давних войн, и она, начитавшаяся рыцарских романов (других в ее доме не водилось), невольно воображала Трамонтану их сверстницей.

Поэтому атриум, куда вела распахнувшаяся перед ними дверь, ее разочаровал. Это был просторный зал под каменными сводами, но на этом сходство с ее предвкушениями и заканчивалось. Своды были высокими, окна стрельчатыми и огромными, за стеклами светлых витражей виднелось буйство красок ранней осени, а багряные и золотые деревья казались нарисованной частью этих витражей. И все это было причудливо изукрашено со всем прихотливым искусством готики: из каменных лилий выглядывали озорные саламандры, в капителях колонн резвились сиффы, а на кресте, оказавшемся прямо перед носом Исабель, сидела, свесив хвост, ундина. Лилии и кресты повторялись в узорах всюду, и всюду были самые разные твари, и все они, казалось, смеялись над Исабель и ее надеждами. Она невольно поджала губы.

На этом отличия зала от ее ожиданий не заканчивались.

Окажись она здесь одна, не зная что к чему, решила бы, что это зал какого-нибудь давно брошенного дворца: часть стен оплетал плющ, а посередине зал пересекал крохотный ручей, извиваясь между плитками, больше напоминавшими мостовую, чем нормальный пол. Исабель едва не споткнулась о древесный корень и окончательно перестала что-либо одобрять и понимать. Между окнами в каменных проемах (тут плющ все-таки догадались расчистить) то и дело вспыхивали пока неизвестные ей символы и гербы, распахивались двери, на мгновение приоткрывая то беспечально согретые солнечным теплом дворцы юга, то уже готовившиеся к долгому снежному игу города севера. Через эти порталы в атриум входили все новые и новые люди, и только это и доказывало Исабель, что они не заблудились, а оказались именно там, где и должны.

Нет, конечно, ее дед не заблудился бы (одна эта мысль была абсурдной), но и то, что приемный покой Академии, где только лучшие из лучших, рожденных с даром ее народа, могли надеяться учиться, выглядит вот так... фривольно, было тоже на грани абсурда, а то, пожалуй, и за ней. Новоприбывшие оглядывались, одни – словно зачарованные волшебством, которое видели впервые, другие – улыбаясь атриуму, как старому другу, после чего осматривались уже более прицельно: искали родных и знакомых, обнимались, кланялись, расцеловывались – то по-дружески, то склоняясь формально или с фамильярным кокетством над дамскими запя-

ствиями. Всюду царил негромкий гул разговоров, обмена новостями и сплетнями, и в этот гул вплеталось, будто нежные голоса флейт в сумбурный оркестр, пение невидимых птиц.

Даже на редких приемах в доме деда Исабель не видела столько людей сразу и никогда – такого количества своих сверстников. Учитывая, что они прибыли не первыми, но и далеко не последними, потому что люди все продолжали прибывать, соискателей, стремящихся пройти Испытание и стать учениками Академии Трамонтана, в этом году будет много. Взрослые не спешили одергивать удивленных и замороженных подростков, прибывших сюда впервые, и лишь следили, чтобы они оставались рядом и не проявляли дурных манер.

Исабель держалась ровно на полшага позади деда – крохотное расстояние, подобающее случаю. Глава семьи был крайне требователен в подобных вещах, и она постоянно сверялась с внутренним списком того, как должно: дистанция, интонации, выражение лица. Наконец он остановился, и она украдкой на него глянула. Здесь, среди множества людей, большинства из которых не коснулась еще седина, дон Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба, казался глубоким стариком. Его смуглое остроскулое лицо, будто вырезанное из темного дерева, иссекали морщины, у сурово поджатых губ, между сведенными бровями они были особенно резки. Аккуратная эспаньолка и коротко стриженные волосы уже наполовину обратились в старческое серебро, но поры-

вистость хищной птицы, в мгновение переходящей от покоя к броску, и зоркость черных глаз, полускрытых под пергаментно-тонкими веками, как и неизменная военная выправка, сделали бы честь и юноше.

Она должна быть такой же безупречной, чтобы каждый, глядя на них, видел, что никто из ее рода не уронит достоинства и чести и уж точно не будет пялить глаза по сторонам, выдавая свои чувства. Но она... Исабель глянула на свои руки – так и есть, напряжение дало о себе знать: пальцы нервно сжаты до белизны в костяшках. Стараясь расслабиться, она сделала тихий глубокий вдох, но тут же раздраженно нахмурилась, осознав свою ошибку, ведь Ксандер, безмолвно стоявший у нее за спиной, конечно наверняка все заметил. Эти глаза цвета темного моря отмечали все, и особенно то, что касалось ее – так следят за бешеной собакой или ядовитой змеей. Она было вспыхнула злостью, но тут же поймала эту злость за хвост и успокоила прежде, чем к ладоням прилила первая волна губительного жара.

Другие ее ровесники, отметила она с некоторым удовлетворением, были ошеломлены и взволнованы не меньше, и держали себя в руках, пожалуй, и похуже: хоть не отставали от своих взрослых, отвечивая поклоны всем, кого те приветствовали, и то хорошо. Исабель снова посмотрела на полного достоинства деда, но успокоиться это не помогло. Как бы она ни следила за осанкой, плечи то и дело поднимались в неудобном защитном жесте, опускался подбородок, а рас-

пущенные волосы вместо того, чтобы, как в рыцарских романах, шелковой волной растекаться по спине, угрожали зацепиться за пышную отделку чьего-нибудь плаща. Дон Фернандо, вопреки ее опасениям, не сделал ей ни одного замечания, так что она тешила себя надеждой, что хоть и на ватных ногах, но шла ровно и даже почти величаво. Следовавший за ней Ксандер непроницаемо молчал, а ей, решила она, не подобало при всех одаривать его вниманием, которое можно было бы счесть благосклонным, и не бросила ни взгляда в его сторону – только иногда краем глаза выхватывала его золотисто-русую голову.

– Дон Фернандо, какая неожиданная радость! А это ваша очаровательная внучка?

Дед ответил на поклон и приветствие грузного, лысеющего человека, но сделал это сухо и даже холодно. В реверансе Исабель, конечно, ничего подобного быть не могло: этого человека она знала, он когда-то бывал у них в доме, хотя сейчас и делал вид, что не видел ее много лет и еле узнал.

С маркграфом Одоакром Бабенбергом, властителем Восточной марки, она могла быть только сугубо почтительна, как бы ни противно было ей прикосновение его влажной вялой ладони к ее щеке.

– Милое дитя! А вот мой Клаус.

Исабель ожидала увидеть копию маркграфа, но обманулась: возможно, когда-нибудь сын и станет похож на отца, но сейчас наследник Восточной марки выглядел хрупким и

тихим, хотя по росту не уступал Ксандеру и казался рядом с ним несколько бесплотным. Глаза у него, когда он их поднял на Исабель, были огромны и испуганны.

– Вы, конечно, уже слышали новость, дон Фернандо, – доверительно наклонился толстый маркграф к ее деду, старательно не замечая стоявшего рядом Ксандера. – Говорят, фон Ауэрштедт уже в Праге...

– Не сейчас, – отрезал дед, а когда Одоакр торопливо покивал, добавил уже мягче: – Мы поговорим после, если вы не возражаете.

– Конечно-конечно... Мое почтение еще раз, дон Фернандо... сеньорита... Клаус!

Юный Бабенберг торопливо поклонился еще раз и умчался следом за отцом. Исабель задумчиво проводила его взглядом. Маркграф был суетлив и, раз дед его презирал, еще и глуп, но пышное щегольское перо на его шляпе крепилось аграфом с гербом Академии. Значит, он тоже был выпускником. А вот ее, Исабель, отец, хлипкий чужак из галльской земли, которого она никогда не знала, – нет. Как и мать, донья Анхелика, которая не смогла пройти Лабиринт...

Она попробовала посчитать, сколько ее сверстников сейчас в этом зале, и сбилась довольно быстро, но решила, что никак не меньше сотни. Скольким улыбнется удача и, как итог, успешное прохождение Лабиринта, она не знала, но помнила, что очень-очень немногим. У ее деда помимо дочери было трое сыновей и один уже взрослый внук, и все

четверо имели честь тут учиться – что, Исабель знала, было большой редкостью для любой, даже самой знаменитой и древней семьи.

Как будет с ней? Будет ли она когда-нибудь так же, как некоторые здесь, с небрежной гордостью носить знак выпускника? Или уже этим вечером она вернется в родовое гнездо без права когда-либо еще испытать свои силы?

Дон Фернандо не путешествовал по залу, как другие. Выбрав себе удобную позицию, он стоял, прямой и строгий, как аскетичные святые на церковных порталах, зорко наблюдая за окружающими из-под чуть опущенных, будто в высокомерном утомлении, век. Исабель попробовала последовать его примеру, но, должно быть, это требовало тренировки, потому что обзор ее стал невыносимо узким, так что девушка просто подняла подбородок и старалась не крутить головой. Она внучка первого из грандов Иберии, и суесться и выпучивать глаза ей не пристало. Не вертеться было сложно, тем более что прибывавшие были очень разные и любопытные.

Из одной двери (заснеженные горы сверкнули в портале, словно засахаренными, белоснежными наверхушками) шагнула полноватая статная женщина и такой же высокий парень с объемной шапкой светлых кудрей, похожих на баранью шерсть, и добродушным улыбчивым лицом. Гельвеция? Авзония? Это ведь были не Пиренеи...

Нет, не авзоны. Их, чья группа была самой большой, ни

с кем не перепутаешь: упоенно жестикулируя, громко переговариваясь характерными для них певучими голосами, они обменивались рассказами о том, кто кому в какой степени родич. Дети голосили наравне со взрослыми, кроме разве что одной девочки, беспокойно рывшейся в каких-то записях и поминутно оглаживавшей широкую юбку. Неподалеку от нее стоял широкоплечий серьезный парень, с легким прищуром вглядывавшийся в каждого и по контрасту с девицей казавшийся образцом спокойствия.

Галлов же роднили не говор и не суета, а легкая небрежность манер и стиля. Исабель даже залюбовалась на шарфик одной дамы – уж очень он изящно был повязан, – пока не одернула себя. А вот на другую даму засмотрелся весь зал, во всяком случае, все мужчины. Тонкая, одетая по последнему слову безрассудной галльской моды, окутанная туманом таинственных духов и сама будто вся мерцающая, она лишь на мгновение приподняла тончайший шелк вуали с лица, чтобы поцеловать дочь, такую же точеную и золотоволосую, и в нее впились сразу все взгляды. Томно обозрев зал зелеными, как болотная вода, глазами, она улыбнулась и опустила вуаль. Слишком яркие были эти глаза, и Исабель хмыкнула, наблюдая, как повсюду в зале перешептывающиеся женщины раздраженно одергивают мужчин. Надо совсем разум потерять, чтобы заглядеться на ундину. Другое дело, что разум есть не у всех.

К ее деду, заметила она не без удовольствия, подходили

те, кто все-таки умел или старался вести себя прилично и разумно. Некоторых – главным образом иберийцев, таких же строгих, гордых и полных осознания своего величия, как и ее дед, но все же почтительно ему кланявшихся – она знала, как и их детей, и фламандских вассалов этих детей, конечно, тоже. Вот Алехандра де Мендоса в шокирующе короткой юбке – едва на ладонь ниже колена, подумать только! – воспользовавшись невниманием своего отца, сделала быстрый намек на книксен и подмигнула Исабель, тряхнув отливающими рыжиной локонами. Ее фламандка, вечно тихая Катлина, еле заметно качнула головой в легком упреке, и Алехандра с покровительственной фамильярностью взяла ее под руку; хотя и правда, в этом доме всегда слишком распускали своих вассалов, да и детей, похоже, тоже. Исабель почувствовала, как губы вновь норовят поджаться, и постаралась вернуть себе бесстрастное выражение лица, надеясь, что получилось.

А еще все фламандцы украдкой пожирали глазами Ксандера, безмолвно стоявшего у нее за плечом, но с этим ничего нельзя было поделать. Но что действительно раздражало, так это то, что в этом они были не одни. Она улавливала имя своего вассала в легком шепоте вокруг – на каком бы языке кто ни шептал, искажалось оно не сильно, – и это было бы даже лестно, если бы слишком многие не смотрели на него с непонятным ей сочувствием. Знали бы они фламандца лучше, сочувствие адресовалось бы ей, подумала она и

даже вздрогнула от неприятной мысли. Нет уж, лучше так. И правильно. Что еще, кроме жалости и презрения, можно испытывать к одному из вассалов? Разве заслуживают другого те, кто веками терпит рабство и приносит клятву верности давним врагам?

– Здравствуйте, друг мой.

Высокий широкоплечий человек, чью шею сковывал высокий расшитый воротник, а бледное лицо от виска до подбородка пересекал старый шрам, не просто раскланялся с ее дедом – они крепко пожали друг другу руки. Исабель присела в низком поклоне, узнав его сразу, как и любой в их народе бы узнал.

– Ваша внучка? – водянистые глаза Гийома де Шалэ, первого министра Галлии, прищурились, изучая Исабель, и она снова присела в поклоне. – Вы прелестны, сеньорита, желаю вам удачи. – И уже ее деду добавил: – Я с младшим, но мальчики уже куда-то исчезли, должно быть, посвящают Франсуа в неведомые мне тайны.

Дед ответил слабой улыбкой, а его собеседник посмотрел за плечо Исабель – и удивленно вскинул изломанную шрамом бровь. Впрочем, он не промедлил и мгновения, одаряя ее вассала таким же спокойным, вежливым кивком, как и саму Исабель.

– Принц Ксандер.

Тот ответил почтительным молчаливым поклоном, а дон Фернандо лишь чуть скривил уголок рта, но не стал коммен-

тировать этот обмен.

– Можно порадоваться тому, сколько сегодня здесь людей, – сказал он так, будто ничего и не произошло. – Молодая кровь не подводит.

– Да уж, – отозвался галльский министр, – некоторых я давно не видел, а иных и не ожидал здесь увидеть.

– Например?

– Например, Нордгау. Я даже не знал, что у него есть дети. Вы когда-нибудь видели его жену? – Когда дон Фернандо чуть качнул головой, де Шалэ хохотнул. – Впрочем, не удивлюсь, если в его роду отпрыски вылупляются из яиц, как полагается змеям. Воля ваша, а я порадовался, что захватил с собой свою фляжку, и, поверьте, не выпущу ее из рук.

Дон Фернандо усмехнулся.

– Помилуйте, Гийом. Я понимаю, что Академия будит во всех воспоминания отрочества, но вам не кажется, что это уже злопамятность? И потом, если я правильно помню, Луису досталось больше, чем вам, а сейчас они прекрасно общаются. В конце концов, герцог Рейнский – умный человек.

Исабель при упоминании старшего из своих дядей, наследника рода, постаралась вся обратиться в слух, тем более что ее память не хранила никаких рассказов, которые бы объяснили слова высокопоставленных собеседников. Человека же, о котором так нелестно упоминал министр, она в глаза не видела: где бы дядя Луис с ним ни общался, в родовом гнезде тот не появлялся.

– Все мы тут люди умные, – буркнул де Шалэ, – и поверьте, если бы речь шла только о детских шалостях, я бы не стал остерегаться. Общаться и мы общаемся, раскланиваемся и все такое, но сегодня нам предстоит сесть за один стол. Вы же будете в Пье-де-Пор?

Дон Фернандо помрачнел.

– Конечно. И до того, если у вас есть время, хотел бы заранее кое-что с вами обсудить.

– Да?

– Я бы хотел узнать ваше мнение о... Праге, – понизив голос, закончил дон Фернандо.

Де Шалэ перевел взгляд на него, явно окончательно забыв и об Исабель, и о Ксандере, и вообще об остальных вокруг.

– Простите, но вы знаете мое мнение. Это зверь, причем сорвавшийся с цепи, и ничего хорошего нам ждать уже не приходится.

Голос он понижать не стал – скорее даже заговорил громче, словно бросая вызов кому-то невидимому, но вездесущему. Дед Исабель не вздрогнул, но чуть побледнел – точнее, посерел лицом – и сдержанно ответил:

– С ним можно договориться.

Де Шалэ дернул плечом.

– Я знаю вашу позицию, зная вас – ее уважаю, и вы в своих действиях вольны, но и мы тоже, и вашему примеру следовать я не намерен.

– Есть те, кто скажет, что худой мир лучше доброй вой-

ны, – заметил дон Фернандо настолько бесстрастно, что даже Исабель, втайне гордившаяся тем, что могла угадать его чувства, не смогла понять, думает ли он так же.

Смысл разговора от нее ускользнул давно, но показывать этого было нельзя. Она постаралась изобразить на лице понимание и даже глянула на Ксандера, как посмотрела бы в зеркало, но тот всем своим видом ничего не выражал, ни одобрения, ни издевки, ничего. Может быть, он что-то понимал?

– Речь не идет о мире вообще, мой почтенный друг, – немного резковато отозвался де Шалэ. – Опять же, при всем уважении к вам лично я не вижу выгод в вашем положении или, если на то пошло, Восточной марки. Теперь очередь Богемии и Моравии, и я уверен, что они тоже... Впрочем, – он вдруг улыбнулся неожиданно обаятельной, несмотря на изувеченную шрамом губу, улыбкой, – сегодня день совсем иных забот.

– Действительно, – кивнул дед, вновь успокаиваясь, – об остальном поговорим позже.

Вновь рукопожатие, благожелательные кивки, и де Шалэ удалился.

Издалека – слишком далеко, чтобы вдруг пробираться к ним, и слишком близко, чтобы не увидеть и не отметить – им с безупречным изяществом и некоторой дружеской непринужденностью поклонился высокий стройный мужчина, черноволосый, как южанин, и бледный, как истинный

сын севера. Стоявшая рядом с ним худенькая девочка, чья голова чудом не клонилась под тяжелым венцом светлых кос, присела в отточенном реверансе. Дед ответил мужчине на поклон, как равному, и милостиво кивнул девочке в ответ на реверанс.

Исабель почти уже решила спросить, кто этот незнакомец, но не успела: к ним подошла дама, на плече которой красовался герб со львами Арагона и башнями Кастилии. Советник кортесов – это Исабель знала, и притом высокопоставленный, во всяком случае, поприветствовали они с дедом друг друга сердечно, улыбнувшись при обмене поклонами.

– Как летит время, дон Фернандо, – заметила она после обязательных вопросов о здоровье и благополучии. – Подумать только, теперь уже донья Исабель...

– Дети растут быстро, донья Инес, – с легчайшим из вздохов согласился дед. – Кто это с вами?

Гостья чуть шагнула в сторону, открывая их взору доселе скрытую ее мантией фигурку. Новаяявленная девочка – бесспорно иберийка – закусила бледные губы и мятежно сверкнула глазами из-под отросшей темной челки. Реверанс у нее получился несколько неуклюжий, несмотря на явное старание, и чиновница страдальчески свела темные брови.

Дед, впрочем, отреагировал на явление с явным для Исабель любопытством.

– Это та девочка, о которой вы мне писали? Вилланка?

Исабель не выдержала и уставилась на девчонку, жадно разглядывая каждую деталь: и одежду, в ткани которой было не угадать руки мастера, и странную обувь на явно не деревянной и не кожаной подошве, и алую пентаграмму на груди, которую девочка нервно поглаживала, – амулет, должно быть. Девочка ответила ей взглядом исподлобья и снова опустила бедовые черные глаза. Вилланка! Исабель, конечно же, знала, что подобное случается время от времени, но слышать – это одно, а увидеть урожденную вилланку воочию – совсем другое. Даже молчаливый Ксандер, выверенно склонивший голову при появлении доньи Инес, с любопытством впился в вилланку взглядом.

– У нее и правда Дар, – заметил дед, разглядывая явленное ему существо с некоторым недоумением. – И, должно быть, немалый, раз отправили сюда и с вами.

Донья Инес чуть пожала плечами.

– Так и в кортесах рассудили, но, по-моему, тут определенно не скажешь. Вы же понимаете, в минуту смертельной опасности любой, даже виллан, может вдруг проявить... способность. Но она ничего не значит, если это просто спонтанность, случайность.

– Вы не проверяли? – в голосе дона Фернандо скользнуло легкое неодобрение.

– Это сложно проверить, и потом, первый случай был впечатляющим, согласитесь!

– Соглашусь, – кивнул дед.

Исабель глянула снова в сторону вилланки, которая ковыряла носком своего необычного ботинка камень в полу и делала это упорно: камень немного шатался, поэтому ей удалось выковырять немного земли. Вилланы есть вилланы – им и тут надо развести грязь.

– И потом, у девочки как раз подходящий возраст, – услышала она голос доньи Инес, снова прислушавшись к разговору.

– И вы решили перенести ответственность и выбор на Лабиринт и Академию? Мысль не худшая, не подумайте, что я смеюсь, это может даже оказаться эффективным.

– Признаться, я все-таки не уверена, что она пройдет Испытание, – сказала донья Инес доверительно. – Дети лучших родов не всегда проходят Лабиринт, что уж говорить о вилланах. Дар Даром, но планка Трамонтаны – высшая из всех, и...

– Это непредсказуемо, – осадил дед, Впрочем, чуть улыбнувшись тут же, чтобы показать, что разделяет ее мнение, хоть и должен остеречь от поспешности. Донья Инес вспыхнула и поклонилась, признавая промах. – Впрочем, будем надеяться.

– Будем, – вздохнула советница. – Поговаривают, что чем меньше знаешь о Лабиринте, тем больше шансов его пройти. Правда, я в этом вовсе не уверена...

И тут ясно и звонко запели трубы, а в витражные окна ударили лучи солнца. Единственный простенок, через который

пока никто не проходил (Исабель даже подумала, что там нет ничего, кроме камня и плюща, даже окон в этой части стены не было), вдруг треснул, подался, разошелся створом огромных ворот, украшенных тонкой резьбой. А из возникшего прохода навстречу притихшей толпе вышел человек.

– Добро пожаловать, дамы и господа. Я, Сидро д’Эстаон, волей судьбы ректор Академии Трамонтана, приветствую вас на ее пороге.

Ректор, как и атриум, выглядел вовсе не так, как ожидала Исабель. Главу Академии она представляла себе почему-то глубоким старцем, одетым во что-то неопределенное вроде рясы, почему-то – высоким, но обязательно сгорбленным под весом прожитых лет и, конечно, с длинной седой бородой. Эдакий волшебник Мерлин, как на гравюре в томе артуровских легенд, которым она, бывало, любила зачитываться. Даже на гравюре можно было разобрать таинственную улыбку на его губах, и Исабель частенько воображала, как сидит у ног такого учителя, почтительно внимая его урокам.

Д’Эстаон был прямой противоположностью ее детским мечтам: невысокий, худощавый, гладко выбритый, с безупречно прямой спиной и одет строго, но со светской элегантностью. В руках он держал изящную резную трость, хотя вовсе не хромал; остановившись, он поставил ее перед собой и сложил на ней руки – на правой полыхнул недобрым зеленым огнем крупный камень. Говорил он спокойно и учтиво, но не улыбался, а глаза его, бесцветные и прозрачные,

как талая вода, окинули слушателей таким жестким и цепким взглядом, что многие поежились. Подростки замерли, а большинство взрослых – включая самых знатных и титулованных – подобрались и встали едва ли не навытяжку. Стало очень тихо, умолкли не только люди, но и ветер, ручей и птицы, лишь откуда-то раздавалось тихое жужжание, похожее на пчелиное.

Ректор погладил трость, и жужжание чуть притихло.

– Я счастлив видеть здесь всех вас, – продолжил он на безупречной, звучной латыни, даже, пожалуй, слишком звучной и резкой на иберийский слух Исабель. – Всегда отрадно видеть, что наша кровь не оскудела талантами. Каждый из вас, соискатели, не только наделен Даром – правом, силой и долгом творить, менять мир, повелевать стихиями и служить благу земли и всего живого. В вас горит свет особенно яркий, даже среди нашего избранного, хранящего память и веру народа. Но стать учеником Академии – честь, которую заслуживают только лучшие из лучших, и через несколько часов мы узнаем, кто из наших юных гостей достоин ее.

Он чуть повел плечом, и за его спиной вспыхнули факелы, освещая вход, из которого дохнуло мягкой, немного влажной прохладой. Исабель вдруг осознала, что эта стена была не просто так лишена окон – ей атриум врался прямо в гору. А еще факелы осветили фигуру, нависшую прямо над проемом – вырезанную из камня грозную мантикору ¹. Ба-

---

¹ Мантикора – мифическое существо, чудовище с телом льва, головой человека

рельеф был искусен: казалось, орлиный взмах могучих крыльев вот-вот снимет зверя в полет, чудился скрежет грозных когтей, впившихся в камень, и сурово и бесстрастно было лицо, обрамленное львиной гривой. Это выражение удивительно роднило мантикору с ректором.

За плечом Исабель уловила еле слышный вздох Ксандера, наполненный удивлением. И он был не единственным: хотя каменный зверь поражал своими размерами, до сих пор на него никто не обратил внимания, как будто он скрывался за завесой, а пламя факелов эту завесу вдруг испепелило.

– Вы войдете в эти двери и подвергнетесь испытанию, – продолжил д’Эстаон. – Ваша задача проста. Каждому будет дан амулет. В центре Лабиринта находится комната, где лежат двадцать два редких камня. Ребис – камень могущества, древний символ учеников Академии Трамонтаны. Вы должны достичь сердца Лабиринта, если сможете, и обменять данный вам здесь амулет на один из этих камней. Те, кому это удастся, выйдут из Лабиринта учениками Академии. Путь будет труден, и тем, кто сочтет его непреодолимым, достаточно разбить свой амулет, и помощь придет, но Академия будет для них закрыта с этого мгновения навсегда. – Он чуть улыбнулся. – Как, впрочем, и для тех, кто опоздает стать одним из двадцати двух.

и хвостом скорпиона; по некоторым описаниям имеет рыжую гриву и три ряда зубов, а также голубые глаза. В средневековье полагали, что мантикора является хищником и может охотиться на людей.

Он сделал паузу, вновь обводя всех пронизывающим, проницательным взглядом.

– Испытание каждому положено свое, – наконец снова заговорил он. – Известно одно, но доподлинно: вам понадобится вся ваша воля, сила духа, крепость разума и, да, та искра в вашей душе, что делает каждого из вас магом. Никаких других правил нет. Если вы пройдете, я встречу вас по ту сторону Лабиринта. Если нет – возможно, больше мы не увидимся.

Он перехватил трость поудобнее – снова сверкнул его перстень, усилилось жужжание, – повернулся в сторону ворот и вдруг замер, будто вспомнив об упущении.

– Вы можете входить когда угодно, – добавил он через плечо. – Как только соберетесь с духом. Но помните об условиях. На пути к цели каждый сам за себя. Конечно, – он усмехнулся, – вы можете попробовать помогать друг другу... или мешать. Но вряд ли у вас будет на то много возможностей.

С этими словами он шагнул во тьму под лапами каменной мантикоры, но прежде, чем тени успели поглотить его, обратился в дым и туман и исчез.

Внезапно правое запястье Исабель будто обхватили холодные пальцы – она опустила взгляд и увидела хрупкий на вид браслет из неведомого ей прозрачного мерцающего камня. Судя по тому, что все юноши и девушки, кому на вид можно было дать ее четырнадцать лет, столь же изумленно изучали свои руки, это и был амулет, который следовало раз-

бить в случае собственного малодушия.

Исабель упрямо сжала губы в тонкую линию. В ее семье уважали отважных и храбрых людей, и она сделает все, чтобы не подвести деда и дядей. Как бы то ни было, она справится. Пройдет. Станет одной из тех, кем гордится ее род.

Толпа тем временем заволновалась. Министр де Шалэ вдруг чуть не с рыданием прижал к груди младшего из сыновей, пока старшие столпились вокруг, с показной бодростью хлопая брата по спине. Где-то рядом взвизгнула от предвкушения Алехандра и рванулась было к открывшемуся входу в гору, но ее удержала мать, приглаживая ее непокорные кудри и торопливо шепча ей последние наставления. Давешняя гельвецианка же, наоборот, со стоической строгостью протянула руку своему высокому кудрявому сыну, а когда он склонился над ней, торжественно перекрестила его затылок.

Исабель вдруг подумала, что сделала бы ее мать. Плакала бы от волнения, советовала, прихорашивала, утешала, ободряла?

– Исабель, тебе пора.

Наверное, хорошо, что матери рядом нет. Она, до боли стискивая трясущиеся пальцы, почтительно склонила голову и ощутила почти невесомое прикосновение сухих губ ко лбу. Ей показалось, что губы эти дрогнули, что дед медлит отпустить ее, хотя скорее замедлилось бы само время, чем он.

– Иди, дитя мое.

Она привычно послушалась бесстрастного приказа и с

прямой до боли спиной пошла к проему под лапами мантикоры, ступая как могла твердо и уверенно. Впереди нее в этот проем уже входили – кто-то так же гордо, кто-то с показным безразличием, кто-то быстро, словно и в самом деле с кем-то соревнуясь в беге, кто-то, наоборот, замедляя шаг, словно ожидая, что сейчас его окликнут, и никуда идти не придется. Один даже прижался к краю и заглянул внутрь, прежде чем прокрасться туда едва ли не на цыпочках.

Все боятся, заметила она с некоторым облегчением.

Рядом с ее плечом еле слышно вздохнул Ксандер, и она не выдержала – бросила на него взгляд. Фламандец был спокоен – или нет, он как будто ожидал чего-то предсказуемого, невольно касаясь хрупкого браслета, охватывающего его руку. Конечно же, внезапно ясно поняла она, чувствуя резкий прилив жаркой ярости, он знает, что не пройдет! Нет, еще хуже – он решил, что не пройдет. Он разобьет амулет, едва шагнув за порог Лабиринта, и благополучно вернется домой к отцу и матери, выбрав свободу от нее, а не обучение в Академии. Ему-то что, его никто никогда не упрекнет, что он не прошел, ему не нужно поддерживать славу семьи, ему вообще ничего не нужно, кроме тех клочков свободы, которые только и может урвать прирожденный раб!

Пальцами, едва не искрившимися от бившегося в ней гневного огня, она вцепилась ему в руку, куда там той мантикоре на скале.

– Даже не надейся, – прошипела она фламандцу в ухо. –

Я, Исабель Альварес де Толедо, силой крови Альба приказываю тебе, Ксандер ван Страатен, пройти Лабиринт и стать учеником Академии!

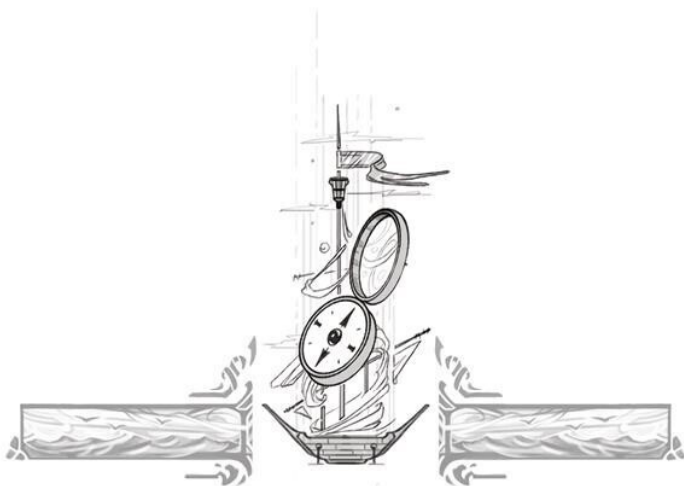
Удар сердца, другой. Он молчал, стиснув зубы, а под ее пальцами уже начала дымиться его рубашка. Еще удар. Что будет, если он сейчас упадет на глазах у всех, отказавшись?

– Слушаюсь, сеньора, – выдохнул он, и в глазах его плескалась темная ненависть.

А потом, стряхнув ее руку со своей, первым шагнул во мрак Лабиринта.

Глава 2

Лабиринт

*Deze spaanse teef*². Это было первой его мыслью, когда он переступил порог из черного гранита в беспросветную тьму и осторожно огляделся, сделав шаг в сторону (еще не хватало, чтобы кто-нибудь, а пуще того, *она* влетела от усердия прямо ему в спину). Оттого, что он огляделся и поморгал, тьма не поредела. А еще не было видно и даже слышно тех,

---

² Испанская сучка (*нидерл.*)

кто их опередил, и это казалось вовсе странно: в каменный проем прошло немало, и шли они непрерывным потоком. К слову, и Беллы рядом тоже не было, хотя он мог бы поклясться, что после того, что он сделал, она прыгнет следом, как ошпаренная кошка.

*Godverdomme*³. И как прикажете пробираться по Лабиринту, которого даже и не видно?

Мысль о приказе, а точнее, Приказе его моментально отрезвила. Каким бы ни было это странное место, какие бы препятствия его ни ждали, он должен пройти. Проклятая иберийка не оставила ему выбора. Вздохнув, он пошел вперед, решив, что дверь за спиной послужит хоть каким-то ориентиром. Конечно, раз за ним не слышалось ни людей, ни даже звуков шагов, в Лабиринте явно не работали элементарные законы природы, но иллюзорная точка отправления все же лучше, чем никакой. И, в конце концов, он – потомок тысяч мореходов, и чутье, которое всегда вело их к родному берегу помимо звезд и против волн, не должно было отказывать и здесь. Хоть как-то. Хоть немножко. Не должно же?

Тьма оставалась непроглядной. В ней не ощущалось ничего – ни одного дуновения, ни единого запаха или звука, ни малейшего источника света. Настоящую ночь, хотя бы даже и беззвездную, наводняли плески неустомимых рыб, мерцание зорких совиных глаз, затаенное дыхание хлопотливых мышей, вздохи ветра и шелест травы. И настоящая ночь рав-

---

³ Черт возьми (*нидерл.*)

нодушна, для нее человек – всего лишь еще один из ее призраков, не более того. Эта же тьма рядилась в одежды земной ночи, как скоморох мажет лицо сажей, но скрыться под иллюзией не могла. Она вся была неведомым единым организмом, а не мозаикой, и зоркость ее была хищной, пристальной, хладнокровной и чуждой.

Ему стало зябко. Еще очень захотелось побежать, и он не сразу сообразил, что уже несколько минут как ускорил шаг, а заметив, заставил себя замедлиться, даже остановиться и подождать, пока успокоится забившееся сердце. Чем бы ни была тьма, забавлять ее своим смятением он не станет.

Но Приказ, чертов Приказ!

Пусть мчатся очертя голову Ксандер и не собирался, все же пошел быстрее вперед – надеясь, что это было именно вперед – в податливую тьму. Пещерный пол – должно быть, пещерный, какому же тут быть еще – тут же сыграл с ним злую шутку: он попал ногой куда-то между камней, чуть не упал, еле вылез, чертыхаясь такими словами, какие можно услышать только на пристани. Вскочил снова и, уже не очень понимая, верно ли идет и есть ли здесь вообще верное направление, зашагал дальше.

Минуты текли как густейший мед.

Анна, его кухня Ани. Она тоже была здесь, она прошла, она как-то сумела – значит, все не так плохо, значит, шанс все-таки есть. Про Лабиринт Ани не рассказывала, только сказала как-то очень коротко, что пришлось трудно, но ни-

чего — а она бы наверняка предупредила, если бы что-то было серьезно не так. Но торопиться все же стоило, только...

На следующем шаге его нога вдруг попала в воду. Причем не просто в воду, не в лужу и даже не в некое подземное озеро — нет, его ноздрей коснулся родной, безошибочно знакомый запах, запах горьковатой соли и свежести. Ботинок моментально промочила набежавшая легкая волна, и сразу стало слышно тихий неумолчный говор ее товарок.

Море? Здесь? Откуда?

Впрочем, это было не так уж важно, решил он, спешно снимая и промокший ботинок, и его пару, и носки. Задумался, стоит ли закатать штаны или просто обойти возникшее препятствие по кромке воды, понадеявшись, что где-то оно заканчивается. Но как только прохладная соленая волна нежно коснулась босых ног, он понял, что никакой силы воли ему не хватит, чтобы отступить назад.

Тем более, что где-то в немыслимой вышине разошлись тучи, повинувшись налетевшему ветру, и открывшиеся по-северному бледные звезды, а вскоре и почти полная луна осветили только узкую полосу берега, где стоял он, и море. Больше мало что было видно: за спиной угадывался силуэт дюны и мерцал огонек маяка, но впереди виднелась только вода.

И эта вода ластилась к нему, как соскучившаяся по хозяину кошка, шепча и переливаясь в неверном ночном свете. Казалось, протяни руку, и волна выгнется упругой дугой, радуясь вниманию, восторженно покоряясь одной лишь его

мысли, малейшему жесту. Он сам не понял, как уже оказался среди радостно плещущей воды сначала по колено, а потом по пояс. Стоило ему на долю секунды испугаться этого неведения, как волны робко отпрянули назад. Он улыбнулся, досадуя на слабость, и *позвал*.

Торжествуя, море ответило внезапным приливом, взвыл в вышине ветер, заволакивая луну новыми облаками, но Ксандеру это было все равно: отбросив последние сомнения, он рванулся навстречу порыву родной стихии, нырнул, чувствуя, как его будто подхватывает невидимая, могучая и во всем ему покорная рука. И море пело неразборчивым гулом, и в ответ ему пели те, кто жили в его глубинах.

Их Ксандер знал с детства.

*Когда из воды змеями вдруг метнулись бледные руки с перепонками между пальцев и острыми когтями впились в ноги Морица, который стоял на сходнях, тот закричал. Ксандер никогда не слышал, чтобы старший брат кричал так, и на минуту оцепенел от ужаса, но когда Мориц сорвался в воду, из последних сил цепляясь уже ободранными, кровоточащими пальцами за грубое дерево... Он не знал, что делать, но знал одно – *zeeteertin*⁴ захотели его брата.*

Об этом уже давно шептались, их уже пару месяцев не пускали одних к воде, а старая кормилица Лотта рассказывала им на ночь особенно жуткие сказки о морском народе и их ненависти к строителям дамб. Слуги в доме испуганно

---

⁴ Русалки (нидерл.)

шептались о том, что одна русалка погибла, запутавшись в сетях, и морской народ поклялся отомстить. Четырехлетний Ксандер после этих рассказов долго не мог уснуть ночами, и Мориц крепко обнимал его и обещал, что ничего не случится, потому что он старший и сумеет уберечь меньшого братишку. И Ксандер верил, потому что Мориц, конечно, был слабее, чем отец или дядя Герт, но все равно очень сильный и ловкий и никогда не давал его в обиду.

И он нырнул, потому что большие ничего придумать не мог, а стоять и ждать помощи не мог тоже – брата надо было спасать, и спасать сейчас.

А еще – море тоже никогда не давало его в обиду.

Сейчас они тоже оказались рядом – прекрасные, гибкие, они бросились радостно его обнимать. И пели о дальних берегах, куда не ходят корабли, о глубинах океана и редкостных рыбах, о тайфунах и бурях, неудержимых и яростных, и гигантских волнах, смывающих города. В такт их песням бесновалось и бушевало море, и он знал – стоит ему лишь захотеть, и корабли, и бури, и волны будут в его власти.

В его груди нарастал смех, стремясь наружу, горели изголодавшиеся легкие, а русалки пели, и он слышал в песне другую правду: пожелай только, и ты станешь одним из нас, выше нас, сильнее нас, море будет твоим королевством, свободным от клятв и приказов, и ты будешь волен и могуч, как мы!

Стихия жаждала прикосновения его Дара – знака, выра-

жения его воли, согласия стать ее неотъемлемой частью и забыть навсегда... Но что?

Он глянул вверх, сквозь толщу воды, и увидел – за прихотливым муаром неутомимых волн в неверном свете луны – ясный, как звезда, свет маяка. Где-то там, среди спящих садов, ветряных мельниц, сложивших паруса кораблей, его ждали, за него молились, на него надеялись.

Нежные руки морских красавиц стали настойчивей, песня громче. Он почувствовал, как неодолимая сила моря медленно, но верно понесла волны прочь, назад от берега. Час выбора настал. Он мог уйти с отливом, мог повелевать отливом, стать отливом – и спящая в нем мощь поглотит его навсегда, а свет маяка и молитвы больше не будут иметь над ним власти...

Он рванулся наверх, вырываясь из тесных объятий, а когда когтистые руки впились в его тело – властно *позвал* вновь. Стихия бесновалась, не желая подчиняться, но он собрал всего себя, всю свою волю в кулак, не давая морю ускользнуть из узды. Наконец хватка воды ослабла, будто разжались невидимые пальцы, и могучая ладонь покорно и печально вынесла его на песчаный берег, где он упал, задыхаясь и хватая ртом благословенный воздух.

Тут вдали победно и гордо ударил колокол, пробуждая землю – его отвоеванную у моря землю и ее упрямых трудолюбивых людей. И сердце его билось в такт этому звону радостью и торжеством.

...Он сидел на камне, а рядом валялись совершенно сухие ботинки. И кроме них и аккуратно воткнутых в них носков он больше не видел ничего. Моря не было тоже. Но он кожей чувствовал его присутствие, правда, не снаружи, а изнутри, будто его и стихию связало единой цепью. Только ее грозная мощь больше не грозила захлестнуть его, но отзывалась, пожалуй, послушнее.

Что делать с этим послушанием, он не знал.

Ничего, время разобратся будет...

Время! В памяти снова всплыли слова ректора д'Эстаона, а ведь он понятия не имел, сколько прошло этого времени, и успевает ли он еще выполнить Приказ. Ксандер торопливо натянул носки и обувь, огляделся и пошел наугад.

А ведь если он послушается здесь, то даже не успеет позвать на помощь. Он слышал рассказы об этом месте. Далеко не все получали доступ в Академию, но и не все выходили живыми по ту или эту сторону. Может быть, Трамонтана и не хотела лишних жертв, но вовремя найти удавалось не каждого.

– Нет!.. Только не Ксандер!

Он вздрогнул, как от удара, от этого захлебывающегося крика из темноты, и рванулся опять вперед, даже не сразу поняв, что бежит. Где-то рядом плакала и кричала мама, звала его, оплакивала, а он...

...А что он мог, когда ему не исполнилось и десяти? Он беспомощно смотрел, как мама, его бесстрашная грозная ма-

ма глотала слезы и пила успокоительное зелье, заботливо сваренное старой Лоттой. Он мог только стоять рядом и слушать, обмирая от горя и ужаса, покорно прижимаясь к ней, когда она до боли стискивала его в объятиях.

– Пожалуйста... Пусть они оставят нас в покое! Скажи ему, этому черному иберийскому псу, пусть убирается! Я не отдам ему моего мальчика!

Мама снова всхлипывала, клацая зубами о край бокала, а папа молчал, растерянно поглаживая ее вздрагивающие плечи. Но и папа, его спокойный благоразумный папа не мог тут ничего изменить, и, когда он попытался улыбнуться сыну, улыбка вышла горькой гримасой.

– Теперь ты старший, Ксандер. Тебе придется.

Старший. Нет. Единственный. Уже два дня как единственный. С того самого часа, когда черный человек с сухим и жестоким лицом вошел в их дом и сказал, что Мориц никогда не вернется. По его словам, брат неосторожно обращался с артефактом, но Мориц никогда не был неосторожен, и Ксандер понял внезапно и остро, что брата погубили проклятые иберийцы, а теперь хотят забрать и его.

С того дня весь оставшийся месяц до его отъезда мать плакала, когда думала, что ее никто не видит и не слышит. Отец хмурился и сыпал наставлениями, а домашняя прислуга смотрела на молодого господина с жалостью и перешептывалась за спиной. Старая Лотта качала головой и совала Ксандеру в карманы сладкое, быстро осеняя мальчика кре-

стом и шепча молитвы. Но это ничего не меняло. Они были бессильны, и Ксандеру оставалось только одно – подчиниться и ждать того дня, когда черных псов Альба поглотит огонь ада.

А когда, наконец, черный человек – дон Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба и первый из грандов Иберии – шагнул в дверь, ведущую на юг, с ним ушел и Ксандер, и рука герцога лежала на плече фламандца.

Они вышли в наполненный солнцем зал, и герцог повел Ксандера, которого ни разу не назвал по имени – только «юноша» и «принц», в просторный сад, где под одним из апельсиновых деревьев сидела, прислонившись спиной к стволу, худенькая девочка лет десяти. Увидев герцога, она отложила в сторону свиток и встала, с любопытством разглядывая гостя. По росту она Ксандера пока обгоняла: и вровень с ним стала, только когда присела в легком реверансе.

Ксандер представлял себе эту встречу несколько не так. Его воображение рисовало будущую госпожу тощей девицей с черными углями в глазницах, отвратительно одетую в безвкусное платье, напоминающее кремовый торт. Тощей она была, но на этом схожесть с фантазией заканчивалась: пожалуй, она была даже симпатичной, хотя Альба, как все жуткие монстры, не могут быть симпатичными – это мнение он составил еще в раннем детстве, внимая объяснениям отца о навязанном вассалитете. Однако девочка на одержимое иберийским дьяволом чудовище никак не походила. Он смутил-

ся и не сразу заметил, что брови сами собой озадаченно нахмурились.

– Здравствуйте... сеньора.

Клятву он выучил наизусть еще вместе с братом.

«Отвечай как положено, делай что положено и жди», – шепнуло изнутри голосом Морица.

– Принц Ксандер ван Страатен, – изрек герцог голосом, наполненным эмоциями не больше, чем треск костра. – Исабель, моя внучка.

– Очень приятно.

Она протянула руку. Спohватившись, Ксандер склонился в коротком поклоне, коснувшись губами этой бледной руки. Как бы то ни было, с этой девчонкой ему предстоит провести много времени, потакая ее капризам. Вдох-выдох. Все решено заранее. Это просто. Делать только то, что нужно. И никогда не волноваться.

– Я также счастлив знакомству, сеньора.

Отвечай как положено...

– Буду рад служить вам.

– Исабель покажет вам дворец, принц, – герцог убрал тяжелую, горячую ладонь с его плеча и сделал шаг назад, – а я вернусь к делам. Если вам что-то понадобится, Исабель позаботится об этом.

На этих словах иберийка заглянула деду в глаза и, что бы она там ни увидела, успокоилась. Успокоилась? Она что, волновалась? Ей-то с чего?

Когда герцог ушел, она одарила Ксандера новым взглядом, более пристальным, даже критическим.

– Вы можете называть меня Исабель. Ваш брат звал меня «Альба», и против этого я также не возражаю. Предлагаю начать осмотр дворца с библиотеки, мне как раз нужно вернуть трактат, – она кивнула на лежащий на скамье свиток. – Вам интересна артефактология?

Ксандер вздрогнул. Издевается она, что ли? Или этот монстр в юбке собирается проделать с новой игрушкой то же самое, что случилось с его старшим братом?

– Мне нравятся библиотеки, сеньора.

Вот так! Правда, чистая правда, и не придерешься. Он посмотрел на иберийку с самым невозмутимым выражением лица, на какое был способен, тем, с каким всегда уверял Лотту, что пропажа конфеты накануне обеда не имела к нему никакого отношения. Такой опасной иберийской твари нельзя дать почувять, что ты ее боишься. Так его учил отец, когда зимой в деревню зачастили волки: если зверь почувствует слабость, то бросится на тебя. Ксандеру припомнились бурые ожоги на руках брата. Не злить монстра. Иначе бросится, полыхнет, как все проклятые Альба, пламенем из ада. И мама будет плакать по ночам еще и по нему, Ксандеру.

– Я люблю читать, сеньора, – Ксандер поднял со скамьи свиток и, стряхнув с него лепестки цветущего апельсина, подал девочке.

Так-то вот. Рука не дрожит, видишь?

Иберийка приняла трактат, кивнула с самым невинным видом, будто так оно и надо, и пошла прочь. Болтала она без умолку, стараясь притом делать это свысока, но это тоже не очень выходило. Болтала она о вещах понятных: драконах, мантикорах, Морском народе и прочем в том же духе. Удивительного в этом потоке слов не было ничего. «Все иберийцы много болтают», – говорила старая Лотта. А еще иберийцы глупые, жадные и хвастливые. Хвастливые – это точно. Вот и эта Альба уже вовсю хвастается своими дядьями и драконами.

...Стоп.

Ксандер сморгнул. Цветущие деревья никуда не делись, хотя их ветки были гораздо ближе к его лицу, чем помнилось. Издалека раздалось юным голосом Исабель:

– Принц!

Иберийка возникла из-за осыпанного лепестками, будто снегом, куста, глядя на него внимательно и требовательно. Ей было десять лет, только десять лет, но их глаза были на одном уровне, и ветки вновь качались высоко над его головой.

– А я видел мантикору, – пробормотал он.

– О, мантикору? – глаза Исабель загорелись любопытством. – Дядя говорит, что они у нас не водятся, и я ни одной не видела, только на гравюре. Где ты ее видел? А у нее правда скорпионий хвост?

Грозный зверь впился когтями в камень над входом в аб-

сурдную, невозможную тьму...

...разнежившийся зверь мирно развалился на солнце, и только ядовитый хвост чуть подергивается во сне...

...делай что положено...

Он потряс головой. В глазах прояснилось. О чем они говорили? Да... мантикора.

– Она красная, огромная, с острыми зубами и да, с хвостом скорпиона. Мы ездили в Амстердам в прошлом месяце, и там папа взял меня в зверинец своего друга, – Ксандер серьезно взглянул на девочку, как будто бы сомневался, что она способна его понять. Затем подумал и осторожно добавил: – Сеньора.

Иберийка вызывающе подняла подбородок.

– Драконы все равно лучше. Они сильные, быстрые и легко могут убить вас, если зазеваетесь. Один-два плевка огнем – и вы уже не вы, а кусок поджаренного мяса. Родная матушка не узнает. – Она оценивающе прищурилась. – Я хочу завтра отправиться в драконарий, но вы, если боитесь, можете остаться здесь.

Хорошо бы всех Альба съели драконы!

– Мне нечего бояться драконов, – сказал он с вызовом.

Исабель на несколько секунд задумалась.

– Моего отца съел дракон, – сообщила она наконец. – Он был чернокнижником, и очень глупым, и скрыл свои занятия от деда, чтобы жениться на моей матери и получить ее приданое. Глупый жадный чернокнижник. Но от дракона-то

не скроешь. Он чувствует.

Монстр одобряет монстра. Все правильно. Все они тут такие. Сначала изучат и позабавятся, как с той мантикорой в зверинце, а потом...

...и жди.

– Ты ей соврал, что не боишься, – раздался из-за спины печальный строгий голос.

Он развернулся, не веря ушам, но так оно и было – Мориц!

Настоящий, живой, брат стоял прямо перед ним, чуть покачиваясь на каблуках, как всегда любил делать, укоризненно глядя из-под неровно отросшей челки. С минуту Ксандер пялился на него, пытаясь определить, не призрак ли он, но тут под каблуком хрустнул гравий, и он рванул вперед, споткнулся и буквально повис у брата на – настоящей! крепкой! – шее. Мориц тоже не выдержал, и улыбка тронула сначала уголки губ, а потом он уже ухмылялся во весь рот и стиснул его так, что чуть ребра не затрещали, а уж Ксандер сам вцепился в него не хуже устрицы.

– Ты живой? – выдохнул он в светлые волосы брата, точно такие, как он помнил: светлее, чем у него самого, и так же смешно щекотавшие нос.

Мориц промолчал.

– Ты был здесь? Живой? Нам сказали, ты...

– Умер, – глухо и безнадежно ответил брат на ухо, замерли его руки, хлопавшие по спине, и сердце Ксандера ухнуло

вниз, как будто до того оно держалось именно в этих руках. – Так и есть.

– Но... – Ксандер до боли стиснул пальцы на худом плече брата. – Ты же...

– Я тебя ждал.

На этот раз промолчал Ксандер. Просто не знал, что на это сказать.

– А ты вырос! – с немного натужной веселостью сообщил брат, наконец разжав объятия и отодвинув от себя Ксандера на расстояние вытянутых рук.

– Почти как ты, – выдохнул Ксандер и запнулся, а Мориц помрачнел.

– Прости меня, – сказал он уже без всякой улыбки. – Так вышло, но... прости.

– Ты не ви...

– Виноват, – прервал его брат. – Я подумал, что она просто девчонка, что она ничего мне не сделает.

Ответить на это опять же было нечего.

– Я тогда расслабился, – сказал Мориц совсем тихо и сел на камень, и Ксандер сел рядом, чтобы расслышать. – Они оказались не такие, как рассказывала мама – ну, ты знаешь...

Ксандер кивнул, и тут же, без предупреждения, мир вновь перевернулся.

...Небольшой уютный зал со столом на едва ли дюжину человек. Сидели за ним сам герцог и два иберийца помоложе – явно близкая родня. Оба высокие, подтянутые, но по-

ка еще не похожие на скелеты. Один, с тонкой сеткой старых шрамов на смуглой коже, был одет только в черное. На безымянном пальце блестело обручальное кольцо, которого мужчина часто касался, сам того не замечая. Лицо его было не столько мрачным, сколько угрюмым и печальным. Второй выглядел немного моложе и в одежде предпочитал сдержанный синий цвет, а длинные волосы носил собранными в хвост. Его лицо было спокойным, а губы, казалось, забыли, что такое улыбаться. Они о чем-то негромко беседовали, и герцог внимал их беседе, время от времени кивая в знак согласия. Он же первым заметил вошедшего Ксандера и, встретившись с ним взглядом, тоже кивнул в качестве приветствия. Кажется, по тонким губам скользнуло подобие улыбки, и герцог сделал рукой приглашающий жест.

Мужчины перевели взгляды на мальчика.

— Ксандер ван Страатен, — отрекомендовал герцог негромко. — Мой племянник Алонсо. Мой сын Франсиско.

Сначала кивнул тот, что в черном, потом тот, что в синем. Ксандер поклонился, надеясь, что вышло вежливо, но не подобострастно. И тут дверь за его спиной с грохотом распахнулась, пропуская, судя по резкому громкому голосу, его сеньору.

— ...Канделябром? Не верю!

— Клянусь задней лапой своего кота! — ответил ей мужской голос.

— Но у тебя нет кота!

Незнакомец явно тоже был Альба: такой же высокий, как остальные, с рассыпавшимися по плечам воронными кудрями, но более светлокосый, чем герцог и его сыновья, а глаза его были не черными, а ясно-голубыми. В одежде он тоже отличался: никакого траурного черного или мрачного синего. Его красный камзол, щегольски расшитый золотом, был небрежно растегнут, открывая белую рубашку. А еще он сильно хромал, и на его шею под рубашкой была наложена повязка.

– Правда? – рассмеялся он на обвинение Исабель и покачал головой. – Тебя не проведешь, милая.

Девочка гордо улыбнулась, и только тогда они вдвоем очень церемонно поклонились старшим Альба.

– Добрый вечер, герцог, – почтительно проговорил мужчина. – Алонсо, Франсиско... – Взгляд голубых глаз остановился на фламандце, и вдруг ибериец улыбнулся. – Меня зовут Фелипе, и я непутевый, но пока еще достаточно целый внук дона Фернандо. А вы, полагаю, ван Страатен. Добро пожаловать.

Дед хмуро посмотрел на Фелипе, потом перевел взгляд на внука, отчего она перестала улыбаться и стала очень серьезной.

– Прошу к столу.

Сыновья сели ближе к герцогу, пропустив один стул. Фелипе, бодро обхромав стол по кругу, устроился напротив Ксандера и Исабель, усевшейся рядом с фламандцем так,

будто так и надо. После обязательной молитвы на столе появились различные кушанья.

Повисшее было молчание нарушил герцог:

– Итак, Фелипе, ты уже можешь ходить, как я вижу.

– Конечно, герцог! – молодой человек ответил деду бело-зубой улыбкой. – Мне попался прекрасный целитель, который в буквальном смысле пришел ногу туда, где ей самое место. Проблема была только одна, но зато серьезная: целитель – прехорошенькая сеньорита, а я перед ней не только без штанов, но и без ноги. Я бы предпочел...

– Фелипе! Избавь нас от своих скабрёзных шуточек!

Исабель уставилась в тарелку, слегка покраснев. Алонсо спрятал понимающую ухмылку, а Франсиско, чуть откинувшись на спинку стула, спокойно заметил:

– Будет вам, отец. Пепе рад, что цел, вот и шутит... по-своему. А Хьела и так узнает подробности – не сейчас, так от подруг в школе. Или позже, когда выйдет замуж. То же касается и сеньора ван Страатена.

Исабель подняла голову и сердито посмотрела на дядю в синем.

– Меня это не интересует. Я не собираюсь замуж.

Франсиско насмешиливо пожал плечами.

– Не зарекайся.

Ксандер почувствовал, как воздух вокруг Исабель стал горячее. В ее глазах вспыхнули золотые искры, а тонкие пальцы скомкали льняную салфетку.

– Я. Не. Выйду. Замуж.

Салфетка в ее руке задымилась. Фелипе привстал со своего места, пытаясь перехватить яростный взгляд девочки, но она смотрела на дядю. Франсиско сжал зубы.

– Успокойся! – голос герцога прозвучал хлестко, как удар бича.

Исабель вздрогнула, и салфетка в ее руке вспыхнула.

Как все это глупо!

Все они, все были слишком... непредсказуемыми. Даже старый герцог. Ксандер вдруг понял, что злится. Исабель была проклятой Альба, иберийским чудовищем, но все же его сеньорой, а его сеньора не должна вести себя как капризная девчонка из деревни. И потом, чего она разоралась? Ксандер всегда знал, что женичины из таких семей должны выходить замуж за достойных людей их круга. Ксандер тоже собирался когда-нибудь жениться. Конечно, не на такой кошмарной девочке, как эта Альба.

Он одним движением перехватил руку Исабель и опрокинул воду из бокала на горящую салфетку.

– Если будете так говорить и делать, сеньора, вас и правда никто замуж не возьмет.

Посмотрев ей в глаза, он потянул мокрую обгоревшую салфетку из ее руки. Пусть не думает, что он боится ее огня. Или ее родственников. В наступившем неожиданно громком молчании Ксандер наблюдал, как гаснут золотые искры в широко распахнутых глазах Исабель. Она совсем по-дев-

чоночьи хлопнула ресницами, отпустила салфетку и удивленно посмотрела на свои мокрые и уже остывшие руки, потом перевернула их: на покрасневших ладонях вздулись волдыри. Она сделала короткий, судорожный вдох, торопливо опустила руки, спрятав обожженные ладони, и поднялась из-за стола, глядя в пол.

— Прошу прощения, — это вышло у нее как-то сдавленно. — К сожалению, я должна вас оставить.

Ее никто не остановил, никто не пошел за ней, вообще казалось, что взрослые все оцепенели. Даже бесшабашный Фелипе только опустился обратно на свой стул, но глаза его напряженно следили за кузиной, пока она не вышла. А потом он перевел взгляд на Ксандера, и фламандец вдруг понял, что все остальные тоже уставились на него.

В полной тишине Ксандер положил промокшую салфетку на пустую тарелку и потянулся за чистой, чтобы вытереть руки. Поднимать глаза на взрослых Альба ему было боязно. Совершенно неизвестно, как отреагируют иберийцы на то, что фламандский вассал облил их отпрыска водой сразу же после приезда. Мальчик представил, как жутко вспыхивают глаза старшего герцога, как он швыряет в него, Ксандера, огнем из рук. Или... Сейчас кто-то из них, да любовью, отдаст Приказ. Ксандер попробовал представить себе, каково это, когда древняя магия начнет душить его, выдавливая жизнь... Зачем он вообще вмешался? Пускай бы девчонка и дальше жгла салфетки и свои руки. А теперь надо

что-то говорить.

— Мне жаль, — Ксандер наконец оставил чистую салфетку в покое и заставил себя поднять глаза.

В голубых глазах Фелипе плескались тревога и вопрос. Алонсо в своих черных одеждах сгорбился и будто постарел, его пальцы, посеченные шрамами, касались обручального кольца, а в жгучих глазах стояли тоска и горечь. Франсиско был то ли зол, то ли раздосадован, то ли и то, и другое — сидел он неподвижно, но глаза его были холодны, а крылья тонкого носа раздувались. Дон Фернандо смотрел на фламандца спокойно, с птичьим любопытством, чуть наклонив голову набок, а потом вдруг улыбнулся и одобрительно кивнул.

Фелипе тут же подался вперед, словно по сигналу.

— Как рука? Ожога нет?

— Нет, — на всякий случай Ксандер осмотрел свою ладонь и обгоревший край манжеты рубашки, потом снова поднял взгляд на иберийца. — Я не касался там, где горело. Сеньор.

Вроде бить не будут. По крайней мере, сейчас.

Ксандер всмотрелся в Фелипе, оценивая, волнуется ли он за своего вассала или ему просто любопытно. Внук дона Фернандо выглядел вполне искренне, и фламандец решил, что он заслужил некоторых объяснений.

— Я не знал, как еще потушить свою сеньору. Поэтому облил водой.

Вряд ли бы им понравилось, если бы он стал сбивать с

нее пламя скатертью.

— У нас такого никогда ни с кем не случилось, — уточнил он на всякий случай.

Фелипе вдруг рассмеялся легко, как смеялся до этого с кузиной.

— Отлично придумано! И, главное, сработало! Только, пожалуйста, не пытайтесь кинуть Белиту в бочку с водой или запихнуть в фонтан. От этого она может разозлиться еще больше. Вам что, не рассказывали о нашей маленькой особенности?

Фелипе выделил интонацией последние два слова и бросил на деда вопросительный взгляд, но дон Фернандо, похоже, вообще решил, что ситуация исчерпана, и безмятежно вернулся к своему ужину, лишь иногда вставляя негромкое слово в беседу, которую вполголоса продолжали его сын и племянник. Фелипе еле заметно пожал плечами, отрезал кусочек мяса — неловко, так как правая рука у него явно плохо слушалась, и повернулся снова к Ксандеру.

— Так получилось, сеньор, что во время сильных душевных волнений наш внутренний огонь становится внешним. А мы, как вы успели убедиться, личности порывистые и, кхм, вспыльчивые, — он ухмыльнулся, но как-то невесело. — Обычно наш Огонь просыпается, когда нам исполняется одиннадцать-двенадцать лет. У Белиты не было и этого времени: ее Огонь пробудился в восемь. Она не была готова. А Огонь... он коварен, — голос иберийца стал тише, печальнее. — Он

причиняет боль прежде всего тому, кто несет его в себе. И эта боль еще больше разжигает те эмоции, которые питают Пламя. Получается замкнутый круг, выйти из которого невозможно. Особенно, если в этот круг загнан ребенок, плохо контролирующий свои чувства.

Ксандер молчал. Ибериец явно рассчитывал на сочувствие, но кто сочувствует проклятым, тем более, если прокляты они справедливо? А в том, что потомки Альба, палача Нидерландов, прокляты по заслугам, во Фландрии не сомневался никто.

Интересно только, кто сказал «Горите в аду!» так, что слова его были услышаны и стали для Альба явью. Кто-то из умиравшего от голода Лейдена? Из захлебнувшихся в крови Мехельна и Хаарлема? Или несправедливо осужденный на Кровавом судилище? Теперь не узнать. Но одно точно – проклятье было заслужено трижды, сотню, тысячу раз.

– Вы прокляты, – вдруг сказал он вслух. – И вы знаете, за что.

Фелипе усмехнулся, и на этот раз в его усмешке не было ни унции веселья. Он наклонился к Ксандеру ближе, не отводя взгляда.

– За гордость. За жесткость. За принципиальность. За то, что мы ставим себя выше других. За то, что не позволили тем, кто бросил нам вызов, распоряжаться на земле, принадлежащей нам по праву. За то, что мы смеем решать за других. А еще за то, что мы сильны, – голубые гла-

за вспыхнули, но жара, как от Исабель, от Фелипе не шло. — На самом деле, не «за что», а «почему». Потому что они не смогли с нами справиться и, проиграв, огрызнулись.

За столом снова стало тихо. Фелипе глотнул вина, сделал глубокий вдох, и золото в его глазах отступило, уснуло, затаилось.

— Они не учли только одного — мы стали гордиться этим их «подарком». Несмотря на него, наш род не вымер, и каждый живущий Альба есть доказательство тому, что какому-то огню нас не победить. Хотя нельзя сказать, что он не пытался, — он отсалютовал бокалом своим родичам. — Огонь в нас.

— Ибо мы крещенные пеплом, — откликнулись Альба: Алонсо печально, Франсиско с прохладной улыбкой, дон Фернандо с мрачной решимостью, Фелипе с дерзким вызовом. Но в каждом голосе звучала гордость.

— Они разные, — сказал Ксандер во внезапную темноту, где раздавался лишь один звук — дыхание брата. — Всекие.

— Но все они проклятые, — отозвался Мориц, будто на пароль. — И все они враги.

Кому-нибудь другому Ксандер сказал бы только «да», но это был Мориц, ему можно говорить не просто правду, а всю правду.

— Не все из них могут быть только врагами, — сказал Ксандер, чуть помолчав. — Кузина Ани говорила...

— Ани! — фыркнул Мориц. — Для Ани вообще все небез-

надежные. Ей дай волю, она бы и Железного герцога попросила понять.

Ксандер прикусил язык, но Мориц увидел это и не дал ему опустить голову. И так привычно это было – пальцы брата, сжавшие подбородок, – что фламандец не выдержал.

– Она бы сказала, что каждый из них – человек.

Мориц не то что не рассердился, даже усмехнулся. Не очень весело, но все-таки одобрительно.

– Верно. Люди, а не непобедимые монстры.

– Про непобедимость я не говорил, – пробормотал Ксандер.

Гордые иберийцы торжественно пьют, а мальчик среди них думает о своем: где-то там, в бескрайнем океане, его проклятый прадед капитан Хендрик ван Страатен пытается обогнуть мыс Доброй Надежды на своем «Летучем Голландце». Там кричат чайки, вспарывая морской бриз острыми белыми крыльями, плещутся волны – и нет и не может быть никакого огня.

Он, открыв глаза, прямо посмотрел на единственного среди них, кто казался ему человеком.

Но ваш огонь можно потушить...

– Всякий огонь можно потушить, – повторил он вслух и посмотрел на свои руки, как будто в них еще лежала обгоревшая мокрая салфетка.

Впрочем, в этом месте, где оживали воспоминания и мертвые, всякое могло быть.

– Все верно, – кивнул брат, – но сможешь ли ты?

Ксандер нахмурился.

– Ты о чем? Ты что, думаешь, я там слабину дал?!

– Да нет, – но по тому, как Мориц повел плечом, Ксандер понял: именно так брат и думает, и почувствовал, как у него горят щеки от обиды. – Ты...

– Да ничего такого я не думаю, – губы Морица тронула примирительная улыбка и тут же исчезла. – Но понимаешь... так просто у них не выиграть. Нельзя никогда, понимаешь, никогда забывать, кто они и кто мы. Я забыл – и вот... – он развел руками так беспомощно, что у Ксандера защипало в носу.

– Как тут забудешь, – буркнул он, но уже ни капли не сердито.

– Забудешь! – только что бессильные руки вдруг крепко охватили его голову, заставляя смотреть прямо в зеленые глаза Морица. – Ксандер, ты же сам сказал, они люди, и ты так к ним и относишься: кто-то, мол, лучше, кто-то хуже. Но они враги, все и каждый! А ты их, – словно плевком, – жалеешь!

Щеки запекло на этот раз не гневом – стыдом. Но издевательская тьма воспоминаний тут же поглотила его, не дала и минуты на возражение. Да и что можно тут возразить?

Брат был прав.

Когда он тихонько вошел в небольшую комнату, Исабель стояла почти вплотную к камину, в котором, несмотря на

теплый вечер, весело плясало пламя. Руки у нее были перевязаны, и, увидев Ксандера, она поспешно спрятала их за спину.

– Проходи.

Ксандер шагнул на середину комнаты так уверенно, как только мог, и остановился в нескольких шагах от Исабель. Собрался с духом. Наконец склонил голову.

– Я прошу прощения, сеньора, за то, что позволил себе быть грубым с вами во время ужина.

Несколько секунд иберийка молчала, то ли застигнутая врасплох, то ли со злости. Хотя чего ей было злиться, он же извинился?

– Ваши извинения приняты, принц, – сказала она с таким высокомерием, словно и в самом деле испытывала неловкость, но пыталась это скрыть.

А еще, словно ей нравился его титул. Хотя, может быть, она привыкла обращаться так к Морицу и не собиралась менять своих привычек из-за смены вассалов?

– Постарайтесь больше не повторять этой ошибки.

Она отошла к камину и коснулась кончиками пальцев каменной полки. Странно, ее ладони были обожжены, а пальцы – нет.

– Думаю, мне тоже стоит извиниться за эту безобразную сцену, – она усмехнулась, глядя на огонь. – Я, видите ли, не собираюсь повторять судьбу моей матушки, а также теток и прочих родственников, которым рождение ре-

бенка стоило жизни. Поэтому меня... несколько раздражают разговоры о замужестве.

С минуту она задумчиво изучала свои ладони, а потом взглянула на Ксандера.

— Да, вы можете присесть, если желаете, — она указала на второе кресло у камина. — Вы не боитесь огня, насколько я могла заметить.

— Я почти ничего не боюсь, сеньора.

Ксандер остался стоять. Он не хвастался. Просто констатировал факт. Бояться можно только того, что тебе неизвестно, ее же огонь теперь ему знаком и будет им, Ксандером, изучен и понят.

— Почти? — ее как будто удивила его честность, и она словно бы подобралась, живо напомнив зверя, задумчиво приносивающегося к жертве. — Чего же вы боитесь? Высоты, как ваш брат? Или более банальных вещей — боли и смерти?

— Я не уверен, — Ксандер сделал два шага к камину и остановился у Исабель за спиной. — Возможно, я боюсь вашей власти надо мной, сеньора.

— Мне нравится, что вы честны. Только сильные люди могут быть честными. Еще есть те, кто принимают за силу временную безнаказанность. Но вы не из таких, — она чуть повернула голову и искоса посмотрела на Ксандера. — Значит, вы сильный. Это хорошо.

Языки пламени тянулись к ее рукам, подбирались ближе,

словно чувствовали в девочке родную стихию. Взгляд Исабель из почти по-детски хитрого вдруг стал темным, опасным.

– Вы ведь ненавидите Альба? Должно быть, хотите, чтобы мы все сгинули в своем Огне, забрав с собой вашу позорную Клятву? Хотите?

«Вашу позорную Клятву».

– Хочу, – тихо откликнулся он, глядя куда-то мимо собеседницы на играющее в камине пламя.

Ему хотелось кричать – кричать, что не он приносил эту чертову Клятву, не ему бы ее и расхлебывать, – но кричать было нельзя. Исабель усмехнулась. Усмехнулась тонкой улыбкой, искривившей плотно сжатые губы и поднявшей правый уголок рта выше левого. Улыбка ее деда. И с этой улыбкой она наклонилась и протянула руки в самый огонь.

Пламя в камине взметнулось выше, и пальцы девочки дрогнули, когда по ним прошлись оранжевые всполохи. Повязки на ладонях вспыхнули, поддавшись ласкам горячих языков. Завоняло запекающейся мазью. Манжеты рукавов задымили.

– Он говорит со мной, – негромко, почти напевно произнесла Исабель. – Он поет мне.

Да она сумасшедшая!

Словно оцепенев, он смотрел, как пламя охватило забинтованные руки, замороженно следя, как огонь заплясал на

драгоценном кружеве. Чую резкий запах жженных бинтов и мази, он тут же одернул себя, закусил губу. Нет уж. Пусть она хоть вообще дотла сгорит и отправится в ад вслед за всеми Альба, уж он-то ей мешать не будет!

Пламя заплясало на манжетах платья девочки, весело вспыхнуло на забинтованных руках. Ну хорошо. Он поможет. Потушит огонь, сделает что-то. Пусть попросит. Сама попросит.

– Я думаю, вам нравится считать, что мы демоны. Потому что тогда получается, что вы хорошие, добрые и все в белом. Несчастные страдалыцы. Прямо-таки агнцы, – ее голос задрожал, и она замолчала, сделала два глубоких вдоха и продолжила тише: – Только это не так. Просто вам нравится ненавидеть и бояться.

Она медленно встала, повернулась к Ксандеру и подняла руки так, чтобы он их видел. Повязки почернели и уже догорали, но вокруг ладоней и пальцев плясало пламя.

– Нравится, правда?

Ее глаза зло сузились, и она, так быстро метнувшись вперед, что он и охнуть не успел, не то что отшатнуться, схватила его за горло одной рукой, заставляя смотреть себе в лицо, прямо в пылающие глаза. Ксандер вцепился в горящие пальцы, но их будто свел в судороге нестерпимый жар.

– Ты сама себя ненавидишь... глупая Альба... – фламандец все же сумел оторвать пылающие пальцы от своей шеи и теперь хрипел в лицо обидчице, еле владея обожженным

горлом. — Сама... делаешь больно себе... и другим!

Он снова задохнулся жаром и подступившими к горящему горлу слезами. Так нельзя. Он должен что-то сделать. Сейчас же.

— Мне в наследство досталась проклятая Клятва... А тебе — огонь и... наша ненависть... — юноша резко оттолкнул от себя горящие руки и обхватил обожженными ладонями ее лицо, заглядывая в глаза. — Так... научись жить с этим, Альба... Я же живу с чертовой Клятвой!

Ему показалось, что у него в руках не девочка, а очумевшая кошка. Отчаянно мотая головой, из-за чего ее коса билась по плечам, как плетью, хватая его за руки, она кричала и пыталась освободиться, но вдруг отшатнулась назад, споткнулась и рухнула в кресло. Пылать она уже не пылала, просто сгорбилась, съежилась, поставив локти на колени и держа обожженные кисти на весу. Голову она опустила, и растрепанные волосы спрятали ее лицо, но Ксандер успел увидеть, как она кусает губы.

Это что же — плачет? Она плачет?

В комнате противно пахло паленым: мазью, тканью и кожей. Ксандер сбил пламя со своих рукавов и воротника и, сжав зубы от боли, стянул тлеющую куртку. Кожу на шее и руках саднило так, что темнело в глазах. Дышать было больно, а опаленные ресницы и брови сильно щипало.

— Слева от двери столик. Мазь.

Стараясь шагать твердо, он последовал этим полузаду-

шенным инструкциям, стараясь не думать, потому что если задуматься, то выйдет, что еще чуть-чуть, и он упадет. На помощь бы...

– Я... позову кого-нибудь, – прохрипел он, – все будет хорошо... моя сеньора.

Со стороны кресла раздался странный звук, как будто Исабель чем-то поперхнулась. Он обернулся, а она подняла голову, и стало понятно, что она смеется, глотая слезы. Лицо ее стало бледно-пепельным, а руки – красными и покрытыми волдырями.

– Не нужно звать, – выдавила она, все еще посмеиваясь.

Оттолкнувшись локтями от колен, она встала, сделала несколько неверных шагов и остановилась рядом с ним. Вздохнула.

– Хорошо все равно не будет. Держи банку. – Она наклонилась и сноровисто сорвала крышку зубами, после чего выплюнула ее на пол. – Они ее все время закрывают. Я думаю, они издеваются. – Окунув пальцы в баночку, поморщилась, прикусила губу и стала осторожно распределять мазь по кистям.

Молча наблюдая за ней, Ксандер невольно поднял руку к своей шее – и чуть не взвыл в голос, едва коснулся кожи. Похоже, у него ожог не меньше. Впрочем, если она надеется все скрыть, он сможет тоже. Если подумать, то на шею можно навязать платок. Запястья – он глянул на обгоревшие рукава – не будут видны под манжетами, а ладони...

Ксандер зачерпнул мази из банки и стал тихонько размазывать ее, иногда искоса поглядывая на иберийку. Исабель молчала, сосредоточенно нанося на руки целебное средство, кусая нижнюю губу и стараясь дышать если не спокойно, то хотя бы не слишком часто. А потом потерлась щекой о плечо, словно чтобы почесать нос, и тут он увидел слезы.

Вообще-то он бы и сам был не прочь разреветься, уж очень было больно, но если рядом плачет девочка, ему это как-то было уже совсем неуместно. Смотреть на нее, плачущую украдкой, он спокойно тоже не мог – не мог и все тут. А что делать? Уйти? Снова извиниться? Или позвать кого-то? Тот же сеньор Фелипе мог бы успокоить ее и... И что?

Девчонка, одним словом. Пусть и злая, а все равно девчонка.

– Я никому не скажу об этом. Хочешь? – горло очень болело, получалось только шептать или хрипеть.

Ксандер подошел поближе, присел перед ней на корточки и посмотрел в глаза снизу вверх.

– Сделаем вид, что ты не горела.

Она воззрилась на него сначала удивленно, будто он невесть что сказал, а потом внимательно. Вздохнула. Взяла еще мази.

– Ты не замазал вот тут... и еще вон там, – она нагнула его голову, заглянула за спину, подцепив пальцем расползшийся под жаром ворот. – И тут. Ладно. Потерпи. – И ста-

ла мазать.

– Ну не тумака же ей было отвешивать, – попробовал он отшутиться, но глаза Морица смотрели неумолимо и холодно, как море в ноябре. – Она же была совсем мелкая. И... ей тоже было больно. Ты же сам знаешь, это больно – ожоги.

– Знаю, – спокойно, даже мягко сказал Мориц. – И ты знаешь. И откуда мы это знаем, скажи?

Так же стремительно, как тогда Исабель, он схватил Ксандера за локоть и поднял его руку вверх. Манжета сползла совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы в неверном блуждающем свете стал виден рельеф изрытой шрамами кожи.

– Они у тебя до сих пор, – сказал брат, не меняясь в голосе, и отчего-то именно поэтому Ксандеру стало жутко. – Дорогого стоит наша наука, а, Ксандер? И что, научился ты ее понимать? Может, скажешь, что ей так можно? Ей же тоже больно? Она же тебя тоже пожалела?

– Ничего ей нельзя! – отрезал Ксандер и нахмурился, так по-мальчишечьи это вышло. – О чем ты? Ну... пожалела, она же не со зла тогда.

– А-а, – протянул брат насмешливо. – Не со зла-а...

– Знаешь, принц, – вдруг сказала Исабель, когда он направлял последний бинт на ее руке. Его собственные запястья были уже перемотаны: одно – его собственными силами, с другим помогла она. Шея, поддавшись целебному действию, почти не болела, и холодок вечернего ветерка даже приносил облегчение.

– Что? – это вышло мычанием, так как затянуть узел без помощи зубов ему не удавалось – руки уже не болели, но противно ослабли.

– Я не хотела смерти Морица.

Он замер.

– Это правда. Мне было интересно... испытать тот артефакт. Но я не хотела, чтобы он умер.

Он не успел придумать, что ответить на такое, когда она заговорила вновь, на этот раз с той легкостью, с которой говорят люди, покончившие с неприятным разговором.

– С другой стороны, теперь у меня есть ты. И это хорошо. Ты куда более занятный, чем твой брат.

Он выпрямился и встал. Даже шагнул назад.

– Занятный?

– Угу, – она потянулась, взяла с блюда предусмотрительно кем-то очищенный апельсин и откусила. – Налей мне соку.

Он машинально потянулся к кувшину, стоявшему рядом с блюдом. И к бокалу. Единственному на столе.

– Он был трусом, – безмятежно продолжала иберийка, поглядывая на него из-под выбившихся из косы волос. – Боялся драконов. Боялся меня. Всех нас. Впрочем, – она слизнула с губы брызнувший сок, – это было даже забавно.

– Забавно, – повторил он.

А потом одним спокойным плавным движением, будто так оно и надо и так он всегда и делал, вылил весь кувшин

ей на голову.

Он ожидал визга и воплей, но она не завопила – просто закрыла глаза и глубоко вздохнула. Потом медленно выдохнула, отвела мокрые волосы от лица, встала и отошла к окну. И, не глядя на Ксандера, заговорила. Она говорила спокойно и негромко, даже вкрадчиво, так, что ему поневоле пришлось прислушиваться:

– Я, Исабель Альварес де Толедо, силой крови Альба приказываю тебе, Ксандер ван Страатен, немедленно слизать с пола весь сок, который на него пролился. Приступай.

И тут повернулась, глядя ему в глаза.

Он не поверил своим ушам.

Все еще держа в руке пустой кувшин, он растерянно посмотрел на лужу сока на полу, а затем на девочку. И отрицательно помотал головой, потому что это было безумие, ничуть не меньшее, чем совать обожженные руки в огонь.

И сразу же невидимая сила резко сжала горло, безжалостно выдавила из легких воздух. Он пошатнулся, попытался вдохнуть. Выпавший из руки кувшин зазвенел сотней мелких осколков. Фламандец рванул ворот рубашки, судорожно всхлипнул в попытке глотнуть ртом воздуха. Горло продолжали сдавливать невидимые пальцы, перекрывая дыхание, не давая кислороду нормально входить в легкие. В глазах потемнело, мир поплыл. Ксандер рухнул на колени и испуганно забился, держась за горло и хрипя.

– Забавно, – подтвердила Исабель. Страхнула с плеча

сладкие капли и покачала головой. – Ты должен был сказать «слушаюсь, сеньора». А вообще, ты, конечно, не должен был делать так с соком. Выливать что-то на свою сеньору – плохо. Ты понял?

Все вокруг расплывалось у него в глазах, но ее он видел четко. Торопливо кивнул, проклиная себя за эту торопливость и плещущийся в нем ужас. Задышавшись, уткнулся головой в пол. Перед глазами плыли разноцветные круги, легкие горели. Это было хуже, чем тонуть. Много-много хуже.

Хуже этого был только огонь.

– Так-то лучше. Я, Исабель Альварес де Толедо, прощаю тебя, Ксандер ван Страатен.

Невидимая рука разжалась. Ксандер, глубоко вдохнув, закашлялся и стал тяжело хватать ртом животительный воздух. Поднять глаза на Исабель он не решился.

Зато она не смутилась. Сначала помолчала, видимо, наблюдая, а потом присела на корточки рядом и за подбородок подняла его голову, заставляя смотреть на себя.

– Я думаю, ты все понял, принц. И больше не будешь так делать...

...Придя в себя, он вдруг понял, что кашляет до сих пор. И что лежит, по-прежнему сжавшись в комок, а брат пытается его поднять, бормоча ругательства. Вдвоем они справились – во всяком случае, Ксандеру удалось сесть, привалившись к какому-то камню, а Мориц плюхнулся рядом, ткнулся лбом в свой рукав, будто бы вытереть пот, но Ксандер

углядел – слезы.

– Человек, – сказал брат зло, будто выплюнул. – Она-то себя человеком считает. А ты кто тогда? Человек разве для нее? Скажешь, с людьми так поступают?

– Не скажу, – выдавил из себя, отдышавшись, Ксандер.

– Вот, – утвердил брат с каким-то горьким удовлетворением. – Не человек. Игрушка. И ты, и я, и все мы для них, для каждого. Хочешь – заботься, одевай в одежду разную, – он подцепил пальцем вышитый ворот черного на иберийский манер ксандерова камзола. – А хочешь – сломай. Одну сломала – потребуй другую. А мать с отцом поплачут, но, куда ж денешься, отдадут. Все по указке сделают. И ты...

– Что я? – вскинулся Ксандер и закашлялся, горло еще болело.

– Ты тоже будешь жить по указке, – жестко ответил брат. – Как и отец, и дядя Герт, и дед наверняка, и Ани. Вот и здесь. Ты зачем здесь?

Ксандер прикусил язык.

– То-то же.

– Можно подумать, с Приказом можно что-то сделать, – буркнул он.

В серых глазах Морица заплескали искры – так, как когда-то в детстве, когда он уверял мелкого братишку, что точно-точно знает, как прокрасться на кухню мимо старой Лотты, или что мама нипочем не хватится, если они сбегут в ночной прилив на рыбалку.

– Вообще, конечно, нет, – лукаво прищурившись, так, что у Ксандера аж сердце защемило, сказал брат. – Но ты ж не думаешь, что я тут просто так тебя ждал?

У Ксандера перехватило горло от внезапной безумной надежды, он даже закашлялся снова, горло все-таки еще саднило, а Мориц уже улыбался своей доброй залихватской улыбкой.

– Ты же понимаешь, тут место особое. Они на свою беду тебя взяли – может, хотели посмеяться, а может, еще что. Они думают, что победили раз и навсегда. Но победим мы. – Брат снова обхватил его за плечи, стиснул. – Ты. Ты ведь наш последний шанс.

Ксандер кивнул. Это он уже слышал.

Так говорила мать каждый раз, стоило ему вернуться домой. Вот и сейчас, словно не Мориц, а она стояла перед ним, гордая, волевая, и проникновенно и пронизывающе смотрела ему в глаза, будто желая вложить в него ту часть этой гордости и воли, которой, по ее мнению, ему недоставало.

– *Mijn bemind zoon*, ты должен понять...

Он понимал как никто. Она, конечно, была права. Она родилась в другой стране, которая четыре столетия назад завоевала свободу и единая носила имя Нидерланды, и дочь этой страны не хотела мириться с тем, что народу ее мужа и их детей выпала иная судьба. И оказываясь рядом с матерью, что милостью иберийских хозяев Ксандеру позволялось лишь на месяц раз в году, он тоже не хотел с этим мириться.

Вот и сейчас...

– Все можно изменить, Ксандер, – убежденно говорила она. – Ты наследник трона, истинный и законный король. Люди тебя любят, они пойдут за тобой. Тебе дана великая сила, и ты должен использовать ее во благо своей страны.

Он не смотрел никуда, кроме ее лица, но чувствовал, что они не одни, что домочадцы и слуги рядом, и многие из них сейчас слушают, затаив дыхание и отчаянно молясь, чтобы она его уговорила, чтобы он ответил да.

Можно подумать, он был против!

– Мне нужно вернуться, – сказал он, но голос его звучал не мягко, а скорее вяло.

Руки матери сжали его плечи, будто глину, как если бы она старалась вылепить из него некое подобие самой себя.

– Я должен...

– Ты ничего не должен этим *sraanse moordenaars*! – серые глаза матери горели яростным огнем. – Ты должен нам, ты принадлежишь нам, а не им!

Почему-то ее слова его неприятно поразили, но он знал, она может просто неудачно подобрать слова, главное – смысл...

– Мы ведь можем как сделать, – вкрадчиво, как всегда, когда предлагал очередную невероятную и такую замечательную проделку, сказал Мориц, и Ксандер даже потрянул головой – заснул он, что ли? – Я могу тебя отсюда вывести. Приказ... – Брат щелкнул пальцами. – Вот тебе на твой Приказ!

Ну, что скажешь?

Так же привычно, как было ему слышать сумасшедшие замыслы брата, Ксандер задумался и почувствовал, что ненатурально живая тьма замерла, словно выжидая.

– погоди, – начал он, стараясь, как всегда, распутать нагроможденную на него информацию аккуратно, рассудительно. – Тут все не так просто. Ты прав, это не просто место. Если я пройду, то смогу учиться...

Брат присвистнул.

– К чему это? Ты и так умный. И сила у тебя есть. Помнишь русалок?

– То-то и оно, – согласился Ксандер. – Я ж ничего с этим не умею делать. Толку с нее, с той силы...

Рука брата упала с его плеч, и, даже не глядя на лицо Морица, Ксандер мог легко себе представить, как тот хмурится.

– Толк в том, что ты будешь на свободе! Королем!

– Король должен много уметь и знать, – возразил Ксандер. – Иначе это... бессмысленно. Это ж не деревенских мальчишек строить, Мориц! Чтобы победить, нужно знать не меньше, чем они. И я хочу нормально учиться, а не слушать того и этого и выискивать нужное в тех немногих книжках, которые удалось сохранить!

Серые глаза снова сузились, на этот раз недобро.

– И поэтому, – холодно сказал брат, – ты сделаешь так, как хотят они. Наши враги. А не так, как хочет мама, как хочет отец, как хочет вся твоя страна, наконец!

– Я сделаю так, как хочу я!

Воцарилась тишина. Звонящая, как после лопнувшей струны. Ксандер вдруг понял, что вскочил, и что последние слова он прокричал прямо в рассерженное, а теперь застывшее лицо брата.

– Уверен? – уронил Мориц.

Браслет на руке вдруг стал очень холодным, будто ледяные пальцы обхватили правое запястье, и вот уже мороз идет по коже, вливается в вены, пробираясь до самых костей, пронизывая все от кончиков пальцев до плеча. Холод стал пробираться и дальше, стремясь к отчаянно колотившемуся сердцу, и Ксандеру неодолимо захотелось сорвать проклятую штуку и отбросить от себя подальше, словно ядовитую змею. Повинуясь слепому инстинкту, он немеющей от адского холода левой рукой рванул браслет с яростно пылавшим камнем, и металл неожиданно легко поддался. Оставалось последнее – просто разжать пальцы...

Мориц радостно улыбнулся.

Ксандер даже закрыл глаза на мгновение, чтобы не видеть эту улыбку. Зажмурившись, он сжал браслет в кулаке и держал, пока ему не стало казаться, что вот-вот и рука разлетится ледяной крошкой от просто бывшей все тело безудержной дрожи.

– Отпусти, – прошептал ему внутренний голос, который так долго был голосом брата. – Отпусти и уйди к своим. Там твой путь. Там те, кто тебя ждет. Там твой долг.

– Я сам решу, где мой путь и мой долг, – сказал он вслух.

Пальцы свело от холода, но даже если бы он мог их разжать, сейчас он не отпустил бы браслет даже за все блага мира. Решив так, он втиснул в него руку – и открыл глаза.

– Прости, Мориц.

Брата перед ним не было.

Перед ним вообще ничего не было, даже тех камней, на которых они только что сидели. Только тьма. Выжидающая.

Он глубоко вдохнул, выдохнул, закашлялся, еще раз вдохнул. И побежал в эту тьму как можно быстрее, насколько позволяла тянущая боль в ноге. Все-таки он, похоже, не просто так споткнулся, спеша к Морицу, да и горло еще саднило.

Он должен успеть.

...От усердия Ксандер не успел затормозить перед неожиданно возникшим перед ним порогом, споткнулся еще раз той же больной ногой и едва не влетел лбом в дверь, но удержался в последний момент, упершись в косяк. И очень это было удачно, потому что иначе – как понял он, толкнув послушно распахнувшуюся дверь – он влетел бы головой вперед прямо в узорчатую колонну скрывавшейся за дверью комнаты. Точнее нет, не комнаты – небольшой круглой залы. Кольцо из колонн окружало небольшое пространство в центре, где на еще одной колонне пониже взвилась на дыбы искусно изваянная из темного полупрозрачного камня мантикора. Должно быть, из какого-то отверстия в потолке

(Ксандеру из-под сени галереи не было видно) на мантикору струился свет, но приглушенный, видимо, отверстие было небольшим. А под опиравшимися с одной стороны на стену, а с другой на колонны сводами, в полумраке он увидел стрельчатые ниши.

В нишах мягко светились камни. Не во всех – некоторые уже были пусты, но десятка полтора еще оставалось. И на мгновение Ксандер аж ослабел от облегчения: успел! Дверь за ним плавно захлопнулась, и, оглянувшись, он увидел только гладкую стену. Другого выхода видно не было.

В нем шевельнулось беспокойство, но как-то вяло – после всего, что с ним случилось, новая проблема показалась не очень-то угрожающей. Пожав плечами, он двинулся вдоль стены, разглядывая камни. Они были небольшими, с четверть ладони, неровными, будто только что высеченными из породы, и какими-то... одинаковыми. Если он как-то должен был почувствовать в одном из них свой, то на первом обходе залы ему это не удалось.

Ректор, кажется, сказал просто «взять»...

Он протянул руку наугад к первому попавшемуся и еле успел ее отдернуть, когда камень вдруг затопило ревущее пламя. Хотя нет, не просто отдернул – его спиной впечатало в колонну, так он отшатнулся, и понадобилась еще минута, прежде чем он смог успокоиться.

Пламя. Проклятое пламя!

Так, может быть, это был знак, что камень выбран невер-

ный. Как выбирать, он по-прежнему не понимал, поэтому рассудил, что самым разумным будет попробовать с каждым по очереди. Рано или поздно...

Дверь вдруг снова проявилась и открылась. В залу влетел парень – высокий, ростом с Ксандера, но смуглый, с утянутыми кожаным шнурком черными волосами и блестящими, как маслины, глазами. Едва оглядевшись, он издал победный клич, сделал несколько па какого-то дикарского танца, впрочем, довольно ловко и изящно, приветственно ухмыльнулся Ксандеру (тот не удержался и улыбнулся в ответ) и рванулся к привлечшему его внимание камню.

Однако перед камнем, едва протянув руку – красивую, худую, впору девушке – он застыл, враз не то что посерьезнев, а прямо весь посерев лицом, явственно искажившимся горькой мукой. Впрочем, должно быть, он просто волновался, потому что пламени никакого не возникло: выдохнув, даже зажмурившись, после долгого-долгого мгновения парень сжал камень в руке, и тот податливо вышел из своего гнезда, будто так и надо.

Взявший уставился на камень так, будто не верил, что ему это удалось, а потом снова издал свой торжествующий вой, ободряюще подмигнул Ксандеру и рванул к двери, той самой, через которую пришел. Дверь вознамерилась уже захлопнуться, но смуглый успел и в последний момент вставил носок сапога в щель, а там и рукой ее распахнул снова. При виде тамошней тьмы он снова помрачнел, сплюнул, проборо-

мотал какое-то ругательство и даже как-то поник, но потом собрался, махнул Ксандеру на прощание и исчез во тьме.

Ксандер проводил его взглядом, но тут дверь захлопнулась, как-то даже поспешно, как будто опасалась, что он решит последовать примеру нахала, и это вырвало его из ступора. Тому парню вольно было делать что угодно, камень-то он взял, а Ксандеру это еще только предстояло.

На тот случай, если вдруг упустил подсказку подсознания, он еще раз обошел зал, но камни остались равнодушны. Тогда он протянул руку к следующему камню за тем, который уже испытал, и спустя минуту уже наблюдал, дрожа, как воеет по ускользнувшей добыче пламя.

Отдышавшись, он пошел дальше. В какой-то момент удалось ускориться, он смог заставить себя не дожидаться, пока огонь угаснет, прежде чем пройти мимо него, но очень скоро был вынужден признать себя побежденным. Все, абсолютно все оставшиеся камни затапливал огонь, стоило ему их коснуться.

Попытка выцепить камень с помощью пояса закончилась тем, что пояс сгорел в пламени, а камень остался незыблем. Больше ничего, чем можно было бы его выковырять, у него не осталось, а в зале неутешительно отсутствовали какие-либо предметы, кроме камней. Неожиданно для себя, он вдруг разозлился. Подумать только, и здесь проклятый огонь стоит между ним и тем, что ему нужно!

Злость поднялась в нем неотвратимо, как штормовая вол-

на, считая все на своем пути, и все еще во власти этой злости, тщательно ее удерживая, как щит перед страхом, он сунул руку в первую же оказавшуюся перед ним нишу, во взревшее пламя, и сжал камень в кулаке. Руку, еще помнившую мертвенный холод заледеневшего браслета, снова свело, но на этот раз слепящей болью огня. Его ноздрей коснулся сладковатый запах горящей плоти, но сквозь слезы и бьющий его озноб он держал и тянул на себя проклятый камень, ругаясь на чем свет стоит, зажмурившись, а потом уже и взыв от боли. И камень поддался.

Все вокруг стихло, и он открыл глаза, чтобы оценить глубину бедствия. Камень все еще светился мягким, почти убаюкивающим светом сквозь абсолютно целые пальцы. Ладонь, когда он ее разжал, тоже оказалась невредимой. Даже манжеты рубашки, надежно скрывавшие старые шрамы, были – ну, не белы, кувыркание на камнях, похоже, было вполне реальным, но несколько не обуглены.

И камень светился, словно улыбался ему, Ксандеру.

Им овладело непривычное желание расхохотаться во весь голос, подпрыгнуть и затанцевать, как тот парень, победным воплем разбудить воцарившуюся тишину. Как всегда, он подумал над этим.

Танец у него вышел и вполтину не таким изящным, как у того незнакомца. Это, впрочем, было неважно. Все еще смеясь и тяжело дыша, он протянул левую руку – в правой был надежно зажат камень, его камень – и потрепал по холке

вздыбленную мантикору.

Та дверь, через которую он прошел и с которой так бесцеремонно обращался высокий незнакомец, распахнулась снова, пропуская озадаченно озирающегося галлийца. Как когда-то тот, другой, Ксандер приветственно махнул галлийцу рукой и ухмыльнулся.

И тут рядом с ним медленно, почти торжественно, открылся портал.

Глава 3

Башня Воды

Прежде чем шагнуть через заветный порог, Исабель крепко зажала завоеванный камень в руке, а уже занеся ногу, зажмурилась. По словам ректора, испытание на этом заканчивалось, но после всего произошедшего пещерный зал с талисманами казался таким надежным, таким... настоящим, что уходить было почти невозможно. Да и кто поручился бы, что представший ей огромный, гулкий даже шепотами зал под высокими сводами не очередная иллюзия?

Исабель замерла, как в полусне выхватывая взглядом только отдельные детали. Своды украшала карта то и дело двигавшихся созвездий; в глаза ей бросался Овен, с энтузиазмом наскакивавший на опустившего грозные рога Тельца. На выступавших из стен могучих колоннах возвышались статуи со светильниками в руках – впрочем, света в зале что от них, что от огромных стрельчатых окон было не так уж много: день явно уже клонился к закату. Хотя, учитывая, сколько длилось испытание – не иначе как целую вечность... или – ее дернуло ознобом – сейчас и день вовсе уже другой?

Мимо нее летящей походкой, не оглядываясь, проскользнул в сторону других людей щуплый Клаус фон Бабенберг, и она тоже посмотрела туда, прищурилась, стараясь разглядеть лица.

В конце зала, на небольшом возвышении, стояло кресло, и в нем уютно расположился ректор – во всяком случае, фигурой и одеждой сидевший очень его напоминал. Как бы то ни было, Клаус ему почтительно поклонился и тихонько отошел в сторонку. На мгновение по нему скользнул луч света от колонны – там статуя прекрасной дамы, надменно вздернувшей голову с тяжелыми косами до пят, одной рукой опиралась на длинный посох с пылающим набалдашником, а другую положила на спину готовой к прыжку пантеры. Под колонной уже стоял, сощурившись, широкоплечий авзон, которого Исабель заметила еще в атриуме. Впрочем, нелюдимым авзон, похоже, вовсе не был: подошедшему Клаусу он

протянул руку. Что сказал Клаус, расслышал разве что его собеседник, да и то авзону пришлось наклониться ближе, зато у самого авзона голос был зычный.

– Джандоменико Фальер, – донеслось до Исабель.

Венецианец, значит. Гордая Венеция не признает себя частью Авзонии и знает лишь один закон – волю своего дожа и сената; это осталось в памяти Исабель. Обычно политику она находила скучной и бесполезной, но идея, что один город в стране может не считать себя частью страны, ей показалась слишком смешной. Впрочем, когда она поделилась своим весельем с дедом, тот неожиданно ее одернул и сказал, что это вопрос серьезный. Да и род Фальер, прославившийся казненным за измену республике дожем, удержался в ее памяти – и вот, поди ж, пригодилось!

У подножия противоположной колонны, которую освещала покореженная временем лампа в исхудавших руках древнего старца, шевельнулась тень, и проходившую мимо Исабель дернуло туда поглядеть. Каменный старец смотрел исподлобья, подозрительно подняв свою лампу, словно чтобы получше изучить потревоживших его покой, а рядом огромная змея – ее толстые кольца частью сползли с резного камня, нависая над полом – подняла плоскую морду почти к его уху, словно шепчась с ним. Под этой-то змеей Исабель и разглядела давешнюю светлокосую девочку, чей реверанс одобрил ее дед там, в атриуме. Правда, кос у нее уже не было: теперь ее бледные волосы были обрезаны неровно и так ко-

ротко, что она едва смогла бы заправить их за уши. На свет она не вышла – наоборот, подалась назад, почти исчезнув в полумраке.

Поклонившись ректору – в кресле и в самом деле сидел Сидро д’Эстаон, – Исабель стала вглядываться в лица тех, кто ее опередил. Только эти трое? А нет, вот из-за широкой спины Джандоменико (вот уж кто несколько не смущался присутствием ректора и спокойно разглядывал статуи) выплыла полуундина, умудрившаяся в Лабиринте ни волосы не растрепать, ни платице не помять. Просияв улыбкой, она протянула Клаусу нежную руку, и остмаркский мальчик залился краской.

– Мишель Дюбуа, – звонко прожурчал ее голос.

Клаус ответил неслышно, но улыбка Мишель стала еще ласковее, а Клаус из алого стал пунцовым. Правда, кряжистый венецианец тоже побагровел и пододвинулся поближе, но остановился как вкопанный, едва лучистая галлийка обернулась к нему.

Нашли чем заняться, и главное – где!

Едва кивнув, чего, наверное, по правилам вежливости было мало, но уж как-нибудь обойдутся, благо на нее оба парня еле глянули, а галлийская стерва лишь заулыбалась еще шире, Исабель отвернулась от них и стала вглядываться в другие группки в тенях колонн и во входящих. Вот прошагал мимо кудрявый гельвет... Так, если посчитать – она прищурилась – их было уже одиннадцать человек, не считая ее са-

мой.

Двенадцать. А ректор сказал, всего будет двадцать два?

Она замерла, будто ноги обратились в свинец, и оглянулась еще раз, проверяя подсчет с растущим беспокойством: трое... одна... там еще пятеро... тут двое, нет – четверо, она ошиблась, и еще она, да этот вот идет, значит, пятнадцать!

Проклятье, что с ней такое?!

Она рванула воротник, чувствуя, как подкатывает удушье к горлу, и одновременно как льдом разливается по жилам озноб. Шаги кудряша теперь казались гулками как колокол. В последний раз с ней было такое два года назад, когда Ксандер...

Ксандер. В зале не было Ксандера.

Задышавшись, она напряженно, до рези в глазах, вглядывалась в тени под статуями, в каждого нового входящего, даже в ректора, будто он мог знать и каким-то жестом или взглядом намекнуть ей. Лицо д'Эстаона оставалось усталым и бесстрастным, и если он и видел, что с ней творится, то не торопился помочь. А в ушах у нее издевательски звенели слова отданного Приказа, за который она уже была готова себя проклясть. Потерять вассала вот так, по глупости, дав задачу, которую даже со всем желанием не пройдет и один из тысячи! При мысли о том, что скажет ей дед, она чуть не застонала. Опять, опять она сделала прежде, чем подумала, – и теперь что, у нее снова нет вассала?!

– Только после вас!

При первом же звуке этого голоса у нее отлегло от сердца так стремительно, что она пошатнулась, жадно впиваясь взглядом в новопришедших. В дверях чуть не столкнулись – да, Ксандер, живой и невредимый, и тот парень, которого так бурно обнимал министр де Шалэ. Посмеявшись, они обменялись быстрым рукопожатием и пошли вперед, галлиец – уже явно представляясь. Но не успели они дойти до середины зала, как разговор оборвался, а когда, отдав должное ректору, они поравнялись с Исабель, лицо Ксандера было как обычно замкнутым.

– Сеньора. Поздравляю вас.

Сейчас, глядя в это лицо и холодные, изучавшие ее, словно особенно отвратительную тварь, глаза, она напрочь забыла, почему еще минуту назад была хоть сколько-то рада его видеть.

– Тебя тоже есть с чем поздравить, принц, – сказала она, стараясь не сорваться на шипение, и до боли сцепила руки, уже наливающиеся предательским жаром. – Сумел выполнить Приказ. Для тебя это даже неплохо.

– Ваша уверенность, что мне легко удастся то, что по плечу только лучшим из лучших, придавала мне сил, сеньора.

Исабель, не успев огрызнуться, вдруг задумалась, издевается он или льстит. Пока она молчала, подошел тот галлиец Франсуа, точно, Франсуа де Шалэ: Исабель порадовалась своей памятью. Он глянул на Ксандера с той жалостью, которая вечно Исабель раздражала, безмолвно кивнул ей и

отодвинулся, чтобы сухо пожать руку Клаусу и остановиться поближе к Джандоменико, которого, похоже, откуда-то уже знал.

«У Альба всегда все самое лучшее», – пришло ей на ум, прекрасная фраза ведь, ничего не возразишь! Но она молчала уже слишком долго, теперь отвечать на дерзость было поздно, и опять выходило, что последнее слово осталось за Ксандером. Чувствуя, как запылали уши от обиды, она раздраженно потянулась поправить волосы и нащупала в ближайшей пряди колтун.

Она сложила потеплевшие руки ладонь к ладони, спрятав их в складках юбки. Вдох. Выдох. Еще раз. Как учил дед, она искала, на чем бы сосредоточиться: да хоть бы на светильнике на ближайшей колонне. Да, в нем горел огонь, но белый и холодный. Постепенно похолодели и ее пальцы, и она бросила исподлобья взгляд на Ксандера, заметил ли он. Если фламандец что и заметил, то промолчал и сейчас просто стоял, глядя перед собой, спокойный, если не считать тонкой складки между бровями.

– Исабель, *querida*!

Что бы ни случилось с кудрявой Алехандрой в Лабиринте, на ее веселую энергичность это не повлияло. С быстротой особенно неумной белки она подскочила к Исабель, таща за собой Катлину – надо же, и эта прошла! – и узкоплечего парня с лисьим лицом.

– Мой кузен Хуан де ла Серда!

Лисообразный Хуан никак это не оспорил, только улыбнулся и поклонился, ловко прикрыв при поклоне рваную дырку на щегольски вышитом рукаве.

– Целую ваши ноги, сеньориты!

Это подошел Мигель Геваро-Торрес, и представлять его компании довелось уже Исабель: его дядя был в кортесах человеком не последним и в доме Альба бывал не раз, как и его племянник. Впрямую ног целовать Мигель, конечно, не стал, ограничившись тем, что склонился к рукам, которые подали ему Исабель и Алехандра, а с Хуаном они обменялись изящными полупоклонами, после чего Мигель занял почетное место близ Исабель, демонстративно повернувшись спиной к Ксандеру. Ксандер, впрочем, никак на это не отреагировал и вообще стал тихонько переговариваться с Катлиной, так что упражнения юных кабальеро в надменных усмешках и брезгливых взглядах пропали втуне. Исабель никак не могла решить, приятно ей это или нет. Конечно, наглость вассала поощрять не стоит, но...

– Добро пожаловать.

Шелест разговоров тут же стих. Все как по команде вытянулись и даже выстроились. Кто-то попробовал ответить – судя по акценту, кто-то из неугомонных авзонов, – но на него шикнули, и воцарилась окончательная тишина.

Ректор еще с минуту обозревал их, опершись подбородком на сложенные ладони, а потом встал и вышел вперед, опираясь на свою трость.

– Вы молодцы, – сказал он наконец в это гробовое молчание, и на его лице вдруг появилась усталая, но теплая улыбка. – Вы замечательные молодцы, знайте это. И запомните этот день и этот час, потому что, что бы ни случилось с вами потом, вы навсегда останетесь теми, кто выдержал испытание Академии.

По залу прошел легкий вздох, и Исабель поняла, что в нем был и ее выдох облегчения. Все расслабились, заоглядывались, словно и в самом деле пытались запомнить окружающее во всех деталях, заулыбались друг другу; кто-то из парней одобрительно хлопнул соседа по спине, другие приосанились. Алехандра, оказавшаяся рядом с Исабель, порозовела от удовольствия и обняла свою фламандку за плечи. Исабель решила, что она тоже довольна. Одно дело – знать, что ты лучшая по праву крови, и совсем иное, когда получаешь награду по своим заслугам, и другие это признают.

– И не думайте, – продолжил ректор, снова заставив всех умолкнуть, – что здесь будут иметь значение ваша кровь или слава ваших родственников. Вы попали сюда только своими силами, и здесь вас будут судить только по вашим словам и делам. И постарайтесь и дальше оставаться достойными звания учеников Трамонтаны. Потерять это достоинство из-за небрежности или глупости – вот это будет настоящий позор.

Теперь уже никто не улыбался, не выпячивал грудь и не краснел от радости. Исабель и сама вдруг ощутила что-то вроде тяжести, будто каждое слово ректора д'Эстаона было

камнем, и все они падали ей на плечи, но сутулиться нельзя...

Ректор же, сделав паузу, окинул их еще одним взглядом серых, как свинец, глаз и вдруг нахмурился. В режущей слух тишине раздалось громкое жужжание и снова смолкло, на этом лоб д'Эстаона разгладился, и он снова улыбнулся.

– Но теперь вам надо освоиться, ведь Академия отныне ваш второй дом, а в доме надо устроиться как следует, не так ли? Поступим мы так, – он прижал указательный палец к губам, задумчиво постучал им, словно еще решая, куда их всех девать. – Вы сейчас вернетесь к той двери, через которую вошли... Не переживайте, в Лабиринт вы оттуда уже не попадете. Там вас встретят ученики старшего курса и проведут в Башню Воды, где в этом году вам предстоит жить.

– О да, – выдохнула рядом Алехандра, – сейчас бы ванну!

– Другое дело, что там вас ждет еще одно небольшое испытание, – сообщил ректор, прищурившись. – Сущие мелочи по сравнению с тем, что вам уже удалось пройти, поэтому я верю, что уж с этим препятствием на пути к еде и сну вы справитесь легко. Благо теперь вы вместе.

На лицах окружающих – волей-неволей многие при этих словах переглянулись, и Исабель решила, что беды не будет, если она сделает то же – отразился тот же сплав сомнения, готовности и беспокойства, который наполнял и ее.

– Что еще... Завтрашний день принадлежит вам, кроме, конечно, ужина, который все-таки в вашу честь, – улыбка

ректора стала немного ироничной. — Так что постарайтесь его не пропустить. А теперь я желаю вам успеха и доброй ночи, господа... студенты.

И, развернувшись на каблуке, он снова, как тогда в атриуме, исчез.

Озадаченные этим действием, они все как один еще мгновение просто пялились туда, где только что стоял глава Академии. Наконец кто-то шевельнулся, кто-то потянул за рукав соседа, кто-то произнес первое слово, и двадцать два новоиспеченных студента пошли к той двери, откуда они так недавно победно появились.

— Нас двадцать один, — сказал Ксандер за ее спиной, будто прочитав мысли.

Она не обернулась, только кивнула: ей-то какое дело?

Но невольно стала пересчитывать, только быстро сбилась со счета и бросила это занятие.

Перешагнув порог, она, уже готовая, несмотря на уверения, увидеть былую комнатку, обнаружила белопесочную дорожку и аккуратно подстриженный газон. Ее спутники заоглядывались, кто-то даже наклонился потрогать траву. Исабель оглянулась тоже: позади была самая что ни на есть

обычная дверь и изящное, все в причудливой готической резьбе, здание. Над головами шумели вполне обычные деревья, через которые вдали виднелись могучие стены гор. А впереди, с торжественной важностью ожидая их, стояли двое – молодой человек и девушка, и на груди у каждого сиял звездой тот самый камень, что и у всех новичков.

– Добро пожаловать, братья наши меньшие, – сказал наконец парень, завладев всеобщим вниманием.

– И сестры, – поправила его девушка, глаза у нее искрились таким же несколько снисходительным весельем; они переглянулись и перемигнулись.

– Следуйте за нами, – продолжил парень.

– Только не отставайте! А то тут недолго и заплутать.

И, больше ничего не говоря и только лукаво улыбаясь на просьбы об объяснениях, они пошли вперед, так что их подопечным ничего не оставалось, кроме как идти следом.

Так они пересекли центральную шестиугольную площадь и прошли сквозь платановую рощицу. При первом же виде полагавшегося новичкам жилища провожатые опять улыбнулись, оставив их и пожелав удачи. Впрочем, новички, уже увлеченно разглядывавшие доставшуюся им резиденцию, задерживать их не стали.

От одного взгляда на их новый дом Исабель поежилась.

Дело было даже не в том, что один его вид легко доказывал, что его создатели не только ничего не знали о земном тяготении, но и знать не хотели. Будто созданные из

струй весенних ручьев и летних ливней, взмывали ввысь своды в сверкающей дымке брызг. Сам камень башенных стен был, казалось, полупрозрачным, как зеленоватый алебастр или неграненый аквамарин. Всюду в прихотливом узоре мелькали искусно выточенные рыбы, взлетали на гребнях каменных волн веселые ундины, поддерживая на тонких руках ажурные балконы, и причудливо, как водоросли, изгибались немыслимые лестницы. Над озером, окружавшим башню, как широкий ров, и полускрытым лотосами и склоненными ивами, парил на стройных арках легкий мост, на котором едва прошли бы плечом к плечу двое. И отовсюду, словно полотном вывешенных на праздник знамен, бесшумно и блистательно лилась вода.

Даже авзоны, дети лагун Средиземноморья, уставились на это видение с откровенным изумлением, а уж Исабель, рожденной в выжженных солнцем горах Иберии, и вовсе стало немного дурно. Огонь, всегда согревавший ее руки, притих настолько, что она даже озябла, вдруг осознав, что на землю опустились сентябрьские сумерки и воздух совсем не теплый. И это еще до того, как она увидела двери – точнее, то, что здесь ими служило. Там, где во всех нормальных домах можно было бы ожидать ворота, в этом сумасшедшем строении низвергался в зеленую воду рва водопад. И при одном виде его становилось ясно как день: любого, кто дерзнет подойти к нему по ажурному, но очень уж узкому и лишенному перил мосту, полускрытому дымкой брызг, он попросту

смот.

Еще одно испытание?

– Прелесть какая, – проговорил рядом негромкий голос.

Исабель покосилась: это была та самая белобрысая.

– Ничего себе, – едва не в унисон ей отозвалась давешняя вилланка Леонор Как-то Там, в который раз нервно погладив свою пентаграмму. – У вас тут что, на каждом шагу пытаются людей убить?

– Но мы же туда не пойдем, правда? – озабоченно спросила беспокойная авзонийка, подергав за рукав Джандоменико Фальера, изучавшего замок все с тем же своим прищуром, будто он обдумывал штурм.

– Не в лесу же спать, – резонно возразил он, стряхивая ее руку. – Что скажете, парни?

Парни всех мастей и национальностей на этот призыв только переглянулись – главным образом, как показалось Исабель, чтобы удостовериться в своем единодушии. Единодушие было полное, никому явно не хотелось идти первым, но и выглядеть трусом не согласился бы никто. Немного покидав друг другу эти взгляды, вызывающие и испытующие, они почти незаметно сбились каждый в свою кучку, убедившись не без удовольствия, что быть героем и первопроходцем не жаждал ни один.

Исабель почувствовала легчайшее прикосновение юбки к юбке и бросила взгляд через плечо: к ней поближе придвинулась Александра, вопросительно и искательно заглянув ей в

лицо. Двое юных кабальеро, закончив свой безмолвный петушиный бой с со своими новоявленными однокурсниками, тоже оказались рядом, с гордым видом готовые защищать прекрасных дам от всего и вся. И даже вилланка Леонор, несмотря на показную независимость, подобралась к их маленькой группе; впрочем, Исабель заподозрила, что, вполне возможно, она попросту не знала иного языка, кроме иберийского. Кто ж их знает, вилланов?

Ксандера рядом не оказалось. Он стоял почти у самого обрыва, вполголоса что-то говоря (по характерному хриплому «г» Исабель поняла, что по-фламандски) и глядя на замок как зачарованный. Рядом с ним была александрова Катлина, с ней и говорил, и ее очаровывал вовсе не замок.

– Надо идти, сеньоры, – объявил Мигель Геваро-Торрес с той важностью, с какой все мальчишки на памяти Исабель копировали манеру мужчин. – Разделимся, я так думаю. Кто-то останется с дамами, – он чуть поклонился в сторону Исабель и Александры, – а я пойду первым. Кто со мной?

Александра, похоже, была вполне готова остаться на берегу и восхищенно рукоплескать отважным героям, но Исабель это не устраивало. Она и так еле удержалась от того, чтобы не закатыть глаза.

– Ничего подобного, – это она сказала сухо и отрывисто – получилось почти как у деда.

Во всяком случае, все сразу усталились на нее. Теперь следовало сказать обдуманные слова, но на обдумывание вре-

мении не было. Впрочем, как правильно, она знала и так: идти первой, а Мигель мог ее сопровождать, если уж ему так въелось. Она вдохнула напоенный влагой воздух, чтобы это им сообщить, и глянула на мост.

Лучше бы она этого не делала. Проклятая вода все лилась, мост ничуть не расширился, даже, похоже, сузился; а ров был и на второй взгляд очень глубоким. Она собралась с духом, чтобы все же выдать из себя правильные слова, но даже образ деда и дядьев, как один отважных и суровых, помог несильно.

И тут за то мгновение, что она провела в непростительных колебаниях, к мосту подошла Мишель Дюбуа. Полуундина одной нежной улыбкой заставила расступиться подначивавших друг друга мальчишек и шагнула на мост с такой безмятежной уверенностью, будто это была мостовая ее родной Лютеции. Кто-то сзади нее охнул, но она не повела и одной безупречной бровью – прошла, легко переступая, к самому водопаду и протянула к нему руку.

Водопад взревел, как взмывший в прыжке кит – Исабель видела это жуткое диво у берега Атлантики, – и вроде даже подался назад. Но едва они затаили дыхание, уже почти уверенные в чуде, как он вдруг обрушился вниз с новой силой, будто в него вылили титаническое ведро, и облако водяной дымки скрыло и его, и Мишель плотно и безнадежно.

Исабель, стоявшая в первых рядах, невольно поежилась и оглянулась, чтобы оценить, какой это эффект оказало на

ее спутников. Эффект был удручающим. Даже Мигель выглядел растерянным, Алехандра и вовсе отвернулась, прижав сведенную судорогой ладонь ко рту. Второй по смелости среди мальчишек, Хуан де ла Серда, хоть и положил покровительственно руку на ее плечи – кузен все-таки, – рука эта заметно дрожала. Авзоны после минуты потрясенного молчания вновь отчаянно залопотали между собой, особенно было слышно Джандоменико – потомок дожей и адмиралов явно унаследовал голос, способный перекрыть даже шум морского боя, но вот воодушевления в нем было маловато. Давешней светловолосой худышки, ни в одной группе до того не задержавшейся, и вовсе не было видно: похоже, побежала за взрослыми, таких вот правильных Исабель навиделась.

– Сеньора, смотрите! – крикнул девичий голос, звенящий от страха.

Алехандра обернулась так резко, что отлетела в траву сдерживавшая ее буйные кудри заколка. Исабель, конечно, обернулась тоже, хотя более плавно: дед говорил, что слишком быстрые движения могут ввести других в панику, а сейчас только этого не хватало. Но – проклятье! – вот тут-то совет и пример был выбран неудачно.

По мосту шел Ксандер.

Он шел не с бездумной грацией Мишели, а скорее чуть враскачку, как моряк по кораблю, иногда бросая сторожкие взгляды по сторонам, но шел уверенно и твердо. Следом за

ним таким же шагом шел Джандоменико, а у самого плеча венецианца – высокий кудрявый гельвет, как его – Франц, Фриц? Оба широкоплечие и крепкие, они смотрелись как телохранители юного принца, не отставая от него ни на метр. А у входа на мост ломала руки Катлина, явно разрываясь между желанием последовать за ними и боязнью ослушаться своей сеньоры – она-то и крикнула.

Первым порывом Исабель было осадить негодного вассала Приказом, но, даже кипя гневом, она все-таки осознала очень вовремя, что он вряд ли ее услышит сквозь шум треклятого водопада, а уж оглядываться на нее он и не думал. Оставалось скрипнуть зубами и смолчать.

А вот Мигель и Хуан не стерпели – рванули к мосту так, что едва не смели по пути в ров Катлину... жаль, что не снесли. Им наперерез, не желая проиграть в петушином бою, помчались и пылкие авзоны, и кое-кто из галлов, и, что уж во-все было нетерпимо, вилланка Леонор. У моста образовалась кутерьма. Исабель и сама опомниться не успела, как оказалась там же, а когда из водяного тумана вдруг раздался короткий вскрик и куча-мала на мгновение застыла, Исабель обнаружила, что уже стоит на влажных от брызг камнях моста впереди очень многих, и с обеих сторон узкой каменной тропы – обрыв и зеленая, как жаба, вода.

Бежать назад было глупо, а учитывая, что рядом стояла вилланка, и неприлично. Она зябко скрестила похолодевшие руки на груди, зажмурилась на секунду и пошла вперед, пря-

мо к водопаду. Вблизи поток воды выглядел еще неприступнее, чем издали. Но делать нечего: вздрогнув при мысли, что одна из огненных Альба кончит жизнь в каком-то болотном рву, она выдохнула, призвала на помощь тени предков и шагнула под тугие струи.

И тут же оказалась, абсолютно сухая, перед гостеприимно распахнутыми воротами. Их никто не встречал. Башня Воды была, похоже, пуста. Хотя нет, не совсем: откуда-то с причудливой галереи вдруг донесся зычный голос Джандоменико:

– ...как ты, а я тут устроюсь!

– Это что ж, комнаты мы выбираем себе сами? – недоверчиво отозвалась Леонор, зябко потирая плечи. – А что, неплохие порядки.

Исабель кивнула и решительно направилась ко входу, намереваясь выбрать так, как советовал дед, – с окнами на юг. И, конечно, лучшую. Как определить юг, она знала, этому ее учили, и дед сказал, что это важно. Но в этом лишенном малейшей строгости и четкости здании это значило заглянуть в каждую дверь, и только почти отчаявшись, она нашла искомое – ту комнату, чьи окна по законам физики должны были смотреть в нужную сторону.

Проблема заключалась в том, что искомое было заперто. Подавив приступ усталой злости, она постучала со всей вежливостью. А когда чертова дверь отказалась открыться, собралась повторить маневр, но стоило ей занести руку, как дверь распахнулась.

На пороге стояла та самая беловолосая. Вблизи, да еще на фоне освещенной комнаты, она выглядела еще худее, а огромные на узком лице глаза были невозмутимы, насмешливы и прозрачны, как вода из замкового рва.

Исабель призвала на помощь подобающую случаю вежливость. Под этим взглядом это было несколько сложно, но она справилась.

– Что вы делаете в моей спальне?

Бледные губы девочки дрогнули. Да она сейчас рассмеется ей в лицо, не иначе!

– С кем имею честь?

К ректору они прибыли не вместе, но Исабель почему-то казалось, что незнакомка знает ее имя – впрочем, кто же не знает! Но если решаешь быть вежливым, надо продолжать. Она склонила голову с достоинством, как подобает.

– Исабель де л'Анж и Альварес де Толедо, герцогиня Альба.

Девочка наклонила голову в ответ с той же грацией, с какой сделала реверанс ее деду и от которой Исабель снова почувствовала себя неуклюжей и резкой. И протянула руку.

Руку полагается пожимать, и Исабель это сделала, решив про себя с внезапной злостью, что стоит нахалке почувствовать настоящую хватку на своих хрупких пальчиках, как она поймет, с кем имеет дело, благо ее собственные руки уже яростно пылали. Альба никто не бросает вызов безнаказанно!

Но огонь ее подвел.

Нет, он не утих, собственные Исабель ладони остались горячими, и пламя внутри яростно требовало выхода — но не находило, будто Исабель не другого человека касалась, а опустила руку в прохладную воду. А незнакомая девочка изучала ее, пожалуй, с интересом. Глаза ее, теперь прищуренные, были холодными. И не такими уж светлыми, скорее свинцово-серыми, как лед северных рек. Правда, льда воочию Исабель не видела, но на картинках в книге о Снежной королеве...

Она не человек, пришла ей острая и ясная мысль. То есть, может, и человек, но как бы не оказалось, что даже меньше, чем красавица Мишель.

— Одиллия де Нордгау-Мочениго, — мягко отозвалась девочка и разжала пальцы.

И вдруг сделала приглашающий жест, шагнув в сторону и открывая путь в комнату.

— Комната предназначена для двоих, донья Исабель. Располагайтесь.

Страх и сомнения показывать нельзя, это Исабель выучила еще на драконах.

Со всей возможной царственностью она прошествовала в комнату, кивнув в ответ на приглашение, и услышала, как за спиной гулко захлопнулась дверь. Старательно изгнав из мыслей сравнение с захлопнувшейся ловушкой, почему-то враз пришедшее на ум, она сделала небольшой круг

по комнате, намеренно повернувшись к бледноволосой спиной. Спина неуютно чувствовала взгляд, но надо так надо.

Одна из широких, укрытых легким пологом кроватей пустовала. На другой лежал легкий черный плащ или шаль, чем-то неуловимо напоминающая сброшенное оперение.

– Что ж, я остаюсь, – решительно заявила Исабель, снимая собственный плащ и бросая его на вторую кровать. – И приятно познакомиться.

Одиллия вздохнула, легчайшим из вздохов. Святая Мария, потрясенно осознала Исабель, да она же тоже волновалась!

– Мне тоже, – ответила она с чувством.

Исабель вдруг словно кожей ощутила, что та так же устала, голодна и скучает по дому и не знает, как они еще устроятся здесь. Иберийке стало тепло, но не от жара ее проклятого Дара, а просто по-человечески тепло.

Внимательные глаза Одиллии снова чуть сощурились, а губы изогнулись в улыбке.

– Говорят, как все устроятся, нам дадут поесть, – сказала она с такой уверенностью, что Исабель не сразу сообразила спросить, кто же такое успел сказать. – Похоже, остальные тоже уже поняли, что к чему.

Тут Исабель решила верить на слово: посмотреть на водопад, чтобы проверить, все ли его прошли, ей совершенно не хотелось. Оглядевшись, она обнаружила, что сундук, украшенный гербом Альба, уже стоит в избранной ею половине

комнаты, и решила, что самое время разместиться.

Укладывая вещи в сундук, кормилица Мерседес не забыла ничего, явно рассчитывая и на холодные вечера, и на согретые весенним солнцем дни. Даже мешочки с душистыми травами и цветами то и дело попадались под руку. Исабель подумала и кинула парочку в комод, а последний, прежде чем закрыть резную дверцу, сжала в пальцах, глубоко вдыхая аромат дома. Но тут же вспомнила, что не одна, вздрогнула, закрыла дверцу и села, положив на колени веер.

Новая соседка если что и заметила, виду никак не подавала. Собственно, она на Исабель и не смотрела, а вдумчиво – иного слова не подберешь – перебирала книги, придирчиво решая, в каком порядке их поставить, и порой замирала над ними, то просто поглаживая кожаные переплеты длинными худыми пальцами, то открывая наугад, чтобы потом с видимым усилием оторваться от чтения. Безжалостно и неровно обрезанные волосы она нетерпеливо заправляла за уши.

Лицо, которое таким образом оставалось всегда открытым, красивым Исабель бы не назвала. Черты его были правильные, но, словно в насмешку, чуть-чуть не дотягивали до идеальных: губы бледные и чуть тоньше, чем следует; нос хоть и прямой, но, пожалуй, длинноват и с намеком на горбинку; подбородок узкий. Но было в ней нечто – неколебимая внутренняя уверенность человека, сомневающегося во всем, кроме себя, – и это патрицианское спокойствие и влекло, и раздражало.

Фигурой она тоже не вышла и, в отличие от Исабель, чья южная кровь оставляла надежду на относительно скорое исправление, явно собиралась оставаться худощавой, узкоплечей и малогрудой до конца, как это случается у северян. Впрочем, и изящно-хрупкой, по галльской моде, она не выглядела: открытая спина и тонкие руки были сплошь сплетением сухих мускулов, как у чистокровной лошади. Зато каждое движение, каждая поза были такие, будто она их месяцами репетировала, а осанка была и вовсе несгибаемая; Исабель еле удержала вздох тихой зависти. Другое дело, что эта красота была слишком выверена, даже нарочита в своей четкости и потому тоже раздражала, словно венецианка находилась на сцене и каждую минуту рассчитывала на эффект.

– Я танцую, много.

Проклятье! Исабель и не заметила, что объект ее внимания в свою очередь наблюдала за ней краем глаза. Она спешно схватила веер и обмахнулась им пару раз, а почувствовав, что резное дерево зловеще хрустнуло в пальцах, так же поспешно свернула и положила на столик.

– Конечно, – ответила она как могла спокойно, и только тут значение сказанного новой соседкой дошло до ее мозга.

Танцует! В мире Исабель знатные дамы, конечно, танцевали, к ней и самой приглашали как-то учителя, но величавые придворные контрдансы, приличествующие дочерям благородных домов, не дают подобной мускульной выучки. Такое Исабель видела только раз – точно, вот где! – когда

в Монтерей пришел табор, и цыганки, такие же вот поджарые и жилистые, изгибались в своих страстных и нечестивых плясках на площади у самой церкви. Но новая знакомая не шла с ними ни в какое сравнение в первую очередь потому, что страсти в ней не чувствовалось ни на грош, да и их животной, но все же естественности тоже.

Наверняка, решила Исабель про себя твердо, есть и приличные виды танцев. Мир большой, как любил говорить дядя Алехандро, и люди в нем бывают разные, а уж обычаи – тем более. Исабель и сама читала о разгульных венецианских карнавалах, так что, может, женщины Венеции и танцевать могут напропалую, и ничего в том дурного нет?

Новая знакомая – Одиллия, да – поставила последнюю книгу на полку, изучила результат, задумчиво покусывая верхнюю губу, а потом, видимо, решив удовольствоваться достигнутым, развернулась и уселась на кровати по-турецки. Заодно завернулась в лежавшую... да, таки шаль, но огромную, оставив открытыми и тем только подчеркивая ни на дюйм не ссутулившиеся плечи (неужели ей так удобно?) и голову на длинной, по-лебединому изогнутой шее. И уставилась на Исабель.

Исабель на своем стуле невольно выпрямилась, готовясь ответить на вызов, но венецианка смотрела не вызывающе, а словно Исабель была такой же книгой, и надо решить, куда ее поставить и скоро ли понадобится. А потом Одиллия сморгнула, и наваждение вдруг рассеялось.

– Я думаю, – пояснила она, – не стоит ли пойти на разведку.

– Тем более что самое время поужинать, – отозвалась Исабель, стараясь попасть ей в тон, и еле сдержалась, чтоб не поморщиться: получилось как-то... резковато. То ли новой соседке помогала авзонийская привычка говорить чуть нараспев, то ли еще что, но у Исабель вышло опять почти как у деда. Почему-то на этот раз ее это не порадовало.

– На ужин я бы не очень рассчитывала, – заметила Одиллия так, словно для нее это было дело обычное, – но осмотреться у нас время есть. На людей посмотреть и себя показать, – последнее она сказала так, будто кого-то цитировала, пробуя чуждую себе фразу на вкус.

Вот эту небрежность скопировать было уже полегче, чем акцент.

– Да, ты права. – Откинуть голову – да, вот прямо так, и плечи... легко! – Мне еще надо найти моего вассала. Отдать ему распоряжения.

Светлые бровки Одиллии слегка сошлись.

– Вассала?

– Да, – проронила Исабель, еще чуть приосаниваясь. – Ван Страатен, фламандский принц.

Она немного подчеркнула последнее слово на тот случай, если новая знакомая не в курсе, но лицо венецианки осталось бесстрастным как маска.

– Даже Альба позволяют фламандцам учиться?

Исабель могла бы сказать, что фламандцы в Академию попадали хоть и редко, но не настолько, чтобы их появлению тут дивиться, но это звучало бы как оправдание, а до этого она решила не опускаться.

– Конечно, не всем, – твердо отрезала она. – Но мой Ксандер лучший. А превосходство заслуживает своих привилегий, – вернула она слова дяди Луиса.

– Конечно, – отозвалась Одиллия, снова то ли соглашась, то ли желая распробовать слово. – Раз он здесь. И тем более, если ты его хвалишь. – Последнее она сказала будто недоуменно. – Интересно будет на него посмотреть.

– Я его тебе представлю.

Уголки бледных губ тронула улыбка.

– Думаю, нам всем друг друга не миновать. Но... спасибо. Правда, фламандский я так и не выучила.

Тут пришла очередь Исабель сморгнуть.

– Тебе-то зачем?

Одиллия чуть пожала плечами.

– Наш северный дом недалеко от Нидерландов.

– Фландрии, – поправила Исабель, вскинув бровь.

– И Фландрии, и Голландии, и Гельдерланда, – охотно отозвалась Одиллия. – Так что одним словом называть проще.

Серые глаза были распахнуты, пожалуй, нарочито наивно. Исабель уже приготовилась ответить подобающей отповедью, но вдруг снова ощутила неприятный озноб, как от подмороженной мартовской реки. Даже гневный огонь отка-

зался согреть руки, словно прячась подальше от этого стылого льда.

Когда Одиллия опять внезапно улыбнулась, тепло и лукаво, Исабель еле подавила порыв отшатнуться – или наклониться ближе.

– Пошли? – только и сказала венецианка.

В коридоре не было никого, но пустынности не ощущалось и на волос. Из-за дверей раздавались голоса, кто-то, судя по скрипу, двигал мебель; едва не стукнув их дверью, в коридор выскочила Леонор, глянула на них, безнадежно вздохнула и закрылась обратно, крикнув кому-то невидимому: «Нет, не мужики!» Одиллия хмыкнула. Тут же распахнулась другая дверь, и Исабель еле успела отскочить.

– Я сейчас съем быка! – объявил оттуда решительный голос кудряша Франца, ненадолго опередив хозяина. – Ой, фрейлейн, простите! Я так неуклюж!

– А вы уже устроились? – вынырнул откуда-то из-под мышки гельвета Клаус. – И вы знаете, где добыть еду?

– Мы шли на разведку, – сообщила ему Одиллия таким заговорщическим тоном, будто разведка была не иначе как в стан дикой орды. – Идемте с нами?

– Если сеньориты позволяют, – Мигель возник рядом с Исабель по другую сторону от Одиллии, – я буду счастлив сопровождать вас.

Исабель признательно подала ему руку, которую он бережно положил на свою. Она бросила взгляд на Одиллию, желая поглядеть, какое впечатление на новую знакомую окажет настоящая галантность, но тут раздался самый невыносимый голос на свете и, как всегда, испортил красоту момента.

– В сражении с таким врагом, как ужин, – констатировал Ксандер, – помогать дамам легко и приятно.

Смутное лицо Мигеля посерело, и он шагнул вперед, но в то же мгновение открылась дверь на лестницу, и появились те самые старшекурсники, которые провожали их до башни Воды. Мигель чуть поиграл желваками и закусил губу, но промолчал, благо на него уже никто не смотрел. Исабель бросила украдкой взгляд на Одиллию: венецианка смотрела на Ксандера пристально, чуть прищурившись, и так же одними уголками губ улыбалась, словно сама не знала, что улыбается.

– Ну что, устроились и проголодались? – звонко спросила старшекурсница. Даже, пожалуй, слишком звонко: Исабель бы прижала уши, если б могла, с акустикой в коридоре было все хорошо.

Ответом провожатой послужил нестройный гул, на который она кивнула.

– Тогда айда за нами!

– Интересно, – шепнула Одиллия в самое ухо Исабель – даже не шепнула, а скорее выдохнула, – у нас что, будет еще испытание?

У Исабель тоскливо засосало под ложечкой.

– С чего ты решила?

– А ты посмотри, как они нервничают.

Исабель послушно посмотрела. И парень, и девушка – она почему-то только сейчас сообразила, что они не представились – весело отбивались от вопросов следующих за ними новичков, обещая скатерть-самобранку с прочими чудесами и перемигиваясь друг с другом. Девушка разве что потеряла руки. Может, и волновалась, но ничего сверхъестественного в том Исабель не нашла: наверняка сопровождение новичков – дело ответственное и важное.

– По-моему, все нормально.

Одиллия дернула худым плечом.

– Посмотрим.

Но венецианка ошиблась, и к небольшой столовой на первом этаже, где уютно горели свечи, а круглый стол полнился действительно на диво разнообразными яствами, они добрались безо всяких приключений. Исабель было шагнула в ту сторону, где Мигель уже отодвигал для нее стул, и потянула за собой Одиллию, но тут задержавшаяся у двери старшейкурсница их остановила.

– Домна де Нордгау, вас хочет видеть ректор.

Бесцветные брови Одиллии взвились, но она кивнула, аккуратно высвободила руку из хватки Исабель, улыбнулась ей и пошла прочь со своей сопровождающей. Исабель заметила, что старшекурсница чуть подволакивала правую ногу, а вот Одиллия шла будто по воздуху плыла.

– Сеньора?

Нахмурившись, она вскинула глаза на Ксандера, который оказался прямо рядом с ее плечом.

– Что такое?

– Сеньора уже добрые пару минут пялится на дверь, – пояснил фламандец с ледяной любезностью. – Я бы не возражал, но сеньору Геваро-Торресу вряд ли необходимо столько времени стоять согнувшись.

– Я задумалась, – отозвалась Исабель и тут же одернула себя: еще не хватало оправдываться! – Мигель, благодарю вас.

Ибериец усадил ее, заверив в своей безграничной преданности, и ловко занял соседний стул. Ксандер почти неслышно фыркнул рядом, а Исабель отметила, что, когда Мигель кланяется или кивает, становится особенно заметно, какая у него длинная шея, пожалуй, слишком тонкая для мужчины.

– Повезло! – вдруг сказал венецианец Джандоменико через стол от нее, принимая от Хуана огромное блюдо с жареными в оливковом масле осьминогами. – Надо же, чтоб в первый... Нет-нет, синьорина, не пытайтесь поднять, оно тяжелое! Я подержу, а вы возьмете...

– Еще чего! – отрезала вилланка Леонор, сверкнув глазами. – Вы что, думаете, я совсем слабачка? Да уж почище всяких неженков буду!

На этом она попробовала отнять блюдо. Справедливости ради, оно действительно вряд ли было таким уж неподъемным, да к тому же она перед этим украдкой погладила свою странную пентаграмму, а ведь амулеты могут обладать большой силой. Но Джандоменико не собирался позволять усомниться в своей мужественности и продолжил жонглировать блюдом, стараясь держать его подальше от худеньких ручек своей визави.

– Женщинам тяжелое все равно лучше не поднимать, – высказался он.

На этом Леонор, которая уже вскочила, стараясь сохранить свою хватку на блюде – ее соперник вознамерился попросту его поднять так, чтобы при ее небольшом росте она не смогла дотянуться – сощурилась и подбоченилась.

– Тяжелое, вот как?! А ведра ты, товарищ дорогой, носил? А корову доил?

Наследник дома Фальер не нашелся что ответить, и в зале воцарилась тишина: видимо, и остальным не меньше Исабель хотелось услышать, что еще доводилось делать вилланке.

– А дрова рубить и хворост носить тебе доводилось? А, – она перевела дыхание, и на еще детском личике отразилось торжество, – ружья заряжать и стрелять?

Из уст присутствовавших вырвался общий вздох, и начался пандемониум.

– Ружья?! – аж взвизгнула Алехандра. – Прямо настоящие? Ты их щупала?

– И стреляла? – это от Катлины: глаза фламандки стали круглыми, как блюдца.

– Я стрелял из аркебузы, – важно сообщил всем и никому конкретно Франц. – Но из лука удобнее.

– А я стрелял из пушки! – отпарировал обидевшийся Джандоменико. – Что там эти ружья!

Леонор, до того наслаждавшаяся успехом своего заявления, такое пропустить никак не могла.

– Знаю я ваши пушки, – небрежно заявила она. – И что, по человеку будете из пушки палить?

– По человеку, – вдруг раздался очень серьезный и тихий голос, – теперь стреляют из самолетов, с воздуха.

Они все умолкли и как по команде посмотрели на вдруг заговорившего старшекурсника. А он сидел неподвижно, лицо его было бледнее бумаги, и даже показалось, что его темные кудри подернуты пеплом.

– Тут же неподалеку... тот город, – все так же тихо продолжил он почти шепотом, и Исабель наклонилась вперед, чтобы точно расслышать. – Точнее, был. Теперь там развалины. И погибли тысячи. Я и не знал, что такое бывает... Здесь земля тряслась, как в лихорадке, и такое зарево...

Молчание нарушила Мишель. Тонкая рука галлийки

скользнула по столу к руке старшего, осторожно погладила, будто раненую птицу.

— Кажется, я видела об этом картину, — в тон ему тихонько проговорила она. — Дома. Все о ней говорили, и я упростила отца посмотреть...

Он благодарно ей улыбнулся.

— Да, говорят, такую написали.

— Точно, — раздался резкий голос Леонор. — Товарищ Ибаррури об этом в газете напечатала.

— Да что там, все знают, — пробасил Франц. — Матушка чуть не поседела, говорила еще нехорошие слова, а мне сказала, что вообще их говорить нельзя, но бывают такие люди, про которых можно.

— А моя мама молилась, — тоже тихо, что было уж вовсе необычно, сказала Алехандра. — И попросила нашего капеллана прочесть заупокойную. Папе мы, конечно, не сказали, он в кортесах... — Она подняла голову и потупилась, столкнувшись с сочувственным взглядом Клауса.

Исабель закатила глаза. Действительно, зачем бы сеньору де Мендоса этикие нежности знать! Да и где это произошло? Картину видели в Лютеции, значит, наверно, в Галлии и дело было— вечно по ту сторону Пиренеев невеста что происходит. Сеньора де Мендоса, правда, богомольница знатная: ей лишь бы падать на колени перед алтарем, она и галлийцев, и альбатроса в Южном море пожалеет.

— Я бы не хотел, чтобы такое случилось у меня на родине, —

услышала она голос Клауса.

А вот Леонор вежливости не понимала и фыркнула не хуже дельфина.

– Поэтому вы вообще решили не драться за себя!

К удивлению Исабель, худенький мальчик из Остмарка не стушевался, наоборот, глянул исподлобья, и что-то нехорошее сверкнуло в его глазах.

– Можно подумать, – отрезал он, – тем, кто решил драться, это сильно помогло.

Ручки вилланки сжались в кулачки, и какое-то время казалось, что она кинется на Клауса, как растрепанный бойцовый петушок, но она вдруг сникла и осела на стул. Клаус сглотнул, встал, робко коснулся ее плеча— она дернулась от прикосновения, но глянула на него и примирительно кивнула.

Старшекурсник откашлялся— видно, тоже чувствовал себя неловко.

– В общем, ребята, давайте не будем про стрельбу, войну и всякое такое. Это вообще нехорошо как-то, – добавил он немного беспомощно. – Кто его знает, как оно теперь обернется... И давайте-ка есть. Леонор, ты не против, если я тебе помогу и подержу блюдо?

– Черт знает что такое, – пробормотала Исабель себе под нос.

Ужин уже давно закончился, сокурсники разошлись по своим комнатам, притихшие и серьезные, – проклятый город и его гибель так всех впечатлили, что потом никому в горло кусок не лез. Исабель заглянула к себе, но Одиллия так и не вернулась. Иберийка попробовала полежать с книгой, но все привезенные ею почему-то оказались ужасно скучны, а книги Одиллии трогать она поостереглась. Повалявшись просто так, она не утерпела, вскочила, закуталась в теплую, крупной вязки шаль и пошла искать Ксандера.

Спален в их извилистом, как змея, коридоре, как она выяснила, было всего одиннадцать, а в нужной стороне от ее собственной двери – три. В одной из них кто-то негромко напевал песню на языке, похожем на фламандский, но голос был женским, и Исабель вычеркнула эту комнату из списка потенциальных убежищ своего непутевого вассала. В других двух царила тишина, и она замерла, вслушиваясь. Наконец в одной из них голос – и голос не фламандца – предупредил: «Я гашу свет, Карло!», и она с облегчением постучалась в другую дверь.

Ксандер открыл не сразу – судя по пижаме и смятой постели, он уже лег и, может быть, даже спал. При ее виде он поднял бровь.

– Сеньоре что-то нужно?

– Не могу уснуть, – сказала она и прошла мимо него в спальню.

Свои вещи фламандец расположил только в одной половине комнаты, как и все, но вторая половина оставалась пустой. Она прошла, потрогала пальцем деревянный маяк, стоявший на окне, и повернулась наконец к нему.

– Я думала о том, что у галлийцев вечно все не как у людей. Вот, например, этот город. На него напали, а они только что картину намалевали.

– Галлия тут ни при чем, – вздохнув, сказал Ксандер и аккуратно поправил маяк. – Это было по другую сторону Пиренеев.

– Чушь, – отрезала она. – Сотни и тысячи убитых и обстрелянный город – это война. Если бы где-то рядом с нами была война, мне бы сказали.

– Вы уже забыли, как нас два года назад увезли в горы и запретили выходить без сопровождающих?

Исабель помнила. С ней поехал дядя Алехандро, добрый и веселый, всегда готовый рассказывать ей истории о приключениях благородных идалго, а Ксандеру – про травы и мази. Она совершенно не возражала против такого путешествия, поэтому не стала особенно расспрашивать, почему планы деда на ее лето изменились. И потом, она же Альба и понимает всю важность слов «долг» и «надо».

Но что-то все-таки в памяти застряло, и она победоносно это вытащила.

– Это были небольшие беспорядки, – сказала она со всей надменностью дяди Франко. – Вилланские беспорядки. И все.

– Леонор бы с вами не согласилась.

Исабель пожала плечами так пренебрежительно, как могла. Это вышло не очень— при упоминании Леонор она вспомнила ее сжатые до белизны маленькие кулачки и бледное детское личико, горевшее яростью, а потом поникшую от горя спину – но кто-то всегда страдает, и дед говорил, что такие мелочи не должны мешать государственному мышлению. Говорил он это Фелипе, но потом жаловался, что тот это никак не запомнит, а вот Исабель помнила твердо.

– Леонор – вилланка!

Ксандер опять вздохнул.

– Будь по-вашему, сеньора.

– К тому же, если бы это было что-то серьезное, – выпалила она, – ты бы только порадовался!

Ее наградой были распахнувшиеся на всю ширину глаза фламандца. Уж что-что, а шокировать его удавалось ей нечасто.

– Я же не зверь, сеньора! – а потом, словно застыдившись и даже чуть сощурившись, он добавил: – И потом, пострадали же просто люди, а не...

Она дожидалась этих слов с почти болезненным удовольствием. Ладони уже начали теплеть, а на языке вертелись слова Приказа, и она даже в душе подгоняла его: «Давай-да-

вай, скажи про мой проклятый род!»

– Исабель? – раздалось из коридора. – Ты спишь?

При звуках этого голоса Ксандер умолк, и по его упрямо-му лицу она поняла: больше он ничего не скажет. Развернувшись на каблуках, она прошествовала мимо него к двери и вышла в коридор, где в их комнату заглядывала Одиллия.

– А, вот ты где.

Бледное лицо венецианки почти светилось в темноте. Исабель шагнула ей навстречу, на мгновение подумав, что вот сейчас бы и представить ей Ксандера, но тут же забыла об этом, когда увидела глаза Одиллии. Они смотрели прямо на нее, но будто вовсе не видели ничего. Что бы ни ужаснуло так венецианку, сейчас было не до куртуазности, да и вряд ли она поблагодарит Исабель, если Ксандер увидит ее такой. Иберийка схватила новую подругу за худую жилистую руку и затащила в их общую комнату.

– Что случилось?

Одиллия только досадливо дернула уголком губ.

– А что от тебя было нужно ректору?

Одиллия ответила не сразу – сначала нащупала стул, села, завернулась в шаль, нервно завязала ее в узел на груди и раздраженно тут же дернула. Еще помялась, должно быть, подбирая слова, и наконец подняла глаза, но не на Исабель, а куда-то на окно.

– Мой брат пропал.

Глава 4

Дар

– Доброе утро, господа студенты.

Ректор стоял прямо, как палка, опираясь на свою жужжащую трость и немного покачиваясь на носках. Те, кого он так титуловал, тоже послушно вытянулись и вперились в него взглядом. Одиль, и так всегда державшая спину прямо (воспоминание о приложении трости учительницы танцев к вздумавшим сутулиться лопаткам было до сих пор ярким), воспользовалась возможностью и украдкой их огля-

дела. Некоторые – вот, например, высоченный Франц и казавшийся особенно щуплым рядом с ним Клаус – пялились на ректора с восторженностью верноподданных, слушающих коронационную речь, и это сходство при их полном внешнем контрасте ее порядком рассмешило. Кто-то – лисообразный Хуан и полненькая суетливая гельвецианка Марта – уже и бумагу приготовил, и теперь держал перья наготове, причем у Марты на кончике пера успела набухнуть капелька чернил. Белла сидела прямая и серьезная, словно перед причастием, а вот Алехандра явно еле сдерживала желание еще что-то шепнуть своей Катлине.

– Сейчас мы поговорим о самых азах, – прервал наблюдения Одили ректор, – о базовом и простом, и одновременно – самом важном. Но начнем мы так: скажите мне, господа студенты, что делает наш народ, если так его назвать, особенным?

– Дон, господин ректор, ой, то есть, простите, Дар! – тут же звонко отозвалась Алехандра, но ей уже вторили на самых разных языках наперебой.

Одиль присоединяться к хору не стала: наверняка тут был подвох.

– Не знаю, как вы там зовете себя, – врезался в эту какофонию чуть скрипучий голос Леонор, – но меня у нас в деревне звали ведьмой. И ваш Дар бы прозвали колдунством или еще чем похуже.

Одиль бросила на нее взгляд, благо сидела недалеко. Ибе-

рийская вилланка сидела, нарочито развальясь и сощурившись, и смотрела на ректора с вызовом. А вот он вдруг улыбнулся и поднял руку, призывая к тишине.

– А вы что думаете, госпожа Гарсиа? – спросил он в эту тишину.

Леонор сморгнула, но тут же оправилась.

– Если по вашему Лабиринту и нашей башне судить, – все так же громко и небрежно сказала она, – то не такая уж это неправда.

По залу пробежали смешки. Белла рядом с Одилью недовольно поморщилась, но ее плечи выдали другое: они горделиво расправились. Совсем чуть-чуть, но Одили подумалось, что соседка вовсе не против, чтобы вилланы считали ее ведьмой.

– Интересно, почему вы смеетесь, – вдруг сказал ректор, все еще улыбаясь уголками губ. – Вы ведь многие думаете то же самое, что эти крестьяне. Молчите! Просто помолчите и подумайте, сколько раз вы говорили себе: мы не вилланы, мы особенные, мы одарены. Чем? Вы и сами зовете это магией!

Последнее слово он выдохнул в мертвенное молчание.

– Но мы здесь занимаемся не магией, господа студенты, – продолжил он без малейшей драматической паузы, мерно и спокойно шагая по залу, – точнее, не магией в конвенциональном смысле, и нет такого, чем вы были бы одарены, а остальные, те же вилланы, обделены совсем, даже не думайте. Но, тем не менее, Дар у нас есть.

Он оглядел свою аудиторию, но высказываться на этот раз никто не торопился.

– Этот дар – вера. Не религия – это уж каждому свое, – но все же вера в определенном значении и есть основа того, что мы делаем, того, как мы живем. Она источник любого человеческого могущества. Во что вы верите – то вы можете. Вот и все.

– Чушь, – снова проскрипела Леонор. – Вот наши – они верили в победу. И что?

Ректор остановился перед ней.

– Вовсе нет, госпожа Гарсиа, – сказал он немного иронично и немного печально. – *Ваши* верили в то, что завоюют славу в смертном бою. Так и вышло. И смертный бой, и слава – я вас уверяю, что еще много лет о них не забудут.

Леонор вскинула голову и ответила ему яростным взглядом блестящих глаз.

– Они хотели победить! Но никто не может совершить невозможного!

– А вот тут вы неправы, госпожа Гарсиа. Я знаю, как в одной деревне безоружная девочка заставила отступить пьяных от вина и крови солдат, оскорбивших ее мать и собиравшихся ограбить дом. – Она вспыхнула, но он уже не смотрел на нее, повернувшись к остальным. – Солдат, которые за меньшее расстреляли целую семью в соседнем селе, на случай если вы думаете, что это было легко. Это была та самая невозможность, в которую не верил никто – кроме девочки,

которая всерьез верила, что она скажет нужные слова, и они устыдятся.

– Может быть, она просто нашла те самые слова? – проговорила Одиль, раз уж остальные, даже Леонор, молчали.

Губы ректора снова тронула улыбка.

– Это какие же, госпожа де Нордгау? Давайте, порассуждайте. Я не прошу точных формулировок, но какой смысл они должны были нести? Угрожать небесным судом, умолять о пощаде, взывать к человечности уже пробовали и те, кого солдаты убили.

– Ее слова, – Одиль решила подыграть шараде и сделать вид, что автор слов не сидела с ними в одном помещении, – заставили их поверить, что они лучше, чем думали о себе?

Ректор в два шага преодолел расстояние до ее стола.

– Нет, госпожа де Нордгау, – сказал он мягко и лукаво, – не приписывайте другому человеку свое оружие. Нет, наша героиня ничего такого не могла и не хотела. Она их попросту испугала, если хотите знать.

По залу прошел шепоток и кое-где раздались смешки, а громче всех фыркнула сама Леонор.

– Да-да, – ректор отвернулся от Одили, – испугала, а что вы думаете? В тот момент она верила, свято верила, что за ней сила – сила дочери оскорбленной и измученной женщины, сила хозяйки дома, сила сторонника правого дела, наконец, хотя мы об этом еще поговорим. И эта сила была настолько велика, что четверо вооруженных до зубов мужчин,

четверо, что уж греха таить, отпетых мерзавцев и убийц спасовали перед ней.

– Невероятно, – прищурился Хуан.

– Почему же? – ректор снова начал мерить шагами зал. – Люди, бывает, творят и куда большее. Дети в отчаянии поднимают глыбы, под которыми погребены родители, врачи бросают вызов чуме и выживают в эпидемию, хотя каждый день рискуют жизнью. Безоружная девушка как-то выехала одна к вражеской армии и заставила ее уйти без боя. Предел тому, что возможно и невозможно, человек кладет сам, – он вдруг наклонился к сидевшей тихо как мышка Катлине и легонько коснулся ее лба, – вот здесь.

– Если бы все было так просто, – негромко сказал Ксандер, – то сейчас...

Сидро д'Эстаон резко выпрямился.

– Просто? Вы думаете, господин ван Страатен, что вера – это просто?

Леонор снова не выдержала:

– Вас послушать, так и в самом деле просто! А если я вот сейчас из этого окна прыгну, потому что верю, что могу летать – что, полечу?

Ректор наклонил голову набок, как любопытная птица.

– А вы верите?

Адриано бы верил, укололо Одиль под сердцем.

– Нет, но...

– Я знаю ваши убеждения, госпожа Гарсиа, но все-таки

и вы, и все здесь наверняка слышали, что очень давно один весьма... выдающийся человек сказал, что даже очень маленькой доли веры достаточно, чтобы буквально двигать горы. Слышали же, господин ван Страатен?

– Это же притча, – сказал Ксандер с той вежливостью, которую в исполнении Одили их старая Шарлотта называла «я не трушу и упрям». – Даже о магах я не слышал, чтобы кто-то из них двигал горы.

– Странно, что не слышали, – отозвался ректор чуть вкрадчиво. – Потому что нет никого, кто бы не знал, что именно ваш народ, господин ван Страатен, заставил отступить море и поднял из-под волн землю для своих городов.

– Это другое!

– Неужели?

– Это действительно другое, господин ректор, – вмешался Мигель Геваро-Торрес с холодной учтивостью. – Это же не взмахом руки делалось, а лопатой.

– Вы слишком презираете лопату и слишком романтизируете жесты, – качнул головой д’Эстаон. – Это внешнее. А важное то, что люди задумали и осуществили невозможное, точнее, то, что другие считали невозможным. Именно что, – он подмигнул Ксандеру, – сдвинули горы. По вере своей.

– В других делах, – подал голос крепкий Педро, сидевший по правую руку от Мигеля, – этим же людям никакая вера не помогла.

– И не только им, – вдруг эхом отозвался Клаус.

Ректор изобразил намек на поклон, словно благодаря за уместную ремарку.

– А вот тут, господа студенты, у нас начинаются тонкости. Вы совершенно правы – да, и вы, господин ван Страатен, когда сказали, что все не так просто, и дело не только в том, что верить – само по себе не так уж легко, как кажется. Дело еще в том, что ваша вера имеет прямое влияние только на вас.

Марта, все это время торопливо поскрипывавшая пером, подняла голову и нахмурилась.

– Простите, господин ректор, я не поняла...

– Конечно, – лучезарно улыбнулся ей д'Эстаон, – и я даже вас уверяю, что большинство здесь не поняли, так что вам совершенно не за что просить прощения.

– Но вы же объясните...

– Объясню, безусловно, и прямо сейчас. Ваша вера, господа студенты, дает силы вам. То, во что вы верите, определяет то, что вы можете, что видите, что испытываете. Именно вы. Но как бы вы, господин Баумгартен, – он положил руку на широкое плечо Франца, – ни верили, например, что господин фон Бабенберг может... ну, хотя бы летать, пока он сам в это не поверит, никуда он не полетит.

– А если я поверю и полечу, а Франц, наоборот, не поверит?

– Прекрасный вопрос! – обрадовался ректор. – И я вам отвечаю на него другим вопросом: как вы думаете, господин фон Бабенберг, почему о существовании здесь Академии знают

только люди из нашего народа?

– А вот это легко, – пропела Мишель, с точеным изяществом повернув безупречно причесанную головку к д’Эстаону. – Помилуйте, господин ректор, но здесь же совершенная глушь!

Многие рассмеялись в голос, даже ректор.

– Справедливый укор, госпожа Дюбуа, но, увы, дело не в нашей удаленности от бульваров Лютеции. Конечно, у нас тут практически деревня, но Пиренеи – место исхоженное и пастухами, и армиями... галлийскими в том числе. И что же мешает, скажем, какому-нибудь контрабандисту – а уж эти тут все тропы исходили – отметить и нас на карте?

– Защитные чары? – рискнула Марта.

Одиль не выдержала.

– Логически, – начала она, – он увидит чудесную готическую веранду, массивные ворота и мантикору в три раза больше его самого. И все это на глухой тропе в Пиренеях. – Когда никто не вставил слова, она оглядела своих новоиспеченных товарищей. – Да он попросту глазам своим не поверит!

– Именно, – согласился ректор. – Вот вам и ответ, господин фон Бабенберг: если вдруг ваш товарищ не желает категорически верить в вашу способность летать, он просто останется слеп. Собственно, – он поднял руку, призывая к вниманию, – это и есть то, что отличает нас от вилланов. Не кровь ни в коем случае, не какие-то мистические способно-

сти – а вера и верность вере. Только поэтому мы можем то, что другим кажется невозможным, и видим то, к чему другие слепы.

– Значит, это может любой? – робко заметила Катлина.

– Абсолютно любой. Все дети рождаются с этим, они не имеют этих границ и запретов вообще, они не знают, что что-то невозможно, и поэтому видят все. Другое дело, что потом они решают сами себя ограничить и теряют доступ к источнику сил, но вернуться туда они могут всегда. Поэтому люди и творят удивительные чудеса... стоит им забыть хотя бы на мгновение, что чудеса им не полагаются.

– И вы здесь нас будете учить вере? – Леонор скривилась от последнего слова так, попробовала особенно незрелый лимон.

– Зачем же? – обернулся к ней д'Эстаон. – Вы и так это умеете, раз вы здесь. Мы будем вас учить осознанности этой веры, умению ее поддерживать, пользоваться ее возможностями...

– Верить в шесть невозможных вещей до завтрака? – вырвалось у Одили.

Ректор опять улыбнулся лукаво и светло.

– А как же! Только с этим будут трудности.

– Почему? – снова поднял голову Ксандер.

– Потому что все меньше будет в жизни вещей, которые будут для вас невозможны.

По залу снова прошел шепоток, но на этот раз восторжен-

ный: новоиспеченные студенты явно уже предвкушали это блистательное будущее.

– Подождите, господин ректор, – легкое грассирование в звонкой латыни выдавало Франсуа с головой, – но вы сказали, что дети совсем не имеют проблем с верой. Но они же далеко не все могут!

– Точно подмечено, господин де Шалэ. Кстати, поверите ли? Точно то же самое мне – в былые времена, конечно – сказали ваш отец и ваш средний брат. Положительно, мне стоит пересмотреть свою позицию по наследственности.

Франсуа рассмеялся едва ли не веселее, чем все остальные вместе взятые. Смех у него был чудесный, отметила Одиль: легкий, как ласточка, и открытый, как окно по весне, и очень похожий на смех Адриано.

– Итак, – прервал ее мысли ректор, – господин де Шалэ сим нам напомнил, что вера – это не единственное, с чем мы имеем дело. Да, вера – источник силы, но ее же надо уметь использовать. Я сейчас скажу то, что вам покажется противоречием тому, что я говорил до этого: иногда веры совершенно недостаточно.

Он отошел к окну и присел на край подоконника, громко стукнув тростью об пол, словно желая вколотить дальнейшее прямо в их умы.

– С детьми на самом деле все просто. Младенец верит в чужие силы, не в свои. Когда ему плохо, он призывает на помощь всемогущих и всеблагих родителей, а сам он, обла-

дая неизмеримыми возможностями, попросту не знает, что с ними делать. Несчастливая мать, бьющаяся над умирающим ребенком, может верить всей душой в то, что его можно спасти, но она помещает эту веру в другого – в Бога, врача или знахарку, отказывая себе в праве лечить. И так мы приходим к следующей грани нашего треугольника – праву.

– Не знаниям? – снова подала тихий голос Катлина.

– О знаниях позже, – отозвался д’Эстаон. – Почему горящая мать призывает врача или молится? Потому что внутри нее, – он постучал суховатым пальцем себя по груди, – живет червячок, который подтачивает ее веру. Да, она хотела бы, чтобы ребенок жил и был здоров, но она не верит в свое право, не верит в себя и что спасение, даже если повезет, не станет залогом худших бед. Она ищет посредника, так как не чувствует себя вправе решать.

– Но сомнения есть у всех, – нахмурился Ксандер.

Трость в руке ректора свистнула, моментально вытянувшись в параллельную полу струну и указав безошибочно на него.

– Блистательное объяснение тому, почему-таки люди редко двигают горы, не правда ли, господин ван Страатен?

Ксандер закусил губу и кивнул.

– Подумайте, господа студенты, что будет, если у вас в руках окажется самый совершенный в мире лук, но при этом, когда вы уже наложите стрелу на тетиву, ваши руки задрожат? Вы промахнетесь, именно так, каким бы точным ни был

ваш глаз, каким бы верным ни был лук, какой бы круглой ни была тетива и какой бы достижимой ни была мишень. Сомневаться можно до или после, но когда перед вами мишень, вы должны уметь отбросить все и разумом, – на этот раз он пальцем постучал себя по лбу, – направить силу в цель.

– Разумом? – опять фыркнула неумная Леонор. – Это после славословий вере-то?

– В том-то и прелесть, госпожа Гарсиа, а если подумать, то и логика, что нечто столь иррациональное, как вера, должно быть уравновешено рациональностью и разумом, не так ли?

Пришло время кивать Леонор, хотя она это сделала куда более неохотно, чем Ксандер.

– В мгновение, когда вам пришла пора действовать, вы сможете использовать свою силу только в том случае, если знаете, что вправе это делать, иначе она уйдет впустую. И да, этому мы тоже вас будем учить.

– Вы говорили о треугольнике, – заметила пока что молчавшая Белла.

– Верно, говорил, госпожа Альварес де Толедо. Но с третьей стороной все очень просто – это воля. Как отмечают мудрые народные поговорки, можно привести лошадь к водопою, но нельзя заставить ее пить. Так и с вами: какими бы силами и правами вы ни обладали, пока вы не захотите что-то сделать, выбрать ту самую мишень – применить все это вы не сможете.

– Тут наверняка тоже есть какая-нибудь тонкость, – про-

бормотала Белла.

Возможно, она предназначала это только для ушей соседей, а то и одной Одили, к которой отвернулась, но ректор подхватил это с такой готовностью, словно она декламировала на весь зал.

– Очень верно! Но и тонкость проста. Кто рискнет подсказать? Госпожа де Мендоса?

Александра, рьяно вскинувшая руку, едва он задал вопрос, даже вскочила с места.

– Мы же все разные! – заявила она. – А если бы дело заключалось только в вере и праве, то я бы... я бы могла так же играть с огнем, как Белита. Я ведь верю, что так можно, и что в этом плохого, я же не убивать им буду. Но он мне не подходит, понимаете? Это не мое. Я могу что-то сделать, но не так. Простите, я сумбурно...

– Вы совершенно правы, госпожа де Мендоса, – голос ректора был ласков. – Это тоже часть воли. Наши силы даны нам для того, чтобы творить, и каждый из вас выбирает тот способ изменять мир, который по душе лично ему. По-настоящему, глубинно по душе – это не вопрос минутного восхищения, это вопрос резонанса. С каждым из нас мир говорит по-своему. И как лучше его слышать, и как лучше говорить в ответ, этому вы тоже будете учиться.

– Выходит, мы здесь потому, что у нас громкие голоса?

Голос Франца Баумгартена был удивительно тихим для его могучего корпуса, поэтому ректору пришлось подо-

ждать, пока господа студенты отхихикают.

– Примерно так, – согласился он.

– И все-таки с верой непонятно, – заявила Леонор. – Выходит, и всякие мантикоры взаправду есть?

Ректор только улыбнулся, но иберийку это не смутило.

– Но я слышала, что те, в кого верили, а потом перестали верить, исчезают!

– И в самом деле исчезают, – покладисто ответил д'Эстаон, – от глаз тех, кто не верит. Но исчезнуть вообще? Только ребенок думает, что если зажмуриться, то злое чудовище исчезнет. Материя не зависит от глаз смотрящего... к счастью или к несчастью.

– А может ли появиться?

Ректор медленно повернулся на каблуке. Очень у него это эффектно получилось: его длинное одеяние, похожее на мантию, немного обернулось вокруг ног, сделав его похожим на змею, приготовившуюся к броску.

– Уточните вопрос, госпожа де Нордгау.

– Если человек видит то, во что верит, то что будет, если его убедить, что он видит то, чего нет на самом деле?

Так же медленно и по-змеиному д'Эстаон улыбнулся.

– Этот вопрос, – вполголоса отозвался он, – вы зададите другому человеку, дитя мое.

– А если мы тоже хотим это знать? – прозвенел голос Александры.

– Спросите у вашей однокурсницы, – был лишенный со-

чувствия ответ. – Вас интересует только это?

– Подождите, господин ректор, – Клаус был мягко вежлив, – но у меня другой вопрос. Если нас ограничивает только треугольник веры, воли и права... я имею в виду, есть ли что-то еще? Я понимаю, что есть законы...

Сухопарая рука ректора легла ему на плечо.

– Не волнуйтесь, господин фон Бабенберг. Вы правы, конечно. Есть другие ограничения.

Класс снова притих, но ректор заговорил не сразу – сначала занял свое место у окна, поставил перед собой трость и сложил на ней руки. Напряжение в воздухе к этому мгновению можно было резать ножом.

– Оговорюсь сразу, эти ограничения относятся уже скорее к этике... хотя, пожалуй, лучше назвать их техникой безопасности. Да, это наилучшая формулировка. Поступайте в соответствии с этими законами, и с вами все будет хорошо.

Он сделал небольшую паузу.

– Итак, первое ограничение – свобода воли. Если вы хотите, чтобы ваша воля уважалась, уважайте чужую, это логично. К счастью, что-либо сделать с чужой волей крайне трудно, а менталистов крайне мало. Впрочем, вы все молоды, и вполне возможно, что когда-нибудь страсть или искаженное чувство справедливости, или что-то еще может столкнуть вас с этим законом. Просто запомните сейчас и вспомните тогда, что невинность – лучшая защита. Не замазывайте насилием, и ваша собственная оборона будет крепка.

Опять пауза, чтобы перевести дыхание.

– И второе – естественная логика мира. Мир – ваш собеседник, ваш соавтор в творчестве, а собеседников и соавторов надо уважать. Не творите неестественного, как бы вам ни хотелось. Пример... Кто-нибудь приведет пример?

– Нигромантия, – выдохнул Клаус.

Д’Эстаон бросил на него взгляд, который Одили показался странно печальным.

– Да, например, нигромантия, хотя не она одна. Поймите, – голос его напрягся до гулкости, – есть могущество выше вашего и право выше вашего, есть грань, на которой вы должны будете отступить. Называйте это как угодно – судьбой, Творцом, высшими силами, – это неважно. Важно то, что одним из самых страшных соблазнов для вас станет гордыня. Учитесь смирению, и тогда мир всегда будет вам благоволить.

– Но есть ведь те, кто...

– Есть, – негромко сказал ректор, – но подумайте об этом так, господин фон Бабенберг, хоть вы еще очень юны: можно очаровать девушку, а можно взять силой. И у того, и у другого способа есть достоинства и недостатки, и результат – кратковременный – будет один и тот же. Но землю наследуют те, кто хочет любви.

На этот раз ему никто не возразил и ничего не спросил. Одил тоже. Ее охватил озноб.

Адриано, гад, братишка, где ты...

Д'Эстаон окинул их всех медленным испытующим взглядом и, похоже, остался удовлетворен.

– Доброго дня, господа студенты. Идите. Вас ждут уроки.

– Господин ректор?

Притихшая или нет, Леонор явно не собиралась уходить без последнего слова. Довольный их реакцией или нет, он тем более не собирался уходить, оставив ее без ответа.

– Да, госпожа Гарсиа?

– Чем же тогда вы отличаетесь от... остальных? Если то, что можете вы, может любой?

Одили показалось, что ректор выдохнул с облегчением.

– А вот это совсем просто, – сказал он. – Как мы стараемся сохранить веру, так другие стараются ее потерять.

– Почему, если это значит уметь видеть и, – она запнулась, – творить чудеса?

Д'Эстаон погладил свою трость, и жужжание из нее стало громким, как урчание обьевшего сливками котенка.

– Чудеса обязывают действовать, – ответил он, – а умение видеть мешает закрыть глаза и притвориться, что чудовищ не существует.

– А они существуют?

Трость внезапно умолкла, и тишина стала оглушающей.

– Да, – просто сказал в эту тишину ректор. – О да.

Из своего первого класса они вышли, не переговариваясь, все еще под впечатлением, и это сыграло с ними дурную шутку: когда на башне ударил колокол, призывая к следующему занятию, они как по команде переглянулись и без слов поняли, что никто из них не помнит, куда идти.

Выручила Катлина. Дернутая за рукав Алехандрой фламандка явно испугалась, обнаружив себя главной надеждой, но покорно полезла за пергаментным листком.

– Сегодня у нас у всех одно и то же, – сообщила она, – следующей будет символика... это... сюда. Да, точно.

«Сюда» оказалось чем-то типа зимнего сада. Изнутри все стены скрывались под буйными зарослями цветущих с энтузиазмом кустов, солнце, лившееся со стеклянного потолка, едва пронизывало кроны гордых пальм, а по укрытому коврами полу были живописно разбросаны яркие подушки. Посреди этого царства жары и ароматов, от которых у Одили враз немилосердно заболела голова, на низком диване сидел мужчина слоноподобной комплекции и с настоящим водопадом курчавой бороды. Борода и голова были вдобавок щедро залиты каким-то душистым маслом, и Одиль опасливо спряталась за Беллой и Ксандером, искренно надеясь устроиться как можно ближе к двери.

Беллу это все великолепие не смутило ни чуточки.

– Простите, профессор Баласи, – сказала она почему-то громко, – мы немного заплутали.

Мужчина повел огромной, униженной кольцами рукой, аккуратно сжимавшей курительную палочку.

– Что вы, мое милое дитя. Я понимаю, Сидро и первая лекция, это всегда немного дезориентирует. Садитесь, мои дорогие, располагайтесь. Сегодня я не буду вас мучить! Берите подушки, устраивайтесь, как вам удобнее. Не торопитесь, сегодня у нас много времени!

Класс принял приглашение, и на какое-то время в оранжевое воцарилась несусветная суета. Первой уселась Мишель, избрав затененный неведомой Одиди лианой уголок недалеко от мэтра – должно быть, ее благовония не пугали. Тут же рядом с ней материализовались неразлучные Клаус и Франц, и если Джандоменико они в свою компанию еще пустили, то, когда к ним подумал пристроиться еще и Франсуа, Франц так выразительно повел своими могучими плечами, что галантный галлиец передумал.

«Адриано было бы наплевать», – пришло Одиль на ум.

Белла было вознамерилась сесть по другую руку от мэтра, но глянула на Одиль и, то ли венецианке удалось передать свои чувства по этому поводу умоляющим взглядом, то ли на нее подействовало, что Алехандра решила сесть подальше, тоже кинула подушку поближе к дверному сквозняку. Алехандру, похоже, уговорила Катлина: от запаха благово-

ний по и без того бледному лицу фламандки разлилась уже нездоровая синева, чему Одиль сочувствовала от души. Позади них, упершись спиной в хрустальную стену, безмолвно уселся Ксандер, а по сторонам – остальные иберийцы за минусом Леонор, которая не без вызова плюхнулась прямо на корни какой-то пальмы, презрев подушки. Бородатый мэтр наблюдал за их передвижениями с благодостной отрешенной улыбкой.

– Ну что ж, начнем, – пробасил он, когда всеобщему устраиванию и ерзанию наступил конец. – Итак, символика. Это мой предмет... да. Тут, признаться, все довольно просто...

– А она зачем?

Мэтр вдруг вскочил – со всей грацией испугнутого носорога – и рванулся к Леонор так стремительно, что она отшатнулась, впечатавшись спиной в пальму, и даже ойкнула.

– Ты из вилланов?! – спросил он с таким неподдельным восторгом, что она замерла, только глаза выпучила и безропотно позволила его толстым смуглым пальцам ухватить ее за подбородок и помотать так и сяк. – Потрясающе!

Рядом шевельнулась Белла, и глянувшая на нее Одиль не разочаровалась в том, что отвлеклась от эксцентричного профессора: иберийка, пожалуй, представляла собой зрелище позанятнее. Она выпрямилась еще яростнее, чем до того, руки, церемонно сложенные на коленях, были сцеплены до белизны в костяшках, и Одили показалось, что даже часть

ее черных распущенных волос встала дыбом и искрила, как у рассерженной кошки.

– Профессор, – отчеканила Белла тоном, который на слух Одили принадлежал кому-то гораздо старше, – это к делу не относится.

Мэтр Баласи с мгновение смотрел на нее, будто озадачившись тем, откуда она взялась, потом глянул на еще удерживаемую им Леонор, охнул и отпустил так стремительно, будто обжегся.

– Простите, дорогая! – покаянно пророкотал он и для надежности осторожно погладил ее по голове, чему все еще ошалевшая Леонор не воспротивилась. – Я потерял голову, ведь вы такая редкость! Да... А вы, дитя мое... – уже повернулся он к Белле.

– Исабель Альварес де Толедо, – все так же чеканно произнесла Белла, но пальцы ее, полускрытые юбкой, расплелись. Остальные иберийцы смотрели на нее с нескрываемым восхищением, даже бунтарка Леонор кинула ей благодарный взгляд, и Белла буквально лучилась.

– Конечно. Вы так похожи на вашего дядю!

Одили подумалось, что Белла сейчас лопнет от счастья.

– Профессор, – вмешалась уже она, чтобы предотвратить именно такой исход, и снова мэтр опомнился, на этот раз от галантности.

– Да, вопрос хороший, – проговорил он, вернув себе враз свою важность. – Я ведь знаю, что вам сказал Сидро. И вы

наверняка думаете, дети, что раз дело в чисто ваших качествах, то зачем вам нужны какие-то еще подпорки, так?

– Точно, – подтвердила пришедшая в себя Леонор.

Мэтр снова развернулся к ней, обметая ноги доброй дюжины своих новых учеников полами сияющих вышивкой одеяний, а заодно обдав их волной запахов (будь они неладны, мрачно отметила Одиль, уже чувствуя первый болезненный укол в виске). Леонор на всякий случай шарахнулась, но мэтр предусмотрительно больше не сделал к ней ни шагу.

– Деточка, – пробасил он, – ты умеешь ездить на лошади?

Когда Леонор смущается, она опускает глаза и трогает амулет, а уши краснеют, но только уши, скользнуло наблюдение быстрой рыбкой в память Одили.

– Не очень, – призналась та. – У пастухов ездила. Но не то чтобы как... знатные господа.

– В седле? – поинтересовался мэтр.

– Когда как...

– Но с уздечкой?

– Бывало и с недоуздкой.

Рядом кто-то уважительно присвистнул. Одиль глянула в ту сторону, чтобы понять, кто тоже был бы не прочь – оказалось, Эстебан. Леонор неожиданно беззлобно усмехнулась ему в ответ. Мэтр тоже улыбался и молчал. И вдруг Леонор вскочила на ноги.

– Я поняла! – от ее возгласа даже стекла зазвенели. – Это тоже недоуздок! – Но тут же осеклась. – Но ведь...

– Ты думаешь о том, дитя, что тебе удалось все безо всяких символов, – вновь разлился в воздухе бас профессора. – И это правда, может быть и так, и так часто бывает. Но вам-то нужно не просто чудо на крайнем напряжении сил, дети. И не всегда. Во многих вещах вам нужен эффект, повторяемый результат, в котором вы могли бы быть уверены. Опора.

Он взмахнул рукой, все еще сжимавшей курившуюся палочку, и дым вдруг обратился в знаки, а знаки зажглись огнем.

– Можно ехать на лошади и безо всего, если лошадь вам покорна, а вы сильны и внимательны, – продолжил вещать профессор, но по тому, как он прижал другую руку к груди, стало понятно, что восторженные ахи вокруг ему доставляют истинное наслаждение. – Но если вы хотите ездить на любой лошади и в любой час, вам нужны уздечка и седло. Уверенность. Да. Вот что вам нужно.

Пламенные знаки в воздухе плавно слились, обратившись в змею, – и вдруг у змеи выросли крылья, она взмыла под потолок – и камнем бросилась вниз, свернувшись мирным, безличным, но теплым и не потухающим пламенем у ног мэтра.

– Вы должны быть уверены, например, что в лесу у вас будет костер, или вы найдете воду, или хотя бы...

Костерок обратился в дым, а дым метнулся к двери, изогнувшись причудливым символом. Мэтр подошел плавно и торжественно и с таким видом, с каким, должно быть, жрецы былого совершали таинства, дверь распахнул.

За порогом была не та осенняя пожухлая трава, по которой они только что сюда дошли, – там, насколько хватало глаз, царила пустыня, бесстрастная и безжизненная. От самой двери же пески рассекала каменная дорога, где плиты были уложены так ровно, что между ними Одиль не вставила бы и шпильку. По краям дороги лежали двумя ровными рядами такие же торжественные и бесстрастные львы, а вдали возвышались руины когда-то огромного храма.

Поскольку на класс опустилось онемение, слышалось только дыхание и стук сердец, и мягкий шелест песка.

– Или хотя бы найдете дорогу домой, – немного печально сказал мэтр и закрыл дверь. – А теперь давайте начнем.

– Для начала кто-нибудь из вас задаст мне самый дурацкий вопрос, который только можно задать, если подумать о странствиях духа. Давайте. Я знаю, что рано или поздно кто-нибудь его задаст. Лучше сейчас. Кто смелый?

Очередной их учитель был очень высок и худ, хотя широк в кости, с длинной гривой тусклой рыжины, и говорил он на латыни с резкостью, которую невольно хотелось назвать «варварской». Еще, несмотря на осенний холод за окном, он был одет только в льняную рубашку и кожаные штаны, даже

рукава закатал, обнажив поросшие густым волосом крепкие руки. Впрочем, это-то нисколько не удивляло: Пиренеи не могли заморозить шотландца.

«Великой тайной превращений он овладел вполне...» – всплыло в памяти Одили.

– Это правда? – выпалила она.

Его глаза удивительной детской голубизны сощурились.

– Что именно, девочка?

– Что вы умеете превращаться во что угодно, – ответила она, поторопившись добавить: – Так говорят слухи, профессор Скотт. Что умеете.

Майкл Скотт усмехнулся.

– Если верить всему, что обо мне говорят, то сейчас я должен не вас тут учить, – его удивительно длинная рука обвела широким жестом притихший класс, – а бродить во рву в восьмом кругу ада. Но нет, должен вас всех разочаровать. Не умею. И никто не умеет.

– В моем роду умели! – подала голос Алехандра, мятежно потряхнув кудрями: должно быть, этот жест она считала неотразимым. – Жена одного моего предка во время осады от отчаяния прыгнула с башни, превратилась в сокола и привела армию мужа на подмогу!

Класс заволновался.

– Я веду свой род от колдуньи Мелюзины, – поведала окружающим Мишель тоном столь же безапелляционным, сколь и нежным. – По бабке. А она – Мелюзина, не бабушка,

конечно – превратилась на глазах у кучи свидетелей в дракона.

– Конечно, – тут же согласился с ней Джандоменико. – Антонио Фалиер спасся от турок в Константинополе, став дельфином. Это все знают... в Венеции.

Одиль не удержалась и фыркнула, тут же порадовавшись, что за шумом этого никто не слышал: вот уж эту-то историю наследник дома Фальер сочинил явно на ходу, вдохновленный не призраками прошлого, а лучистыми глазами галлийской сокурсницы.

– ... обратилась зимородком, про это даже миф есть!

– ... и тогда все испугались и отступили, а ее объявили невиновной!

– ... огромный лев...

– Хватит! – Майкл Скотт, казалось, и сам вот-вот в кого-нибудь обратится – во всяком случае, рыкнул он так, что гвалт утих тут же. – Вы еще вспомните байки про то, что если перекувырнуться через голову назад, волком станешь, – выплюнул он презрительно в воцарившуюся тишину. – Все то, что вам няньки и бабки рассказывали – это что угодно, но не превращение, а чаще всего просто иллюзия. То, чем мы займемся, когда свой дух можно поместить в животное... А потом невежи-крестьяне, – его взгляд вновь полоснул по ним, – выдумывают невесть что.

Он остановился у окна, глядя сквозь прозрачный хрусталь вдаль, и заложил за спину руки. Ладони у него тоже были

огромные и мозолистые.

– Корпоральная трансформация, – проговорил он с несказанной нежностью и словно бы тоской, – стоит того, чтобы о ней мечтать и слагать легенды. Но вышло так, что дух и тело должны быть едины. Вы представляете себе, что это такое? Давайте порассуждаем. Сразу все выясним и потом весь семестр будем делом заниматься.

Класс в едином порыве потерял дар речи. Скотт фыркнул.

– Хорошо, начну я. Что значит быть мышью? Ну? Вот хоть ты, деточка, – он повернулся к Катлине, – ты мышей видела?

Та закивала с таким усердием, что Одиль испугалась за сохранность ее шеи.

– Замечательно. Вот представь, что ты враз стала мышью. Ты потеряла сколько-то времени, приноравливаясь к телу, – мышшь-то не ходит на двух ногах, а тебе не сподручно на четырех, так?

– Бывают люди, которые быстро на четвереньках бегают, профессор, – заметила худенькая фламандка.

– Да? Пусть так, хорошо. Допустим, ты из таких. Вот побегала ты, приноровилась, и что теперь? В чем задача мыши?

– Найти еду, – с готовностью отозвалась та. – Но я знаю, что едят мыши, профессор! Значит, я буду знать, где это найти. А если среди людей, так я знаю это даже лучше многих мышей!

Скотт хитро улыбнулся.

– Все так, девочка. Но разве это все?

– Еще есть хищники, – уже с меньшим энтузиазмом ответила она и была вознаграждена: Скотт высоко поднял свой длинный рыжеволосый палец, призывая к вниманию.

– Та-ак, вот это уже важно!

– Но я и хищников знаю, профессор!

– Конечно, знаешь, – легко согласился он. – Кошки, ястребы, совы, змеи – их ты всех видела. Но как видела?

Наступила пауза.

– Как человек, девочка! – наконец прервал молчание он. – Ты знаешь кошек как человек! Твоя домашняя киса никогда на тебя не охотилась! Ты можешь ее погладить, накормить, поиграть, наказать, наконец, но ты не знаешь, как от нее убежать, как вычислить, куда она бросится, как ее укусить, чтобы отпустила. Пока внутри у тебя сидит человек, пока ты думаешь про себя «я человек», плохая из тебя мышь!

Он развернулся к классу.

– Хуже того, я вам скажу – помните, я говорил о единстве тела и души? Пока ваша личность, ваше «я» осознает себя человеком, ваше тело будет бороться за то, чтобы быть человеческим. Вы будете заниматься не беганием от хищников или поиском еды, а тем, чтобы остаться мышью хотя бы на минутку. И хорошо еще, если вы не обратитесь обратно в человека, уже залезши в нору!

Одиль живо представила себе эту картину и фыркнула, и, судя по звукам вокруг, описанный образ пришел на ум не ей одной.

– Но предположим, – вмешался в это поветрие голос Ксандера, – что мне это удалось? Можно же и понаблюдать, подготовиться. Поучиться у настоящих мышей?

Профессор Скотт выслушал его с явным удовольствием, причем вполне серьезным.

– Верно, – сказал он после небольшой паузы, – все верно. Можно. И понаблюдать, и поучиться. Можно даже заставить себя по-настоящему поверить в то, что вы мышь, господин ван Страатен.

Кто-то из иберийцев – похоже, Хуан – хихикнул, но Майкл Скотт бросил на виновника быстрый и острый, как удар кинжала, взгляд, и тот аж подавился. Профессор же мягким рысьим шагом подошел к Ксандеру и навис прямо над ним, опершись обеими руками о спинку его стула. Ксандеру пришлось закинуть голову, чтобы профессор смотрел ему в глаза, а не в макушку.

– Но смотрите, какая тут закавыка, – негромко продолжил тот. – Вы можете быть и оставаться мышью, если ваша вера в то, что вы мышь, совершенна. Но ваша вера творит, не так ли?

Договаривать ему не понадобилось: Ксандер додумал все сам и медленно кивнул. Майкл Скотт кивнул в ответ и резко выпрямился, оборачиваясь к остальному классу. На его бледном, усыпанном веснушками лице играла усмешка.

– А так-то рецептов полно, что там! Может, кому из вас и встретится в лесу бабка с зельем, оборачивающим в сокола,

или там карлики Тарнхельм поднесут – вот и наоборачиваетесь на здоровье. А пока что придется вам слушать меня – и учиться слушать всякую тварь, авось хоть кого-то из нас услышите. Вот вам и весь сказ.

Переглядываясь, а кое-кто и вздохнув украдкой, его новые ученики потянулись за перьями и замерли, увидев нахмуренные брови.

– Это еще что? Хотя, – пробормотал он себе под нос, – оно, конечно, понятно... Нет-нет, эту всю бумажную дрянь уберите. Незачем. Я как-то тоже целую книгу написал, лучшему другу доверил, даже мертвым притворился, чтобы он крепче проникся тайной, но он все равно выдал меня, гад... Не надо этого. Как-то мне граф Дуглас сказал, что благодарит Небо за то, что никто из его сыновей, кроме одного, епископа, грамоты не знает, и в чем-то был прав. Нет, мы будем по старинке. Слушайте...

О том, что они пропустили обед, вспомнилось только тогда, когда они перешагнули порог их омытого водопадами и прудами дома. Большую часть пути все шли задумчивые, медленным усталым шагом. Белла молчала тоже, хотя ее размышления были бурными: она то и дело вскидывала голову,

что-то бормотала себе под нос и снова опускала глаза dolu. Раз она сжала кулак и поднесла его к груди, а потом медленно разжала пальцы, словно ожидая там что-то увидеть; видимо, ожидание ее обмануло, потому что после этого она бессильно уронила руку и мотнула головой.

– Получится не сразу, – сказала вслух Одиль, чтобы вставить что-то в этот диалог иберийки с самой собой.

Та резко замерла и взглянула на нее так, будто Одиль ей поведала невесть какую тайну. Мгновение Белла просто ошарашенно пожирала ее глазами, а потом вдруг сощурилась.

– Ты же умеешь читать мысли, да? Ты ведь менталист? Д’Эстаон же на это намекал?

Отрицать было глупо – несмотря на взрывной характер, иберийка вряд ли была душой.

– Я буду менталистом. Когда-нибудь. Когда научусь. А мысли читать я не умею... точнее, – решила признаться она неожиданно для себя, – я их могу слышать, если человек громко думает.

– Это как?

В серых глазах Исабель горел знакомый азарт, и Одиль едва подавила вздох.

– Вот сейчас и ты, и Ксандер, – за спиной пошевелились, будто кто-то вздрогнул, – думаете, смогу ли я прочесть ваши мысли. Заодно вы думаете, что бы такое подумать, чтобы проверить. А еще – как бы это так скрыть.

– Ух, – выдохнула Белла.

Ксандер сзади усмехнулся, но беззлобно.

– Это логично, – сказал он, шагнув поближе, чтобы оказаться с ними в одном кругу. – Наверняка так вообще все думают.

– Все, – кивнула Одиль.

– Так что, сейчас ты на самом деле не читала мысли? – уточнила Белла, и в голосе ее звучала нотка разочарования.

Одиль на это могла только улыбнуться.

– Из того, что чьи-то мысли предсказуемы, не следует, что их не читают, сеньора, – ответил за нее Ксандер.

И улыбнулся тоже. Чутьочку, но все-таки улыбнулся и ей. Она не могла отплатить за этот намек улыбки ни ложью, ни молчанием.

– Пока мы шли, ты думал о том, можно ли как-то сделать так, чтобы и завтра было солнце, – сказала она, глядя прямо в глаза цвета северного моря.

Он вздрогнул, моргнул и даже шагнул назад, а потом вдруг улыбнулся снова, но шире, пусть и изумленно.

– Правда, – прошептал он.

Она снова кивнула.

– Обычно людям становится в этот момент немного страшно.

– Вообще-то это здорово, – возразила Белла твердо и немного сердито, а потом разжала руку, сжатую в кулак в складках юбки, и протянула ее Одиль. – Не знаю, чего тут

бояться особо. Пошли есть уже.

Одиль осторожно взяла эту руку. Пальцы иберийки были горячими, горячее, чем можно было бы подумать, глядя на ее худобу.

– Чего тут бояться, я понимаю, – негромко сказал Ксандер.

Изгнать холод в спине Одиль не смогла. Но смогла заставить себя повернуться и снова посмотреть ему в глаза. Говорить, впрочем, она не рискнула: есть минуты, когда совсем не к месту дрожащий голос. А ее бы дрогнул, заговори она, обязательно.

– Но нас всех тут, пожалуй, есть за что бояться, – продолжил он. – А поесть – это, сеньора, вы правильно придумали.

И, больше не говоря ни слова, они пошли догонять однокурсников в опускающихся на школу теплых сумерках.

Одиль проснулась посреди ночи резко, рывком, будто вынырнув из-под тяжелой воды. И огляделась. В их с Беллой комнате царила тишина, прерываемая разве что шумом ветра и листьев из открытого окна и мерным дыханием спящей иберийки. Снаружи, за дверью, насколько можно было судить, тоже стояла тишина – во всяком случае, никто не про-

изводил достаточно громких звуков, чтобы пронизать дубовую дверь и надежные каменные стены. Она бросила взгляд на часы: еще не пробило полуночи, но легко можно было поверить, что ее одноклассники, из которых многие клевали носом еще на ужине, вряд ли вдруг обрели энергию для приключений на ночь глядя.

И все-таки...

Она осторожно выскользнула из-под шали, которую натянула на себя в зябкой дремоте, и прокралась за дверь. В коридоре действительно было тихо, хотя спали далеко не все. Прислушиваясь у дверей, она различила в какой-то момент возглас Алехандры, в другом месте – смех Франсуа, у третьего порога – отголоски серьезного обсуждения между Клаусом и Францем, хотя о чем, в бормотании было не разобрать. Так или иначе, то, что разбудило ее, явно никак не встревожило остальных.

Но что же это было?

Все так же стараясь бесшумно ступать – и уже, признать-ся, немного замерзая, поскольку в своем конспирационном усилии вышла босой – она так дошла до двери Ксандера. С этой стороны коридора эта дверь была последней, и, удостоверившись, что и там никто особенно не шумел, она повернулась, чтобы уйти.

И тут услышала голос.

Сначала она замерла, не веря ушам, потом дернулась, при-никла к замочной скважине. Долгую минуту томительного

молчания она слушала, как там, за дверью, открывали шкафы, что-то куда-то клали, как тренькнули струны на переключиваемой гитаре. На этом последнем звуке она и вовсе затаила дыхание, боясь пошевелиться, боясь упустить еще какой-то звук за бешеным стуком собственного сердца.

Еще немного...

И голос зазвучал снова. Тихо, глухо, укрытый камнем и деревом, но зазвучал, легкий и певучий, как летний ветер.

Первым ее импульсом было распахнуть дверь, ворваться, надрать уши, задушить владельца этого голоса. Расцеловать тоже. Но и задушить. Можно одновременно.

Но нет. Нет-нет-нет.

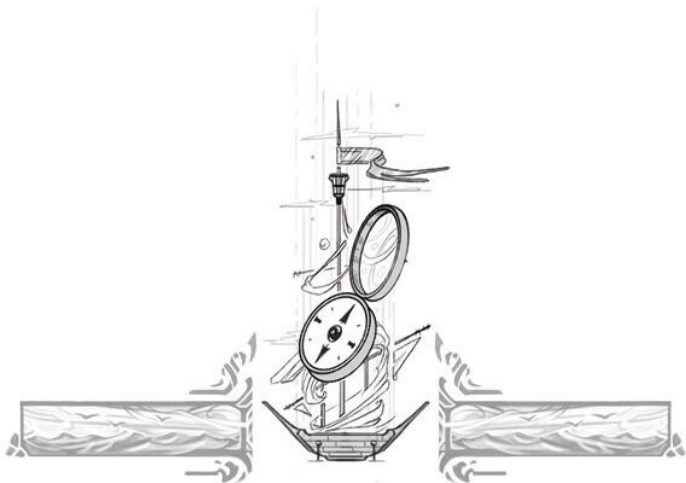
Слишком легко.

Тихо посмеиваясь от бурлящего внутри счастья, дрожа от наступившего вдруг в глубине души покоя, она пошла, тихонько ступая, к той комнате, где мирно спала Белла.

Глава 5

Адриано

– Привет!

Когда открылась дверь, Ксандер от книги оторвался не сразу. Единственным, кто мог войти без стука, была Исабель, а перед ней вскакивать, как он знал по опыту, было бессмысленно: если она в настроении добром или хотя бы задумчивом, то соблюдения этикета не заметит, а если в злом – все равно к чему-нибудь придерется. Но вот этот бодрый голос точно принадлежал не ей, если она, конечно, каким-то кол-

довством не сменила пол.

– Привет, – повторило явление, на поверку оказавшееся довольно высоким, даже, наверное, с самого Ксандера парнем.

Впрочем, на росте и принадлежности к полу их сходство заканчивалось. Вошедший был смугловат, темноволос и при этом обладал удивительно яркими бирюзовыми глазами, а ухмылялся так, будто родился с этим выражением лица и просто не представляет, как можно вести себя иначе. А еще его лицо казалось смутно знакомым, хотя откуда, память отказывалась выдавать.

– Привет, – отозвался Ксандер и, отложив книгу, встал.

На это действие парень шагнул к нему с такой радостной готовностью, словно собирался обнять, но передумал и только протянул руку, которую Ксандер осторожно пожал. Рука оказалась сильная, мозолистая, и такие мозоли Ксандеру были знакомы: такие оставляют только весла.

– Я Адриано Мочениго, – все так же бодро и радостно, словно не веря своей удаче, сообщил новопришедший. – Мы это, соседями будем. – Видимо, на лице Ксандера что-то отразилось, потому что он добавил: – Понимаю, но, видно, тут такое уж правило, один бы ты не остался.

Надежде Ксандера на одиночество не исполнилось и дня от роду, сжиться он с ней не успел, поэтому хоть и не без сожаления, но кивнул.

– Ксандер ван Страатен, – представился он и приготовил-

ся, не без некоторого злорадства, к привычной реакции.

Реакции не последовало.

– Нидерландец? – легко поинтересовался его новый сосед, бросая объемистую сумку в угол у оставшейся до сих пор незанятой второй кровати. – Это здорово. А я из Венеции.

– Фламандец.

Адриано глянул через плечо. Теперь он был занят тем, что бережно распаковывал на кровати укутанную в кожу и мягкую ткань гитару. Вот уж не хватало! Чего-чего, а этого добра Ксандер наслушался еще в Иберии и вовсе не жаждал продолжить знакомство еще и в Академии.

– Извини, я у вас почти не был, только там, где... в общем, на Рейне, так что Фландрия или там Зеландия...

– Я имею в виду, – безжалостно уточнил Ксандер, – что я из тех, кто связан Клятвой.

Только в этот момент его осенила мысль, что парень мог быть вовсе из вилланов и потому совсем не в курсе Клятвы, но Адриано оставил свою гитару и выпрямился так, что стало ясно: из какого бы он ни был рода и племени, про Клятву он знал.

Что будет дальше, Ксандер видел не раз: либо откровенное презрение, либо жалость, и он бы не смог сказать, что хуже. Но имелся и несомненный бонус: с объятиями сосед больше не полезет и гитарку свою терзать будет где-нибудь подальше, а то и вовсе заходить будет только переночевать.

С минуту Адриано его изучал. Лицо при этом у него бы-

ло странное: без тени былой ухмылки, брови нахмурены над жестким прищуром, и ощущалось это даже немного неприятно, будто на Ксандера смотрел кто-то другой, взрослый и недобрый, и при этом все еще странным образом знакомый. Но вот презрения в этом лице не было, как, впрочем, и жалости.

– Ладно, – наконец сказал венецианец, – потом разберемся. Скажи только сразу, что в чем выражается и когда за помощью бежать.

– Не в чем тут разбираться, – отрезал Ксандер, – и помогать незачем.

– С помощью – это как знаешь, дело твое, – покладисто согласился Адриано, отворачиваясь обратно к гитаре, но перед тем успел снова подарить фламандцу свою кривоватую ухмылку. – Но рассказать придется, потому что, если с тобой что случится, а я испугаюсь с непривычки, дураками выйдем мы оба.

И тут память очнулась и выдала воспоминание: полумрак зала с колоннами, мерцающие в нишах камни и веселый будущий однокурсник с его варварским танцем восторга.

– Ты тот самый парень!

Адриано сощурился снова, но с любопытством.

– Ты тогда взял камень и убежал. Обратно в Лабиринт?

Тот враз поскучнел и неохотно кивнул.

– Было дело.

– Зачем?

– Потом расскажу. Как-нибудь. Если захочешь.

Ксандер пожал плечами. Похоже, большего ответа от него не ожидалось и не желалось: Адриано ничего требовать не стал, просто повернулся обратно, чтобы закончить с вещами. Разложенное он где-то поправил, еще раз погладил гитару и, видимо, сочтя, что на этом неприятную для него тему можно бы и замять, сел на кровать и снова устался на Ксандера.

– Как тут вообще? Я ж пропустил, что сегодня было.

– Нормально, – не стал упираться Ксандер, – уроков и было-то всего три, если честно, так что ты не много пропустил. Разве что лекцию ректора...

Странное дело, эта лекция в памяти сохранилась как живая, он мог бы, закрыв глаза, даже представить д'Эстаона прямо перед собой, услышать голос, словно еще сидел в том зале, но пересказать... не то чтобы он не умел подобрать нужных слов, но, стоило ему подумать об этом, все выходило несколько беспомощно и вполтину не так красиво и доходчиво, во всяком случае, на его взгляд. Впрочем, Адриано требовать пересказа не стал, только кивнул.

– Это-то он мне уже изложил, когда меня вытащили и зубы стучать перестали.

– Из Лабиринта?

Глаза Адриано блеснули.

– Я ж там заблудился. Ну не то чтобы заблудился... В общем, я пошел назад, а там ничего. Совсем. Только огоньки где-то и голоса слышны, но за голосами идти... короче,

зря я это затеял. А потом вообще все исчезло, и огоньки выключили, и стала просто темь непроглядная. И холодно ужас как, я продрог до последней косточки. Лег, где вроде было немножко поглаже, и думал, что просто усну тут и помру.

– А как же... – Ксандер запнулся.

Испытание у каждого свое, и спрашивать о чужом... Он бы о собственном не рассказал вот так первому встречному. Адриано, впрочем, понял.

– Нет, как на испытании, этого не было вообще, – сказал он уже бодро, словно о жутком, но все-таки захватывающем приключении. – Только ничего не видно – ну, совсем ничего, даже пальцев вытянутой руки, а ведь я хорошо в темноте вижу. В общем, устроился я, свернулся поплотнее, чтоб не так холодно, и думаю: все, кранты мне, тут-то я и кончусь, прощай, мой добрый мир. И тут – он!

– Кто?

– А черт его знает, – уже почти восторженно поведал новый сосед. – Черный человек. Вижу – идет и словно вглядывается в темноту, и улыбается – так улыбается, скажу я тебе, что у меня сердце в пятки ушло, и как я в эти камни не просочился, не знаю, но старался как мог. Думаю, надо зажмуриться, но страшно же! Так и смотрю, как он подходит все ближе и ближе...

Его голос упал до драматического шепота, и Ксандеру пришлось наклониться почти голова к голове, чтобы расслышать певучий, мягкий, словно в латыни специально для него

нашлись еще гласные, вкрадчивый этот шепот.

– И тут он как схватит меня за плечо! Я аж заорал!

От такого резкого перехода и вдобавок демонстрации, когда смуглые пальцы сжали Ксандерово плечо с внезапной силой, Ксандер сам чуть не заорал, поэтому легко такое сразу понял. Зато это действие слегка стряхнуло оцепенение от шепота, поэтому он выдохнул:

– А он?

– А он смотрит на меня своими черными глазищами... У тебя, кстати, не черные? А то мало ли, может, это я в обиду...

– Нет, – Ксандер даже чуть повернул голову, чтобы на свету было виднее, – я черные тоже не люблю.

– Ну да, верно... Смотрит он своими черными лупалками, словно дырку во мне прожигает, и у меня враз горло перехватило, и рад бы дальше орать, а не могу. Только что есть силы к себе камушек мой прижимаю, он же мой честно, так?

Ксандер кивнул.

– Ну вот, прижимаю его прямо к сердцу, и тут он его увидел. Ну, думаю, все, теперь точно убьет или умучает, а мне, как назло, ни одна молитва на ум нейдет, так, думаю, и помру нераскаянным, и будет мне холодно всю вечность теперь...

– В аду же жарко, – не выдержал и уточнил Ксандер.

Адриано поднял бровь.

– Да ну? Ты Данте читал?

Ксандер читал, но немного, и было это слишком давно, еще дома, и до ужаса скучно. Память отказалась сохранить

хоть какую-то деталь из постоянного списка неизвестных ему людей, с которыми классик упоенно сводил счета, поэтому возразить ему было особо нечего.

– Во-от, – удовлетворенно отозвался венецианец, – а рас-суждаешь.

– Так чего черный человек-то?

– Этот-то? Посмотрел он на камень, на меня, потом опять на камень, улыбнулся своей страшной улыбкой и говорит: «Вот как... добро пожаловать, юноша, в Академию».

Ксандер выдохнул и фыркнул.

– Учитель, что ли?

– А черт его знает, – повторил Адриано, чуть пожав плечами. – Только вытаскивать он меня не стал, повернулся и ушел. А потом пришли уже другие.

– Значит, на помощь позвал.

– Не знаю, чему там помогать, – хмыкнул Адриано. – Подняли и повели, только и всего, не то чтобы там с чудовищами сражаться пришлось. И если это он за помощью ходил, то его только за смертью посылать, я потом там в темноте просидел еще невесть сколько, не очень-то они торопились.

– Кто ж их знает, – отозвался Ксандер, но даже на его собственные уши это звучало неубедительно.

– Да ладно, – махнул рукой венецианец, – не берем в голову. Если он учитель, то я его найду здесь и спрошу, тогда и узнаем. А теперь айда спать? Или поизучаем окрестности?

– Спать, – решительно сказал Ксандер.

Всю ночь ему снился черный человек. Во сне он был похож на всех Альба сразу, и Ксандер от него убегал со всех ног, но человек превращался в черного пса – нет, даже в целую стаю псов с угольями вместо глаз и пламенем из пасти, и когда они лаяли, все вокруг пылало. В конце концов, они загнали Ксандера в круг пламени, он съежился внутри, понимая уже, что это конец, и тут к нему прямо из огня протянулась рука...

– Смотри, какое утро! – возопил до отвращения бодрый голос.

Его выдернуло из кошмара, словно на голову опрокинули ушат холодной воды. Он сдернул с себя влажное от пота и потому противное одеяло и вскочил, вздрагивая всем телом под веявшим из окна прохладным ветерком.

На окне сидел Адриано. Одет он был совсем по-простому, в льняную рубашку и льняные же, закатанные почти до колена штаны, но это смотрелось на нем ладно и щеголевато, словно в этом наряде таился неизвестный Ксандеру форс и фарт. Фламандец даже с тоской подумал о том, что в его гардеробе не имелось ничего подобного, только куча безупречно мрачных, разной степени вышитости иберийских тряпок.

Другое дело – дома, вздохнул он и глянул на часы.

– Какого черта! – чуть не простонал он. – До первого урока еще два часа!

Венецианец ничуть не смутился.

– Зато можно искупаться, – заявил он и глянул через плечо туда, где плескалась вода озера, или рва, или омута, или что оно там было: Ксандер в пресной воде разбирался не очень. А вот то, что их комната была от этой воды на высоте небольшой мачты, оценить он мог, как и то, что под непроглядно-зеленой поверхностью могло скрываться что угодно.

– Только отсюда прыгать не вздумай, – предупредил он, уж больно готовым к этому выглядел его безумный сосед.

Адриано перевел взгляд на него и пару раз сморгнул, так что Ксандеру стало ясно: если он и был безумен, то явно не настолько. А потом вдруг вздохнул.

– Я должен тебе сказать очень важную и тайную вещь, Сандер.

– Что ты не такой идиот? «Как кажешься», – добавил фламандец в уме.

– Что я чудовищный, – венецианец подтянул ноги, садясь на подоконнике по-турецки, – невероятный, – его спина отодвинулась так, что касалась бы окна, если бы оно не было распахнуто настежь, – трус.

И чуть откинувшись, падая спиной вперед туда, в высоту и непроглядную воду.

Ксандер и охнуть не успел, как уже кинулся к окну сам,

но увидел только мелькнувшие в воздухе и утреннем тумане ноги и штаны из небеленого льна. Впрочем, увидел он и то, что венецианец был хоть и сумасшедшим, но не совсем самоубийцей: он ловко извернулся в воздухе и сумел войти в воду как рыба, почти без плеска. Томительный удар сердца спустя из омута вынырнула темноволосая голова, и Адриано махнул рукой.

– Эгей!

Самым разумным было, конечно, пойти в теплую ванную и нормально помыться, раз уж спасательных действий не требовалось, а последние остатки сна слетели – и не такой это был сон, чтобы Ксандер стремился в него вернуться. Или можно было, судя по восторгу плававшего внизу соседа, спуститься и в самом деле окунуться в наверняка холодную, но бодрящую воду – не прыгать же отсюда, в самом деле...

Не прошло и минуты, как Ксандер стоял на подоконнике.

– Сигай сюда, тут здорово! – звал певучий безумный голос.

И Ксандер сиганул.

Адриано не соврал: вода была и в самом деле здоровская. Речная или там какая, но она надежно смыла с Ксандера последние остатки ночной жути, порядком освежила и взбодрила, и, согревшись сначала в горячем душе, а потом – здоровенной чашкой кофе с вафлей на меду, он решил, что сумасшествие соседа было, может, и заразным, но не таким уж болезненным, как сперва показалось.

– Ван Страатен, ван Страатен, – задумчиво пробормотал Адриано над своим кофе, порядком испорченным на вкус Ксандера изрядной дозой молока и даже каким-то сиропом. – Где же я... святой Марк и его лев! Так «Летучий голландец» же!

– Есть такое, – признал Ксандер, приятно удивленный: в Иберии никого сказки и легенды вассалов не интересовали. – Капитан ван Страатен – мой предок.

– Ух ты! – радостно выдохнул Адриано. – А ты его видел?

– Однажды. Он же обычно там, на юге...

– Пытается обмануть дьявола и обойти мыс Горн, – с готовностью подхватил венецианец.

– Ага. Но раз в семь лет он приходит к нашим берегам – в старину как-то они даже мешок кинули на проходивший мимо корабль, а там...

– Сокровища?

– Почта, – чуть улыбнулся Ксандер. – Моряки «Голландца» написали домой родным. Только их корабля так долго боялись, что никто не подходил достаточно близко, а когда подошел, было уже слишком поздно. Все, кого они знали на земле, умерли. Письма-то доставили, но толку с того.

– Но ты видел, да?

– Ага. Я тогда еще совсем мелким был, еще до того, как меня забрали. Дядя Герт посадил меня на плечи, и я увидел – так-то там толпа собирается, это у нас почти праздник.

Он словно воочию увидел это снова: опустевшую бухту

и прижавшиеся испуганно к берегу лодки, суденышки и даже один невесть как забредший фрегат; примолкшую кучу людей, вытягивающих шеи, чтобы получше разглядеть, и – его: словно вставший на рейде, едва вблизи берега, на мучительно небольшом расстоянии – корабль, от которого остался остов, обвисшие паруса, истрепанные тысячей бурь, и изможденные силуэты на борту, тоже напряженно вглядывающиеся и ждущие – чего?

– Страшно было? – тихо спросил Адриано.

– Не страшно, – чуть мотнул головой Ксандер, – скорее... грустно. Они ведь уже все давно мертвы, но не могут даже мертвыми вернуться домой, пока живо проклятье, и могут только посмотреть на родину – и опять уйти.

Как и он, потомок их капитана.

– Да, – с неожиданным пониманием кивнул рядом венецианец. – Это очень-очень грустно – быть проклятым.

– Очень мило, – раздался от двери столовой голос, об обладательнице которого Ксандер в кои-то веки успешно забыл и не особо-то по этой памяти скучал.

Он вскинул голову: так и есть, на пороге стояла уже одетая как на парад Белла, а за ее спиной маячила светловолосая голова Одили, но голос ее был сух так, будто там был дон Франсиско, не иначе.

– Это еще кто? – шепнул Адриано.

Ксандер вздохнул и встал, и венецианец последовал его примеру, так, что когда Белла подошла, ни одному из них не

пришлось говорить с ней снизу вверх.

– Позволь мне представить тебе Исабель Альварес де Толедо, мою сеньору.

Слегка расширившиеся глаза были единственным предупреждением, какое он получил, прежде чем она со всей дури залепила ему пощечину. Ладонь была горячей – разозлилась, видно, не на шутку. Но когда заговорила, этого огня в голосе не оказалось ни на йоту.

– Ксандер, я бы посоветовала вам немедленно отправиться в библиотеку и выучить правила этикета.

Он сморгнул невольную влагу и встретился глазами не с ней – незачем злить, – а с Одилью. Вид у той был слегка ошалелый – видно, не ждала таких разборок, – и чуть сдвинулись брови, но она промолчала, только глянула в сторону Адриано, как будто передавала пас ему. Ксандер глянул в ту же сторону и тоже слегка ошалел.

Оказалось, его новый сосед умеет изобразить не просто поклон, а поклон безупречный, какой и в доме Альба одобрили бы без оговорок. Только вышло у него это при этом с такой залихватской дерзостью, будто он пират, кланяющийся обнаруженной на захваченном корабле прекрасной донье, или уличный мальчишка, поймавший брошенную из кареты монетку.

– Мое восхищение, *madonna*! Вы так строги, что я трепещу!

Белла, похоже, онемела. Одиль кусала губы, явно стараясь

не рассмеяться.

– И я в отчаянии, что косвенно вызвал ваш гнев, поэтому не буду больше рисковать и умчусь следом, – заверил его сеньору Адриано, блестя своими диковинного цвета глазами, и развернулся к Ксандеру так, будто они все танцевали, и этот поворот был давно согласованным шагом. – Не дело заставлять сеньору повторять дважды, не так ли, друг? Целую ваши ноги, *madonna*!

И поволок Ксандера прочь буквально за рукав, по ходу подмигнув беззвучно смеющейся Одили, хотя почему, Ксандер не понял, да и не горел желанием разбираться. Щека все еще горела – рука у сеньоры была тяжелая, чего и не подумаешь по ее виду. И чего, спрашивается, разозлилась? Нет, теперь он припоминал что-то насчет того, что женщин не представляют, но...

– Прости за эту сцену.

На Адриано он не мог смотреть. Как ни старался, но совсем не переживать после каждого публичного рукоприкладства Исабель у него не получалось.

Адриано расхохотался.

– Помилуй, Ксандер, о чем ты? Она восхитительна, твоя сеньора! Какой пыл, какая страсть! Истинная иберийка, клянусь святым Марком и его львом!

– Да уж, – проворчал Ксандер, – вот уж в чем можно не сомневаться.

– Надо пригласить ее на танец. Вы же тут вечерами тан-

цуете? Ну, после уроков?

Вот уж чего не хватало!

Танцы Ксандер не любил. Его учили, конечно, дон Алехандро вообще намеревался из него сделать приличного идадьго, и танцы, как и фехтование, были тут важной частью. Учила и мать, но немного, и тоже совсем не тем танцам, которые ему нравились-таки: веселым и заводным круговым пляскам, так любимым во фламандских кабаках после изрядной дозы доброго пива. Мать предпочитала всякие «приличные» вальсы, фыркая даже на польку.

– Лучше позови ее подружку, хоть не обожжешься.

– Нет, эту бессмысленно, – легко отозвался Адриано. – Танец – это страсть и огонь, мой друг, а тут этого не будет.

– Откуда ты знаешь?

Адриано фыркнул, как будто вопрос был редкостно дурацкий.

– Кому, как не мне. И потом, знаешь ли, танцевать по-нормальному с ней – ну, не инцест, конечно, но где-то по ту сторону извращений...

Ксандер почувствовал, как у него запылали уши.

– Какой инцест, ты о чем?

Адриано с мгновение смотрел на него, нахмурившись, а потом хлопнул себя по лбу.

– Я кретин, – сказал он с подкупающей искренностью. – Я ж не сказал. Тем более там все так драматично развивалось... Она моя сестра.

– Одиль? Одиллия де Нордгау?

– Одиллия де Нордгау Мочениго, – поправил венецианец. – А я Адриано Мочениго ди Нордгау.

– Подожди, – Ксандер остановился сам и тоже ухватил Адриано за рукав для верности. – Но раз вы на одном курсе – вы же не близнецы?

Адриано расхохотался так, что с ближайшей крыши с шумом снялась целая стая голубей. Ксандер и сам прыснул: по здравому размышлению, он знал мало людей более друг на друга непохожих, чем призрачно-бледная Одиль и этот сын адриатических лагун.

– Нет-нет, ты что, – отсмеявшись, ответил венецианец. – Дали меня на полгода старше даже. Нет. У нас один отец, это да, только матери разные. Я и вырос при маме, а он меня к себе забрал, когда она умерла, а нам с сестрой по семь было, и признал. Ты не подумай, я сестренку люблю, и она меня, но просто – ну, не так, чтобы... как в танцах.

Уши Ксандера на этом всерьез вознамерились отгореть напрочь, судя по ощущению.

– Что ж ты не сказал?

– А я не знал, прошла ли она, – пожал плечами Адриано. – Я ж так, украдкой сюда, отец сказал, что не пустит, что я не пройду и помру. Собственно, я и учиться-то не думал особо, точнее, не думал дальше испытания. Кстати, об учебе – у нас сегодня-то что?

Ловкость Адриано в нырянии и поклонах загадочным образом не распространялась на полезную деятельность, как выяснил Ксандер сначала на уроке истории будущего, где простейший расчет завтрашней погоды закончился взрывом, а потом на уроке артефактологии, который шел вполне мирно до того момента, пока из статуэтки быка минойского периода не поползли змеи, стоило Адриано покрутить ее в руках. Впрочем, надо было отдать должное мадам Энкоссе, урок она не прервала, только позвала профессора Скотта зачаровать змей, а от класса потребовала порассуждать, почему вдруг безобидная тысячелетиями штука могла так отреагировать и на что.

После урока Исабель хотела было подойти к Ксандеру, но Одиль ее утатила, и он подошел к Адриано. Венецианец печально сидел и тыкал пальцем в почти уснувшую змею, которую Майкл Скотт деловито укладывал на плечи. Еще пара змей устроились на его руках и, похоже, замечательно там себя чувствовали.

– Ничего, моя хорошая, сейчас выйдем, и выпущу тебя, – проворковал рыжий профессор. – Ван Страатен! А что это вы тут делаете?

– Так у нас сейчас обед будет, профессор, – пояснил фла-

мандец, чуть улыбнувшись и кивнув в ответ просиявшему Адриано.

— А это вас двоих не касается, — бодро сообщил им Скотт. — У вас ориентация. Ректор хотел сам зайти, но послал меня, а тут как раз Шарлотта со змеями, вот и сложилось...

— Ориентация? — это они сказали в унисон, и скептическое лицо Скотта смягчилось.

— В нормальной ситуации вы все этот год посещаете одни и те же занятия, — объяснил он, — чтобы мы точно знали, что все будут знать необходимую базу. А потом, по идее, ученики уже могут более уверенно определиться в том, чего хотят в будущем. Но! Он поднял вверх палец, вокруг которого обернулся самый кончик змеиного хвоста. — Есть и те, кто уже определился, — как вы, ван Страатен, если я правильно понимаю, и вы, Мочениго. Поэтому вас, — палец ткнул Адриано в грудь и, видимо, чувствительно, потому что венецианец поморщился, — я отведу к ректору. А вас, — тыкать Ксандера Скотт не стал, но указал в его сторону, — уже ждут в лазарете.

Лазарет Академии оказался на поверку небольшим каменным строением под вытянувшимися ввысь крепкими,

как колонны, соснами. Ксандер постучал, но ему никто не ответил, и тогда он вошел, осторожно оглядываясь, но внутри по-прежнему не обнаруживалось никого живого. Зато обнаружился ряд уютных комнаток, в одной из которых он не отказался бы полежать, и кабинет с полками едва не до потолка, где нижняя половина была сплошь уставлена крайне любопытными склянками и бутылочками.

– Так ты, возможно, мой новый ученик.

При первом же звуке этого шелестящего голоса, внезапно раздавшегося у него над ухом, Ксандер, за размышлениями забывший о времени, вскочил на ноги, опрокинув стул. Почти беззвучный смех был ему наградой. Несколько обескураженный, он обернулся, чтобы посмотреть на своего неожиданного собеседника. Точнее, собеседницу. Миниатюрная – она едва доставала ему до подбородка, – худенькая и какая-то вся хрупкая, она потирала тонкие, несколько высохшие руки и все смеялась. Волосы ее соперничали белизной с простым льняным платьем, лицо, когда-то несомненно красивое, с правильными крупными чертами, теперь расчерчивали морщины, но удивительно большие, темные и влажные, как у оленя, глаза смотрели ясно и зорко.

– Господин Сидро говорил мне, – проговорила она, еще посмеиваясь, и взялась обходить его кругом, – что один из новых учеников уже сейчас знает, что хочет заниматься врачеванием. Значит, это ты Ксандер ван Страатен?

– Да, – выдавил он.

– Это хорошо... ты здоровый. Ты ведь здоров?

– Да, – ответил он, невольно глянув на свои руки.

Либо собеседница отметила этот взгляд – хотя ему-то казалось, что ее больше заинтересовали в тот момент его ботинки, – либо его выдавало что-то еще, но ее сухая лапка деликатно, но твердо отодвинула длинную манжету. С минуту темные глаза изучали представший им шрам, а потом она так же мягко поправила рукав.

– Это несчастный случай.

– Можно сказать и так, – почти неслышно, явно самой себе, сказала она. – Да, ты здоров. Это хорошо. Мой учитель говорил, что лучшие целители выходят либо из тех, кто воплощает здоровье, либо из тех, кто привык сам бороться с болезнью и смертью.

На это Ксандеру было нечего ответить, поэтому он просто дождался, пока это странное существо не закончит свою инспекцию и не встанет вновь перед ним.

– Хм-м, – сказала она тогда, глядя ему в лицо и чуть наклонив набок голову, как птица. – Скажи, а ты ведь из того... морского народа с дамбами?

– Да, из Фландрии... – В его памяти вдруг всплыл вчерашний вечер, певучий голос нового соседа, перечисляющего провинции, а одновременно с этим потеплела ушибленная пощечиной щека, и, улыбнувшись с вызовом, он поправился: – Нет. Из Нидерландов.

Дерзость ответа его собеседница либо не заметила, либо

проигнорировала.

– Я тоже в некотором роде из Нижней страны, – безмятежно сообщила она ему. – Только южнее твоей. Меня зовут Мерит-Птах.

Он сморгнул.

Потом сморгнул еще раз.

– Сколько же вам лет? – вырвалось у него прежде, чем он успел прикусить язык.

– Много, – все так же спокойно отозвалась она, но веселье все еще пряталось в морщинках у миндалевидных глаз. – Очень много, наверное. Поэтому я и знаю много, и буду хорошо тебя учить. А вот будешь ли ты хорошо учиться – это уж твое дело.

Завороженный, он только кивнул.

– Скажи мне, ты хочешь научиться ради себя, ради всех или ради кого-то одного? Отвечай, не бойся: каждого приводит свой путь, но приходят все к одной цели. Но мне хотелось бы, чтобы тебе сразу было интересно.

– Мне интересно будет, наверно, все, – осторожно сказал он. – Но нужнее всего...

– ...как лечить ожоги, – закончила она. – Договорились, Ксандер. Ты же не против, если я буду звать тебя по имени?

Он помотал головой, понимая, что попросту пялится во все глаза на нее, и снова слышал ее смех, и почувствовал, как сухая узкая ладонь легонько коснулась его щеки, той самой, по которой пришлась пощечина.

– Как же вы краснеете, северяне! Никак не привыкну!
Он не мог не улыбнуться.

Первым, что он услышал, подходя к Башне Воды спустя два часа – два восхитительных часа того, что он решил записать в память как инициацию в профессию, – была гитара. В небольшом дворике замка звон ее струн разносился на диво, а еще – стук каблуков по камням, легкий, словно кто-то отбивал ритм. Иберийская гитара и иберийский танец, хотя во дворике, на нагретых за день солнцем камнях, сидели все его однокурсники.

И играл к тому же вовсе не ибериец, а Адриано. Он играл, вовсе не глядя на танцующих и слушающих, словно говорил наедине со своей гитарой и пел словно вполголоса только ей одной, хотя пел хорошо, надо было признать. И только когда Алехандра, весело потрянув кудрями, крикнула ему прямо посередине песни, в той бесцеремонной иберийской манере, к которой Ксандер так и не смог привыкнуть, какое-то ободряющее восклицание, венецианец поднял голову с неожиданно доброй и смущенной улыбкой, будто его застали целующимся с любимой девушкой, и хоть и не посмеялись, но...

Из тех двоих, кто танцевали, иберийка была только одна. И это была Белла.

Ксандер хмыкнул, вспомнив слова Адриано про страсть: вот уж чего тут не было, того не было. Сеньора танцевала будто сдавала экзамен: как всегда прямая, решительная и чуть поджав губы в напряжении. Вообще она ничего так не напоминала, как птицу, обнаружившую что-то у ног и аккуратно переступающую, чтобы никак не коснуться неожиданной находки.

А вокруг нее с гибкой грацией лебедя на воде скользила Одиль – и каждый изгиб был мягким, и каждый шаг – естественным, будто никакого другого и сделать было нельзя, и это было очень красиво, но и в этом страсти не было ни капли.

Только в середине танца они, видимо, как-то приспособились друг к другу – во всяком случае, Белла подняла глаза, улыбнулась, немного расслабилась – и наконец последнюю часть танца они уже исполнили весело и гордо, похваляясь каждая умением другой и словно празднуя друг друга.

Дотанцевав и получив аплодисменты, они отошли в сторонку, но Адриано остался там, где сидел, и Ксандер присел рядом с ним.

– Решил не танцевать с сеньорой?

Адриано поднял голову от гитары и подмигнул.

– Я пригласил! Это она отказалась. Ну ничего, еще успеется. Как твоя ориентация? Кстати, я забыл спросить, кем

ты...

– Врачом, – отозвался Ксандер.

– Дело стоящее, – одобрил тот.

– А ты?

На лице венецианца опять появилась та смущенная улыбка.

– Я хочу летать.

Ксандеру сразу вспомнилась первая лекция профессора Скотта, который наверняка уже услышал про желания Адриано и наверняка уже и ему объяснил, почему это невозможно.

– Это как птица, что ли?

– Я буду авиатором, – пояснил венецианец. – Понимаешь, в самолете. Не будешь смеяться?

Ксандер бы, может, и посмеялся, но вспомнил и другое: маленькую племянницу Филиппу и ее сокровище – жестяной сундучок, куда половину ее жизни, целых три года, вся семья добавляла все больше и больше открыток и фотографий странных летательных аппаратов, в которые она влюбилась в тот же час, как увидела один из них в небе над Амстердамом.

– Не буду, – серьезно сказал он.

Адриано кивнул, словно этого и ждал, и облокотился на гитару.

– Знаешь, меня ждет самолет. Правда, я не вру. Четыре года назад я упросил отца съездить в Милан, там была боль-

шая выставка и столько самолетов, — он каждый раз любовно выговаривал это слово. — И с двумя крыльями, и с одним даже...

— Это как это — с одним? — засомневался Ксандер, представив себе эдакую несуразицу.

— Так у них два крыла, — Адриано провел ладонями параллельно земле, будто гладил эти воображаемые крылья, — это одно на самом деле, цельное. Это у птиц их два, а самолеты-то летают, но крыльями не машут.

— Всегда думал, как это у них получается.

— И я, — рассмеялся Адриано. — И всех там расспрашивал. Правда, по-настоящему мне отвечал только один. Он был с востока, его звали Алессандро, почти как тебя, кстати, и он был совсем молодой, наверное, поэтому и не возражал, что пацан какой-то под ногами вертится. Даже фотографию мне надписал, вот.

— Здорово, — сказал Ксандер, которому как раз было довольно-таки все равно, как эти странные громыхающие железки держатся в воздухе, но уж больно Адриано был в этот момент похож на маленькую Филиппу. Вот уж кто бы после такого рассказа сразу потребовал показать ей и фото, и подпись, и еще в подробностях пересказать объяснения молодого инженера.

— И Алессандро вдруг меня по плечу хлопнул и говорит, мол, парень ты дельный, видно, приезжай к нам, как подрастешь, будешь летать, если отец, конечно, отпустит. А отец

и говорит: «Отпущу, чего ж не отпустить, но только вы мне обещайте, синьор Яковлев... его так звали, смешное имя... что сделаете ему самый лучший самолет на свете. А то тут тевтоны, нет, немцы, вот они говорят, что ваши самолеты куда хуже их, а так, чтобы с одним крылом – так и летать не смогут». Это правда, был там один такой, все прыгал, орал и говорил, что у тех, с востока, макеты стоят на выставке, а не настоящие самолеты. А они настоящие, я точно знаю, я трогал, они летали...

– А Алессандро что? – Ксандер почему-то немного даже посочувствовал неведомому своему тезке.

– О, он просто рассмеялся и сказал, что в небе его самолеты еще себя покажут и немцев там побьют. И обещал сделать мне самый лучший самолет, как только выучусь. Видишь, значит, мне надо крепко учиться...

– Я видела этих, с одним крылом, – вдруг сказал над ними скрипучий голос Леонор. – Они правда самые лучшие. Но все равно они не победили.

Адриано ободряюще ей улыбнулся.

– Ничего, еще победят. Увидишь.

Ксандер чуть подвинулся, чтобы Леонор могла сесть, если захочет. Это была единственная иберийка, какую он знал, кому было наплевать на этикет и церемонии, и со всеми ее странностями он ей сочувствовал больше, чем остальным, да и ей, похоже, не казалось зазорным побыть в его компании.

– Нет, – отмахнулась она, – спасибо, но я уж побегу. Ме-

ня тут в библиотеку отправили. — Она выудила из кармана косо оторванную бумажку, которую, чуть охнув, расправила и которая на поверку оказалась убористо написанным списком. — Я ж меньше остальных знаю, надо догонять.

— Так ты подожди, — подобрав гитару, встал Адриано. — Нас тут тоже поутру, — он подмигнул Ксандеру, — в библиотеку отправили. Не знаю, туда ли, но пошли, хоть вид сделаем.

Строго говоря, Адриано-то никто никуда не отправлял, но Ксандер оценил готовность разделить его неудачу.

— Пошли, — согласился он, тоже вставая. — А куда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.